ВѢРА НАВАЛЬ.

ТѢСНЫЯ ВРАТА

РОМАН.

Книга II.

Издательство М. В. Зайцева
г. Харбин, 1936 г.

XVI.

Недѣлю спустя погода внезапно измѣнилась. Ярко свѣтило солнце. Кротко и покорно плескалась под ним, вся усыпанная алмазными блестками, синяя водяная гладь.

Терпѣливые обитатели Сестрорѣцка, так долго „сидѣвшіе у моря и ждавшіе погоды“, дорвались, наконец, до купанія и весь день проводили на пляжѣ, рѣзвясь, как дѣти, на пескѣ. Купальщики уже с ранняго утра впрягали жалких кляченок в свои деревянныя кабинки на колесах и ввозили в них купающихся в воду, туда, гдѣ поглубже.

Ирина и Рдищевы избѣгали шумной и многолюдной части набережной и грѣлись под солнцем на пескѣ, вблизи от своей дачи.

Как то утром Михаил Анатольевич, Талочка и Боб, надѣв купальные костюмы и халаты, уѣхали купаться с лодки подальше от берега, туда, гдѣ волны не пахли духами и конюшней.

Нина Петровна, боясь холодной воды, осталась дома. Мисс Феба читала ей вслух.

Ирина же чувствовала себя так плохо, что собиралась лечь в постель. Но около десяти часов пришла телеграмма от Фермье, в которой тот сообщал ей, что Провзоровскій быстро выздоравливает и вскорѣ уѣдет в долгое плаваніе на своей яхтѣ с мадемуазель Калашниковой.

Эта новость цѣлебно подѣйствовала на Ирину.

„Слава Богу, что хоть там „happy-end“, подумала она. „Никита утѣшился, Ольга счастлива.“

Это сознаніе так оживило ее, что потянуло на воздух. Взяв Тату на руки, она спустилась с нею на пляж перед дачей.

Аннуціата разстелила ей там плед. Она устроилась на нем с книгой, Тата с игрушками.

Нѣсколько минут спустя на пляжѣ появились, одѣтыя в черныя платья и черные шелковые фартуки, камеристка и няня принцессы де Феррибор. Онѣ принесли и поставили на пескѣ удобное складное кресло, разстелили около него ковер.

Вскорѣ из сада спустилась сама принцесса Марія, высокая тонкая женщина с нѣжным и блѣдным лицом. Кротость и величавость почти благостно сочетались в ея обликѣ.

„Она то, что нѣмцы называют „hold“, подумала Ирина украдкой наблюдая за тѣм, как принцесса, ожидавшая ребенка, осторожно опустилась в кресло, расправила широкія складки своего траурнаго платья, поправила широкополую черную шляпу на темнорусых волосах; за тѣм, как няня старалась удержать ее единственную дочку Сесиль на коврѣ у ея ног.

Подвижной Сесиль не сидѣлось на мѣстѣ, она подбѣжала к Татѣ. Дѣвочки довольно долго сосредоточенно разглядывали друг друга, потом, с помощью Аннуціаты, стали собирать камушки в голубенькое ведерко. К ним присоединилась и няня Сесиль.

Нянюшки разговаривали. Бѣлыя куколки с золотыми локонами рылись в пескѣ. Принцесса сидѣла, положив свои удивительныя длинныя руки на колени, и с ясной спокойной полуулыбкой смотрѣла на дѣтей. Ее нельзя было назвать красавицей, но она была лучше красавицы, — у нея было благостное лицо с простыми прямыми чертами Богоматери, лицо излучающее внутреннее сіяніе.

Ирина была так захвачена исходящим от нея очарованіем, что не могла оторвать от нея взгляда. Однако, просвѣтленность ея прозрачнаго лица пугала своею хрупкостью. Ей казалось, что эта женщина слишком нѣжно создана для земной жизни, что из больших голубых глаз ея смотрит душа уже видящая иной міp.

„Такіе глаза должны быть у ангелов, но ни один художник не написал таких глаз", подумала Ирина.

Почувствовав ее вниманіе, принцесса повернулась к ней. Глаза их встрѣтились. Онѣ улыбнулись друг другу.

— Я рада, что наши дѣвочки подружились,— сказала слабым грудным голосом принцесса Марія и взгляд ея лаской озарил Ирину.

Между ними начался незначительный разговор.

С каждым днем разстояніе между креслом и пледом все уменьшалось, а знакомство Ирины и принцессы становилось ближе.

Иринѣ открылась в ней новая жизненная сфера. Принцесса была женщина-ребенок. В ней воплотился завѣт Христа: „будьте же как дѣти". Ея душевная чистота, кротость, доброта, ея полное непротивленіе и полная безпомощность в жизни были обвѣяны святостью.

Ирина любила, когда она тихонько клала свою тонкую узкую руку, с мало развитыми мускулами и почти неразъединяющимися пальцами, на головку Таты. В этом простом движеніи ея было точно благословеніе.

Да, эти прекрасныя блѣдныя неразвитыя руки не были созданы для обыденной жизни, для труда или искусства, — а только для благословенія.

Принцесса Марія не умѣла поднять ими свою дочку на колѣни и разговаривала с нею

сконяясь к ней, как с маленькой дамой. Когда она цѣловала ее вечером, перед сном, няня поднимала дѣвочку к ея губам.

Ирина думала сначала, что принцесса Марія этою неподвижностью охраняет ожидаемаго ребенка, но та разсказала ей, что никогда не брала на руки Сесиль боясь уронить ее.

Впечатленіе хрупкости, исходящее от всего существа принцессы Маріи, заставляло окружающих неустанно оберегать ее. Ея камеристка не отходила от нея, угадывала ея желанія. Муж ея, очень красивый человѣк средних лѣт, смотрѣл ей в глаза, ходил за нею, как за ребенком. За столом он сам разрѣзал ей мясо, наливал ей воду в стакан. Он должен был рѣшать, какое платье ей надѣть, что заказать, какія вещи она не может больше носить. По вечерам он читал ей вслух дѣтскія книги графини Сегюр. Она слушала вытянувшись на кушеткѣ, уронив свои чудныя руки без колец на подушки подложенныя под них мужем, и улыбалась легкой счастливой улыбкой.

В другой женщинѣ все это могло вызвать насмѣшку, в принцессѣ Маріи это вызывало умиленіе.

Ирина чувствовала себя в сравненіи с нею темной и грѣшной,

„Хоть бы мнѣ только на один день стать такою необремененной, такою невѣдающею и мудрой, как она", загоралось иногда в ея сердцѣ горячее желаніе. „Хоть бы на один день мнѣ перенестись из ада, в котором я теперь живу, в ея земной рай".

Особенно сильно охватило Ирину это чувство как то теплым спокойным вечером. Она сидѣла на балконѣ и перечитывала письмо, полученное утром от Елены Сергѣевны, в котором та сообщала ей, что нѣт ничего новаго пока, что Ива-

ну Тимофеевичу все еще не удалось встрѣтиться с Кириллом, что Лисицын, что-то замолк.

Она с тоскою перечитывала эти безсодержательныя строки и всею душою рвалась домой в Вознесенское, к Кириллу.

Вдруг на дорожкѣ полисадника, ведущей из парка, появились принц Феррибор с женою. Он был выше ростом чѣм она. Ведя ее под руку и слегка наклоняясь к ней, он говорил ей что-то. Все в нем, каждое движеніе, каждый взгляд, каждая улыбка были полны обожанія к этой женщинѣ, носившей под сердцем его ребенка.

„Боже мой, а я? Как я носила Тату? Что продѣлывал в это время Кирилл? А вѣчно увѣрял меня в своей любви. Нѣт, он никогда не любил меня. А вот этот—любит . . . Никогда не поступит с нею, как теперь поступил со мною мой муж, отец моего ребенка“, думала Ирина провожая глазами счастливую чету.

В эту ночь ее разбудили взволнованные голоса и слабыя всхлипыванія за тонкой деревянной стѣной, отдѣляющей ея комнату от спальни принцессы Маріи.

„Навѣрно у нея началось“, подумала Ирина и, торопливо одѣвшись, через общій балкон подошла к окну столовой Феррибора, постучала в стекло.

Камеристка Луиза открыла ей дверь.

— Почему плачет принцесса?—Встревоженно спросила ее Ирина.

— Ах, это вы, chére madame, — привѣтливо воскликнул входя в комнату принц. — Как я рад! Помогите мнѣ успокоить мою бѣдную крошку. Она вас любит и может быть вам удастся отвлечь ее . . .

— Но в чем же дѣло?

— Вообразите, ей так хочется винных ягод, что она плачет! А гдѣ же их достать? Все заперто. Вѣдь уже второй час ночи.

Ирина невольно улыбнулась.

-- Я знаю один маленькій итальянскій магазин сушеных фруктов около станціи, — вспомнила она. — Я пойду с вами. Мы разбудим итальянца, хорошо заплатим ему и принесем винныя ягоды вашей бѣдной женѣ.

— Изумительно! Как я вам благодарен за такой совѣт.

Ирина прошла к принцессѣ Маріи и разсказала ей, что трудная задача разрѣшена и что через нѣсколько минут ея желаніе будет исполнено.

Слезы принцессы мгновенно изсякли.

— О, поскорѣе, поскорѣе, — умоляюще проговорила она.

Ирина и Феррибор, не теряя ни минуты, отправились в путь.

Уже чувствовалась осень. Небо было низко и темно. Ясным голубым огнем горѣли в нем созвѣздія. Воздух был полон бодрящей свѣжести и отзывался морем и сосной.

Ирина и принц шли быстрым спортивным шагом, оживленно обмѣниваясь мыслями о том, как примет их итальянец и как обрадуется принцесса Марія получив, наконец, свои винныя ягоды.

— Тогда она заснет бѣдняжка. А завтра пускай спит до полудня, отдыхая от своих слез, — с нѣжностью говорил Феррибор, но замѣтив, что он говорит только о женѣ не удѣляя вниманія Иринѣ, он поспѣшно перевел разговор на нее.

-- Я рад вас видѣть сейчас такою легкой, подвижной, -- сердечно проговорил он. — Мнѣ иногда кажется, что вы несете какую то непосильную ношу на ваших изящных плечах. У всѣх

бывают тяжелые періоды в жизни. Я не знаю вашего горя, но увѣрен, что ваша жизнь скоро перейдет в новую, счастливую фазу. Вѣдь вы созданы для радостной блистательной жизни и она скоро заявит на вас свои права. Повѣрьте мнѣ. Зимою жена моя будет здорова, закончится наш траур, мы будем принимать. Вы будете бывать у нас, встрѣчать интересных людей. Это вас развлечет. У вас нѣт знакомых в петербургской французской колоніи?

— Я немного знакома с графиней де Рено. Ея муж, кажется, первый секретарь французскаго посольства.

— Как же. Он был здѣсь, но теперь переведен в Лондон. Я замѣнил его здѣсь. Вы знаете, что брат графини знаменитый пѣвец де Валер?

— Де Валер? Да . . . Я слыхала.

— Он был в Парижѣ этой зимой. Я познакомился с ним у маркизы де Граммен. Это такой charmeur. Не только наши дамы, но мы всѣ были им увлечены.

Разговор нѣсколько минут вращался вокруг де Валера.

Ирина безсознательно улыбалась в темнотѣ. Каким счастьем это было произносить дорогое имя в эту тихую ночь, произносить его закинув голову к небу, глядя на черныя купы деревьев, на разсыпанныя над ними хрустальныя звѣзды. Одна из них серебряной струйкой сорвалась с небосклона.

„Еще раз в жизни увидѣть Клода“, задумала Ирина мучительное желаніе, глядя на нее.

Подойдя к деревянной низкой лавченкѣ, Феррибор долго и безуспѣшно стучался в нее. Но вдруг дверь ея разом распахнулась. Выскочившій из нея молодой итальянец спросонья разразился самыми отборными итальянскими проклятіями. Однако очнувшись, сбавил тону, а прово-

жая своих щедрых ночных покупателей уж низко кланялся и острил, желая синьору и его „супругѣ“ спокойной ночи.

Ирина и Феррибор так торопились обрадовать принцессу Марію винными ягодами, что почти бѣжали возвращаясь домой, но когда они вошли в ея комнату, она уже крѣпко спала.

Вернувшись к себѣ с коробкой „пьяных вишен“, поднесенных ей Феррибором, Ирина чувствуя пріятную усталость во всем тѣлѣ, пропитанном прохладой осенней ночи, с удовольствіем легла в постель. Сердце ея в первый раз послѣ стольких недѣль билось ровно и легко. Бѣдное сердце, такое избалованное когда-то, как смирилось оно теперь: одно имя де Валера, услышанное и громкоповторенное нѣсколько раз, звучало для нее, как цѣлый гимн любви.

XVII.

Предвидя, что жизнь в одном городѣ с Кириллом будет связана безпрестанными волненіями и огорченіями для Ирины, Рдищевы уговорили ее остаться на зиму в Петербургѣ. Она долго не могла рѣшиться на это. Ее тянуло туда, гдѣ был ея муж, ей хотѣлось быть ближе к нему, всегда готовой к нему вернуться.

Однако, доводы отца были так вѣски, что она сдалась.

Рдищевы рѣшили поселиться на всю зиму в большом доходном домѣ тети Анны, принадлежавшем теперь Бобу. Не теряя времени они стали готовиться к этому переѣзду, часто ѣздили в Петербург, гдѣ шла генеральная чистка и происходил ремонт выбранной ими квартиры, искали репетитора для Боба, котораго хотѣли отдать в ли-

цей, хлопотали о том, чтобы Талочка была принята в старшій класс гимназіи.

Когда же всѣ старанія эти увѣнчались успѣхом, они уѣхали в Москву, чтобы запереть там дом.

Стояла уже поздняя осень. Сестрорѣцк опустѣл. Сосны утром и под вечер стояли в густом туманѣ. Меланхолично шумѣло покинутое дачниками море, все измятое, все сѣрое, вяло бросавшее плоскія длинныя волны на пустынный пляж.

Ирина заперла дверь балкона усѣяннаго опавшими листьями дикаго винограда и наполовину завѣсила ее ковром. Дворник каждый день топил в столовой изразцовую печку, вокруг которой по вечерам уныло сидѣли притихшія дѣти Рдищевых. У них у всѣх были свои заботы. Талочка и Боб готовились к пріемным экзаменам. Ирина жила лишь ожиданіем извѣстій о Кириллѣ, тщетной надеждой на то, что вот-вот Елена Сергѣевна, или Екатерина Алексѣевна вызовет ее в Москву. Нескончаемыми казались ей эти длинные осенніе вечера.

Днем ее отвлекали от тяжелых мыслей заботы о Татѣ, посѣщенія де Ферриборов, поѣздки в Петербург, гдѣ она слѣдила за омеблировкой новой квартиры, и долгія прогулки с Талочкой утомляющія и спасающія от безсонных ночей.

Сестры уходили из дома послѣ завтрака, когда Тата спала, и долго плутали вокруг курорта, скитались по одинокому лѣсу, намокшему от частых дождей, а Боб с свирѣпым видом засаживался „зубрить".В самой его чащѣ торопливо прядали узкіе заросшіе папортником ручейки, в темных сырых оврагах бурлили холодные мутные потоки.

Было так тихо, что пугало легкое паденіе еловых шишек или желудей в опавшую шуршавшую листву.

На увядшей травѣ валялись разломанные мухоморы и сыроѣжки. Длинные отвисшіе сучья берез играли мелкими золотыми листочками; в бронзовых, еще пышных вѣтвях рябины ярко алѣли коралловыя гроздья, возились невидимыя птицы. На отслужившихь полях оторопѣло скакали мокрыя голодныя вороны.

Тоска ... Тоска ...

Рдищевы вернулись неожиданно черным ненастным вечером. Дѣти встрѣтили их с бурной радостью заключенных, дождавшихся освободителей.

— В Петербург, папа! В Петербург! — Жалобно стонали Талочка и Боб. — Вѣдь давно во всѣх учебных заведеніях начались занятія. Мы столько пропускаем. Нам пора сдавать экзамены ...

— Ну, как, Ирина, все готово в Петербургѣ? — Спросил Михаил Анатольевич старшую дочь.

— Все готово. Даже отправлены постели, — отвѣтила она.

— Ну, тогда переѣзжаем завтра утром.

— Ура! — В один голос закричали дѣти и побѣжали укладываться.

— Ничего новаго в Москвѣ? — Почти робко спросила Ирина.

— Ничего особеннаго, дѣточка, — отвѣтила Нина Петровна. — Я видѣла Елену Сергѣевну. Она узнала от Лисицына, что Кирилл с этой особой скоро переѣдет в Москву. Тогда Волгиным легко будет добраться до него. Елена Сергѣевна просила передать, что будет писать тебѣ на почту, по уговору каждый раз мѣняя буквы, так как боится, что Мордатовы через прислугу, или даже через почтальона, будут перехватывать твои письма. В первый раз она напишет тебѣ на И. Р.

— Хорошо, мамина. Спасибо.

Не задавая больше вопросов, Ирина ушла к себѣ, потом пошла проститься с принцессой Маріей.

Она застала ее, с гостящими у нея дѣтьми одного из секретарей англійскаго посольства, за круглым столом, в столовой, и погруженную, как и они, в интересную игру, — переведеніе на бумагу пестрых сводных картинок.

Иринѣ всѣ обрадовались. Ей тот час же был придвинут стул, подана тарелка с водою, тетрадь и бѣлая тряпочка.

Сидѣвшая с нею двѣнадцатилѣтняя Пэгги, хорошенькая дѣвочка с локонами мѣднаго оттѣнка и вздернутым носиком усѣянным веснушками, тотчас же подѣлилась с нею картинками.

— О, возьмите эту серію. Это англійскій флот, — посовѣтовала она Иринѣ. — О, они прелестны эти корабли.

Пэгги была восторженным маленьким существом и каждую фразу начинала с „О".

На Ирину повѣяло дѣтством; простая лампа над круглым столом, дѣтскіе голоса, англійская рѣчь, сводныя картинки...

Она стала старательно сводить лазурную полоску, на которой был изображен длинный ряд плывущих по волнам грозных дредноутов.

Однако, старанія ея не увѣнчались успѣхом. Когда она осторожно стянула намокшую бумажную пленку, перед испуганными глазами ее предстала картина страшнаго разрушенія: оторванныя от расколовшихся судов трубы и мачты витали в воздухѣ, поднимаясь к разверзшимся небесам.

Пэгги заглянула в ея тетрадку.

— Oh, dearist, вы совершенно не умѣете сводить картинки! —Сокрушенно воскликнула она. — О, я помогу вам.

Тетрадь Ирины стала переходить из рук в руки возбуждая громкій смѣх.

— Мнѣ кажется, что это не моя вина. Похоже, что здѣсь произошел взрыв, — улыбаясь, оправдывалась Ирина.

— О, нѣт, никому не удастся взорвать англійскій флот!—С удивительной находчивостью и страстным патріотизмом возразила Пэгги.

— Никому не удастся, — как эхо повторил за нею восьмилѣтній брат.

— О, нѣт! — Почти угрожающе подтвердила Пэгги.

Ирина провела рукою по ея жестким, точно металлическим волосам.

— Молодец, Пэгги! Вы хорошая маленькая англичанка, — ласково сказала она ей.

Дѣвочка вспыхнула от удовольствія и ближе придвинулась к Иринѣ.

— О, я вас очень люблю. Я научу вас отлично сводить картинки. Можно мнѣ завтра весь день быть с вами? — Спросила она заглядывая Иринѣ в лицо.

—Мы завтра переѣзжаем в Петербург, dear,— отвѣтила та. — Я как раз пришла проститься.

— Не может быть! — Огорченно воскликнула принцесса Марія.

— Это печальная вѣсть для нас, — добавил ея муж откладывая газету, которую он читал.

Огромные глаза принцессы наполнились слезами.

— Ma chérie, — бросился к ней муж.

В порывѣ нѣжности Ирина легким движеніем опустилась перед нею на колени.

— Если хотите, я часто буду пріѣзжать сюда вас навѣщать, — предложила она ей.

— Правда? Вы обѣщаете мнѣ это? Я так привыкла к вам. Вы мнѣ дороги, — взволнованно сказала принцесса Марія.

Ирина поцѣловала ея руку с мало раздѣляющимися пальцами, прижала ее ко лбу.

— Я благословляю вас, — неожиданно произнесла, никогда не говорившая ничего „значительнаго“ и не знавшая фраз, принцесса Марія.

Эти слова ея, не столько своим значеніем, сколько прощальным потусторонним выраженіем, которым онѣ были сказаны, так потрясли Ирину, что она, коснувшись губами колѣн принцессы Маріи, выбѣжала из комнаты задыхаясь от слез.

Принцесса закрыла лицо руками.

— Я никогда не увижу ее больше, — медленно проговорила она.

Муж озабоченно склонился над нею, обнял ея плечи рукою.

— О, мы здѣсь лишніе, — шепнула Пегги брату. — Пойдем.

XVIII.

В новой огромной квартирѣ, в большом доходном домѣ Боба на Каменноостровском проспектѣ, Ирина приготовила для себя двѣ комнаты, заканчивающія амфиладу задняго фронта и выходящія прямо в сад. Одна из них была маленькая, как келья, спальня для нея самой, другая большая и свѣтлая -дѣтская для Таты и Аннунціаты, замѣнившей в уходѣ за дѣвочкой уѣхавшую в свою деревню кормилицу.

Комнатка Ирины оказалась уютной. В лѣвом углу стоял старинный кіот тети Анны увѣшанный лампадами; у окна—туалетный стол. В заплаканныя стекла заглядывали осеннія деревья; на подоконникѣ цвѣли яркія астры. У лѣвой длинной стѣны, около изразцовой печки, был самый уютный уголок; у правой—стояла кровать, а возлѣ нея круглый стол, на котором лежали книги и по вечерам горѣла лампа под большим абажуром.

„В этой келейкѣ хорошо будет ждать, молиться... и плакать", думала Ирина в первый раз ложась „на новом мѣстѣ" в свою новую постель.

На другой день, послѣ завтрака, надѣясь получить письмо от Елены Сергѣевны, она с Талочкой отправилась на ближайшее почтовое отдѣленіе, находящееся в старом желтеньком домикѣ с заплеванным полом и захватанными, обитыми ободранной клеенкою, дверьми.

В комнатѣ, в которой выдавались письма „до востребованія", было так накурено, что дым слоился сизым туманом до самаго потолка.

— И. Р.? — Переспросил Ирину рябой, но франтоватый почтовый чиновник, с залихватски закрученными усами „а ля Вильгельм II" и косым пробором в запорошенных перхотью волосах. — И. Р.? И. Р.? — Его пожелтѣвшіе от никотина толстые пальцы медленно перебирали пачку конвертов. — И. Р.? Вот оно! Пожалуйте-с. Когда у нас, мы не задерживаем, — острил он думая, что передает любовное письмо и с каким-то особенным шиком, закруглив локоть, подал Иринѣ лиловый конверт, щелкнув его уголком.

Талочка с трудом сдерживала душившій ее смѣх, но выйдя на улицу она дала ему волю.

— Ох, что за урод! — Воскликнула она. — Ну, прямо из кунсткамеры. Ты видѣла у него на указательном пальцѣ два кольца, а ногти черные совсѣм.

Ирина не слышала веселой болтовни сестры. Всѣ мысли ея были поглощены письмом Елены Сергѣевны. Она торопилась, почти бѣжала домой, чтобы поскорѣе прочесть его.

Вернувшись в свою комнату, она заперлась в ней, сѣла в кресло у окна и жадно погрузилась в чтеніе мелко исписанных лиловых листов.

„Дорогая моя Иринушка, больно мнѣ, что должна огорчить тебя не важными новостями, —

писала Бочарова: „Видѣлась сегодня утром с Лисицыным. „Тайно“. В какой-то кондитерской. Он все время дрожал от страха и косился на дверь. Однако мнѣ все таки удалось вытянуть все, что он знает. Кирилл и его столѣтняя Мессалина переѣхали в Москву, поселились в домѣ. Она спит на твоей постели, пудрится твоей пудрой, душится твоими духами. Благо, много всего осталось. Живут они в своем дворцѣ также „грязно“ как в имѣніи. Главная прислуга, — это артѣльщики, которые охраняют двери от тебя. Но все это мелочи. Главное то, что Мессалина a fait un crand coup. Поставила большую ставку на Екатерину Алексѣевну -- и выиграла ее. Отправилась к старухѣ, „бросилась ей в ноги“, разыграла истерику и обморок, клялась ей в любви „послѣдней, ах“ к брошенному тобою Кириллу и так далѣе. Волгина, совершенно не знающая ни жизни, ни людей и обожающая „подхалимство“, смякла, расчувствовалась, откачивала Мессалину водой, отпаивала каплями и в тот же вечер отдала ей „визит“ и познакомилась с „вышибалой“, будущим убійцей ея сына! Про тебя она говорит, „жаль Ирину, да скоро она утѣшится. Она красива, молода“ ... Не понимает старая дура, что ты не за себя страдаешь, а за Кирилла. Дожила до седьмого десятка в золотых своих шорах, дальше их не видит, а считает себя и умницей, и передовой, и закаленной опытом сердцевѣдкой. Ивана этот фортель Мессалины совсѣм с толка сбил. Ты вѣдь его знаешь. „Ах, как же мнѣ против мамаши“? Однако, он все таки хочет поговорить с Кириллом. Ему это сближеніе с Мордатовыми очень не по вкусу. Как видишь, дѣточка, положеніе дѣла пока не утѣшительное. Но Лисицын разсказал мнѣ один эпизод, который обрадует тебя отчасти и который доказывает, что ты не должна терять надежды на то, что Кирилл одумается и

в концѣ концов сам вернется к тебѣ. Вот этот эпизод: Вчера вечером Мессалина придумала достойное ея развлеченіе, — велѣла поставить твой большой портрет на два стула в зал (приблизительно на то мѣсто, на котором во время освященія дома стояла икона Иверской Божіей Матери) и стала разстрѣливать его из револьвера. В этой игрѣ участвовала вся ея клика... и Кирилл! Лисицын говорит, что Кирилл только показывал вид, что находит это забавным. Цѣлил только в букет, нарисованный на столѣ около тебя, гордясь тѣм, что каждый выстрѣл попадает в намѣченный цвѣток. Но вдруг случайно вылетѣвшая из его револьвера пуля попала тебѣ в лицо. Кирилл точно застыл, долго стоял глядя на твой портрет, и заплакав выбѣжал из комнаты. Мессалина бросилась за ним. Кавардак, скандал и так далѣе. Но это же было явное доказательство того, что он любит тебя"...

Ирина выронила письмо из рук.

„Кирилл плакал обо мнѣ", думала она воскресая душой. „Когда же это было? Леля отослала письмо в субботу... Значит это было в пятницу. Навѣрно ночью, когда я лежала без сна и думала о нем. Я сегодня напишу ему письмо. Сегодня ночью, когда в домѣ будет тихо.

Раздался стук в дверь. Ирина встала и повернула ключ в замкѣ. В комнату вошла Аннунціата.

— Синьора, только что телефонировала Луиз, — взволнованно сказала она. — Случилось несчастье с принцессой.

— Что такое? Что с нею?

—Она оступилась вчера вечером на гладком полу. Никто не может понять, как это произошло У нея начались боли. Ее в каретѣ скорой помощи привезли в Петербург. И теперь она умирает.

— Ах, я всегда это предчувствовала. Cara, поѣзжайте в посольство. Узнайте от Луизы все подробно. Я хочу все знать, а там не до меня . . . Скорѣе одѣвайтесь.

Когда уѣхала Аннунціата, Ирина посадила Тату в колясочку и повезла ее гулять.

Несмотря на тревогу за принцессу Марію, сердце ея, оживленное новой надеждой, билось радостно и ровно.

„Сегодня я буду писать Кириллу", безпрестанно вспоминала она и с нетерпѣніем ожидала наступленія тихих ночных часов.

— Талочка, скажи „папа", — просила она нѣсколько раз во время прогулки дочь, но та упрямо отвѣчала ей на это только своим любимым словом „дай" и так забавно протягивала при этом рученки с загребающими воздух пальчиками, что Ирина невольно смѣялась и давала ей перчатку, или сумочку, которую шалунья сейчас же бросала на землю и снова кричала „дай".

Заплаканная Аннунціата вернулась поздно.

— Все кончено, — сказала она войдя в столовую, в которой собралась к обѣду вся рдищевская семья. — Принцесса скончалась. Агонія ея была прекрасна: она видѣла Мадонну зовущую ее к себѣ. Лицо ея улыбалось так блаженно! Стоявшій на колѣнях у ея изголовья принц плакал, просил ее остаться с ним, обѣщал отдать, если она выздоровѣет, половину своего состоянія бѣдным.

— Только половину? вырвалось у Ирины.

— Да. Так он говорил и все просил ее остаться с ним, точно это зависѣло от нея. Но она не хотѣла и, в свою очередь, просила его отпустить ее к Мадоннѣ, позволить ей уйти. Она так по дѣтски просто просила . . . О, синьора . . . Потом она улыбнулась, положила руку на голову мужа, закрыла глаза. Я и Луиза, мы стояли в глубинѣ комнаты боясь дохнуть. Вдруг принц отшат-

нулся от постели и так страшно, так ужасно закричал... Тогда мы поняли.

— Я поѣду к ней. Я хочу видѣть ее, — сказала Ирина.

— И я, — попросила Талочка.

— Нѣт, родная. Не надо. Это слишком тяжело для твоего юнаго сердечка, — возразил ей отец.

Переодѣвшись в черное, Ирина сѣла в автомобиль, за которым сбѣгал лакей, и поѣхала в посольство.

Ах, слишком быстро осуществилось ея печальное предчувствіе о том, что не жилица на этом свѣтѣ принцесса Марія.

По дорогѣ она заѣхала в цвѣточный магазин, гдѣ купила большой букет бѣлоснѣжных орхидей. Купить для принцессы Маріи вѣнок было бы слишком мучительно. Вѣнки покупают для мертвых, а Марія не умерла. Она только перешла в другой мір. Только ушла к Мадоннѣ.

Швейцар французскаго посольства доложил Иринѣ открывая ей дверь, что траурный пріем начнется только завтра утром, но она послала за Луизой, которая повела ее через большой зал и гостиную, которую драпировщики торопливо затягивали черным сукном, в спальню принцессы.

Принцесса Марія, как живая, лежала на спинѣ, под голубым балдахином своей кровати. Только руки ея, скрещенныя на груди, казались вылитыми из воска.

Ясная душа ея оставила тѣло, запечатлѣв просвѣтленную благость и неземную радость в застывших чертах ея кроткаго лица.

Незримое присутствіе благодати витало вокруг ея смертнаго одра.

Принц де Феррибор, уронив голову на ея одѣяло, полулежал на колѣнях у ея низкой посте-

ли и неподвижность его была похожа на неподвижность смерти.

Ирина почувствовала горячее состраданіе к нему.

„Для него все кончено, он безвозвратно потерял ее", смутно думала она. „Кирилл жив... Какое счастье... Он может вернуться ко мнѣ. Господи, Господи.. благодарю тебя за то, что он жив... Прости мнѣ эти мысли здѣсь... прости мой эгоизм. Чудная, святая Марія, молитесь за меня слабую, грѣшную. Простите меня... Я так любила вас".

— Принц лежит так с той минуты, как мы одѣли принцессу. Доктор не велѣл мѣшать ему,— прошептала Луиза прерывая молитву Ирины.

Та, вспомнив о букетѣ, положила его к ногам принцессы Маріи. Из глаз ея бѣжали свѣтлыя струйки слез.

— Это первые цвѣты, — прошептала Луиза.

Ирина прикусила губу чтобы не разрыдаться, перекрестилась, и еще раз, в послѣдній, взглянув на спящую вѣчным сном принцессу Марію, тихонько вышла из комнаты.

Только что виденное ею чужое горе одновременно и потрясло и умиротворило ее, показывая ей постигшее ее несчастье поправимым.

„Я не успѣла сказать с Кириллом и двух слов в Вознесенском", думала она по дорогѣ домой. Он может быть думает, что я не могу простить ему, что я разлюбила его... Я должна все объяснить ему в письмѣ".

Это письмо стало казаться ей вѣрным путем к сердцу мужа и она всей душой рвалась поскорѣе написать его.

Вернувшись домой, она заперлась в своей келейкѣ и, сѣв за узкій неудобный стол, принялась с воодушевленіем писать Кириллу.

И страх за него, и нѣжность к нему, и воспоминаніе о всем вмѣстѣ с ним пережитом, — все это слилось в одно единое чувство любви к нему и нахлынуло на нее с небывалой силой.

Перо еле поспѣвало за ея мыслями. Иногда она роняла его и растерянно искала платок, чтобы осушить им влажное от слез лицо, или смотрѣла на освѣщенный лампадами темный лик Христа, моля его, чтобы дошло ея письмо до сердца Кирилла, чтобы оно вернуло ей его.

Так она писала долго. Почти всю ночь. Писала и плакала и молилась, а когда закончила письмо, почувствовала себя легкой и радостной как послѣ причастія, когда послѣ нѣскольких часов, прожитых в самых чистых и глубоких порывах, обновляется душа.

„Не может не дойти до сердца Кирилла это письмо, в которое я вдохнула всю силу моей любви“, думала она запечатывая конверт. „Кирилл почувствует всю неразрывность нашего брака. Вѣдь были же минуты в жизни, когда наши души были одной душой. Это не забывается“...

Иринѣ хотѣлось поскорѣе отправить письмо, но было еще слишком рано. Однако, уже свѣтало. Гдѣ то в дальних комнатах раздавался заглушенный шорох утренней уборки.

Ирина намѣренно медленно, чтобы убить время, взяла ванну, тщательно причесалась, одѣлась и вышла в столовую.

Стол был уже накрыт к утреннему чаю. Из буфетной комнаты доносился треск кофейной мельницы. Ирина подошла к окну. В сѣрых сумерках ранняго утра еще горѣли слабым свѣтом фонари.

Лакей внес в комнату самовар.

— Так рано? — Удивилась Ирина.

— Экзамент сегодня у Наталіи Михайловны и у Бориса Михайловича, с сочувствующей улыбкой сказал старик лакей.

— Ах, правда, — вспомнила Ирина и стала хозяйничать сѣв за самовар.

Вскорѣ появились взволнованныя дѣти и не менѣе взволнованные родители. Михаил Анатольевич должен был ѣхать с Бобом в лицей, а Нина Петровна с Талочкой в гимназію.

Чай прошел в разговорах на гадательныя темы: будет ли Боб в лицеѣ „безмятежно процвѣтать", или не выдержат лицейскіе полы тяжелаго груза его познаній и он с треском провалится. Талочка была блѣдненькой и молчала.

В восемь часов вся рдищевская семья вышла из дома и разъѣхалась в трех направленіях.

Ирина поѣхала на главный почтамт, надѣясь, что оттуда ея заказное письмо скорѣе дойдет до Москвы. Сдав его, она отправилась в Пассаж, чтобы сдѣлать там нѣкоторыя покупки.

На Невском уже тепло сіяло осеннее солнце, под которым торопливо сновали люди, катились экипажи.

Накупив игрушек для Таты, Ирина вернулась домой и радостно побѣжала с ними в дѣтскую.

— Таточка, папа тебѣ подарки прислал. Скажи же „папа", — попросила она дочурку садясь с нею на ковер и развертывая пакет.

— Папа, — неожиданно послушно повторила дѣвочка протягивая рученки к ослику из папье-маше.

— И вот эту лошадку прислал тебѣ папа, — продолжала Ирина радующую ее игру. — Скажи „папа".

— Папа. Дай.

Так перешел из рук в руки весь зоологическій сад и вся „Троицкая лавра", состоявшая из

множества розовых домиков и церквей с черными точечками вмѣсто окон и дверей.

Слово „папа“ крѣпко запало в память Таты и она весь день лепетала его, не зная, какою радостью билось при этом сердце Ирины.

XIX.

В лицеѣ и гимназіи полы оказались крѣпкими: Талочка и Боб блестяще выдержали экзамены и вернулись домой измученными, но возбужденно-счастливыми. Уж на другое утро начался их новый учебный год и большая рдищевская квартира опустѣла и затихла.

Михаил Анатольевич и Нина Петровна мало бывали дома. Они дѣлали визиты возобновляя знакомства, навѣщая петербургских родственников и стараясь найти новыя связи.

— Нельзя иначе, дѣточка, — озабоченно сказала Иринѣ Нина Петровна, как то завтракая с нею вдвоем в огромной столовой.—Вѣдь Талочкѣ семнадцать лѣт. Я ее этой зимой буду вывозить на вечеринки. Здѣсь, среди нашей родни, столько ея сверстниц. Пускай повеселится...

— И поскорѣе выйдет замуж, — усмѣхаясь закончила Ирина вставая из за стола. — Ах, маминочка, ты неисправима!

— Куда ты? Идешь гулять? — Спросила ее мачеха.

— Да, пройдусь немного.

Выйдя из дому, Ирина направилась к почтовому отдѣленію. Это было ея ежедневным паломничеством.

Уже недѣля прошла с тѣх пор, как она отослала письмо Кириллу, а отвѣт все еще не приходил. Первые дни она ждала его с мучительным напряженіем, почти радостно. Ей казалось, что

вот-вот придет телеграмма от Кирилла, или, что он вызовет ее к телефону из Москвы. При каждом звонкѣ в передней, в ней загоралась надежда, что пріѣхал он сам.

Но на четвертый день ее стали червоточить сомнѣнія. Она телеграфировала Еленѣ Сергѣевнѣ, прося ее узнать о судьбѣ своего письма и написать ей всю правду.

Однако и Бочарова задерживала с отвѣтом.

„Если не получу сегодня ея письма, телефонирую ей сегодня в Москву“, думала Ирина поднимаясь на истертыя ногами каменныя ступени желтаго домика, в котором находилось почтовое отдѣленіе.

Кто то, вышедшій до нея, открыл перед нею клеенчатую дверь почтовой комнаты, из которой потянуло дымом.

Увидѣв Ирину франтоватый рябой чиновник бросился к письмам „до востребованія“.

— Какія буквочки сегодня? — Игриво спросил он.

— Е. С.

— Е. С.? Н-ѣ-ѣ-ѣт-с! Пока что нѣт! Пишут с, — многообѣщающе подмигнул он. — Вѣдь изволите знать, когда у нас, мы не задерживаем-с. Ах, виноват... Проглядѣл... Пожалуйте-с Е. С.. С великим удовольствіем-с.

Взяв длинный лиловый конверт, Ирина засунула его в муфту и почти выбѣжала на улицу. Ей хотѣлось тут же распечатать его, но тяжелое предчувствіе сжало ей сердце.

„Успѣю... Успѣю еще узнать“, думала она торопясь домой.

Войдя в свою комнату, она, не снимая шубы, подошла к окну и пробѣжала уже распечатанное письмо.

„Прости, родная, что задержалась с отвѣтом", писала Бочарова. „Два дня у меня не поднималось перо... Духа не хватало сдѣлать тебѣ больно".

Ирина оторвалась от плясавших под ея глазами строчек, положила письмо на стол и медленно стала снимать шубу и перчатки.

— Потом... Теперь не могу,—малодушно подумала она. Однако, не выдержала и снова взяв в руки лиловый лист, начала искать то мѣсто, гдѣ прекратила чтеніе.

—Гдѣ же...Ах, вот:—„сдѣлать тебѣ больно... Кирилл получил твое письмо и прочел его... А вечером Мессалина прочла его всей полупьяной компаніи вслух... Всѣ очень смѣялись... Смѣялся и Кирилл. Умоляю тебя, вырви ты из своего сердца, из своей памяти этого подлеца".

Не читая дальше, Ирина медленно сложила письмо, аккуратно вложила его обратно в конверт, заперла его в шкаф, раздѣлась и легла в постель. Она чувствовала озноб, какую то пустоту в мозгу вызывавшую тошноту. Нѣсколько часов спустя у нея открылся сильный жар. Она плакала и жалобно стонала в бреду.

Немедленно приглашенный Рдищевым профессор опредѣлил нервную лихорадку. Вызванная им по телефону сестра милосердія всю ночь не отходила от нея. Под утро она затихла, но уже в полдень температура ея поднялась до 39.

Вся семья жила в страхѣ за нее. В страхѣ граничащем с ужасом и отчаяніем.

Часто случалось, что ночью пріоткрывалась дверь ея кельи и в нее заглядывала Талочка. Тогда между нею и ночной сидѣлкой с небольшими варіаціями происходил слѣдующій діалог:

Ну, что? — Робко спрашивала Талочка.

— Лучше, лучше, Наталія Михайловна. Идите-ка, ложитесь. Вам завтра в гимназію рано вставать.

— Не спится что-то. Я здѣсь чуточку посижу, мнѣ здѣсь легче, — шептала Талочка, садилась по турецки у теплой печки на ковер и смотрѣла на сестру, точно надѣясь, что та вдруг приподнимется немного, увидит ее, улыбнется.

Нѣсколько минут спустя в комнату заходила Нина Петровна и ежедневно повторялся почти тот же разговор.

— Ну, что? — Спрашивала и она сидѣлку.

— Лучше, ваше Превосходительство.

Нина Петровна не вѣрила ей, однако, от успокаивающих слов ея, все таки чувствовала облегченіе.

— Талочка, ты опять здѣсь? Иди спать... Завтра в гимназію...

— Ах, мамина, оставь меня. Всѣ меня гонят. Развѣ я могу спать? Ты развѣ спишь? Сколько раз ты мимо моей двери сюда ходила?

— Иди, Талочка, будь милой, послушной. Ложись в постельку.

Талочка ворча поднималась с ковра, тоненькой ручкой крестила сестру, цѣловала мамину и печально уходила.

— Шли бы и вы, ваше Превосходительство,—совѣтовала сидѣлка Анна Львовна, полная цвѣтущая женщина, которую всѣ полюбили в домѣ. — Что ночи то не спать. Развѣ этим поможете?

— Да. Я пойду. Но если что, позовите меня.

— Позову, позову...

— Ну, что? — С тайным страхом спрашивал Михаил Анатольевич жену, когда она возвращалась в спальню!

— Лучше.

Она ложилась в постель, тушила огонь и они молча лежали, думая свои горькія думы.

— Все еще не пришла в сознаніе, -- удрученно говорила Нина Петровна, встрѣчая профессора по утрам.

— Терпѣніе, терпѣніе, — неизмѣнно отвѣчал тот.

Он вѣрил в сильную натуру Ирины. И дѣйствительно, ея здоровый молодой организм довольно быстро побѣдил болѣзнь, от которой, послѣ двухнедѣльнаго выздоровленія, осталась только полная апатія ко всему.

Она уже не ждала извѣстій из Москвы и, примирившись со своим безсиліем против судьбы, безвольно жила так, как хотѣли ея близкіе, чтобы она жила.

По утрам Михаил Анатольевич возил ее кататься на острова. Талочка, возвращавшаяся из гимназіи в пять часов, пила с нею чай и уводила ее гулять.

Онѣ бродили по Каменноостровскому проспекту, любили останавливаться у витрин Эйлерса и, через покрывающій стекла ледяной узор, любовались зимними ландышами, розами и шелковистыми лиліями на ломких блѣдно зеленых стеблях. Иногда онѣ заходили в магазин, пахнущій растеніями и землей, покупали небольшой букет. Потом шли дальше, мимо бѣлаго особняка Витте, у котораго всегда стоял одинокій, кого то ждущій экипаж, — к Невѣ. Вдали печально горѣли обвѣянные туманом фонари Троицкаго моста. Дойдя до него Ирина и Талочка поворачивали назад и возвращались домой.

Рдищевы много выѣзжали и принимали. Ирина не бывала нигдѣ и не выходила к гостям. Вся жизнь ея проходила между ея келейкой и дѣтской. Она много читала. Мало спала. Часто засыпала только под утро.

Когда у Рдищевых бывали вечера с поздними ужинами, Талочка никогда не забывала принести ей поднос с закусками и сладостями. Часто она прибѣгала к ней раскраснѣвшаяся, нарядная, только для того, чтобы разсказать ей, как весело танцовать в залѣ, какое чудное платье на какой-нибудь дамѣ, какіе прекрасные волосы у какой-нибудь кузины. Нерѣдко случалось, что она силой увлекала старшую сестру к закрытой двери ведущей в зал и заставляла ее смотрѣть в щелку, чтобы увидѣть то, что ей самой казалось особенно интересным и красивым.

Нина Петровна убивалась затворничеством падчерицы.

— Тебѣ бы в монастырь, — огорченно журила она ее.

— Нѣт, мамина, — возразила ей как то Ирина. — В монастырѣ слишком много людей. А я боюсь людей.

— Ну, дошла! — Всплеснула руками Нина Петровна.

Вскорѣ послѣ этого разговора, на каком то полудѣтском балу Рдищевы встрѣтили князя Тверского, уже вывозившаго своих красавиц дочерей Анну и Марію, сверстниц Талочки. Он весь вечер просидѣл возлѣ Нины Петровны, с участіем разспрашивал ее об Иринѣ и уже смѣясь вспоминал свою неудавшуюся дуэль с Волгиным.

— Жаль, что я тогда, послушавшись Ирины Михайловны, не подстрѣлил этого молодца! — Сказал он своим мягким баритоном с хрипотцой. — Этим я избавил бы ее от всѣх его дальнѣйших самодурств.

Рѣчи его так пришлись Нинѣ Петровнѣ по сердцу, что она пригласила его к себѣ.

Он пріѣхал к ней со своими дѣвочками в первый же ея, послѣдовавшій за балом, пріемный день.

Талочка нагрянула с Анной и Маріей к Иринѣ и та очень обрадовалась им, так как помнила их еще совсѣм маленькими, на институтской скамьѣ.

Онѣ же обѣ питали к ней ту нѣжную влюбленность, которую подростки так часто испытывают к молодым женщинам, имѣющим в обществѣ особенный успѣх.

Онѣ тотчас же взяли ее в плѣн, усѣлись поближе к ней. Анна, обняв ее, сѣла рядом с нею на диванѣ, Марія на коврѣ у ея ног и стали перебивая друг друга разсказывать ей о своих радостях и огорченіях, попутно восхищаясь ея ногтями, ея простым черным платьем, матовой, но теплой блѣдностью лица.

— Игина Михайловна, подумайте, папа не позволяет мнѣ пудгиться!—Мило картавя жаловалась русая голубоглазая Анна. Прелестная улыбка обнаруживала ея жемчужные зубы, углубляя ямочки на ея розовых щечках. — Почему нельзя пудгиться? Это же стагомодно! Скажите ему это. Он послушается вас. Муму, смотги, какіе глаза у Игины Михайловны, совсѣм как камни дгагоцѣнные, как свѣтлые сапфигы. Папа это сказал и вѣгно.

—А вот папа еще сказал, что Ирина Михайловна est faite au moule. И это правда, — подхватила, гармонирующим с ея волоокой русской красотой глубоким грудным голосом, высокая Марія.

Онѣ обѣ вѣчно спорили с отцом, старались во всем поставить на своем, но боготворили его, были неразлучны с ним и дѣлились с ним всѣми своими впечатлѣніями и мыслями.

— Муму, я в востоггѣ от кельи Игины Михайловны! — Воскликнула Анна. — Эти лампады, цвѣты. Безподобно. Это непгемѣнно должен увидѣть папа.

— Да, ты права. Ему непремѣнно надо показать эту комнатку. Ирина Михайловна, дуся, дорогая, позвольте! Он только на мину-у-уточку заглянет сюда и уйдет. Ну, вот мы обѣ станем перед вами на колѣни. Талочка, помоги нам просить.

Ирина долго защищала свое маленькое царство от „вторженія толпы", но так очаровательны, так милы были лица пристающих к ней дѣвочек, что она кончила тѣм, что сдалась.

Анна и Марія со всѣх ног бросились за отцом и вернулись с ним повиснув на его руках.

— Это мы устроили тебѣ позволеніе сюда войти. До тебя сюда не заглядывало еще ни одно живое существо, — болтала Марія, заглядывая отцу в лицо. Можно нам завтра в оперетку?

— Отстань, Маша. Ирина Михайловна, как я рад вас видѣть, как благодарен, что вы приняли меня, воскликнул Тверской, склоняясь над рукой Ирины. — Но мнѣ право совѣстно, что я так плохо воспитал своих дочерей.

— Я их очень люблю такими, какія онѣ есть, — искренно отвѣтила Ирина.

Начался непринужденный, почти веселый разговор, в котором участвовала и прибѣжавшая из дѣтской „куколка-Тата".

Анна и Марія пришли от нея в восторг, стали играть с нею на коврѣ, возить ее на своих спинах и под конец убѣжали с нею в ея комнату, Талочка послѣдовала за ними.

Ирина и Тверской остались вдвоем. Несмотря на то, что разговор их касался лишь самых поверхностных свѣтских тем, она тонким женским чутьем уловила, что он все еще ею увлечен и это тревожило ее, казалось ей вторженіем в ея жизнь, в ея одиночество.

„Он прекрасный человѣк, он красив, в нем есть все, чтоб нравиться", думала она разсѣянно слушая его разсказ о каком то засѣданіи Государ-

ственной думы. „Но мнѣ нечѣм отвѣтить на его чувство, поэтому у меня чувство почти виновности по отношенію к нему. Точно я что-то принимаю от него зная, что не могу отдать“.

Ирина твердо рѣшила избѣгать Тверского, но это оказалось труднѣе, чѣм она думала. Анна и Марія почти ежедневно забѣгали к Талочкѣ, а за ними заѣзжал отец. Иногда они засиживались, оставались обѣдать и вскорѣ стали самыми близкими друзьями Рдищевых.

Ссылаясь на нездоровье, Ирина часто обѣдала одна в своей кельѣ и оставалась в ней весь вечер. Несмотря на это, ей почти ежедневно приходилось встрѣчаться с Тверским, всегда спокойным, сдержанным, но влюбленным с каждым днем сильнѣе.

Это так угнетало Ирину, что она боялась встрѣчаться с ним. Как то под вечер, узнав от Талочки, что он заѣдет через нѣсколько минут за дочерьми, она попросила Нину Петровну, ѣхавшую к кому то с визитом, взять ее с собою.

— Вот, это умно!— Обрадовалась Нина Петровна. — Как я буду горда показать тебя.

— Нѣт, мамина, я только хочу проѣхаться и буду ждать тебя в санях, — разочаровала ее Ирина.

Было уже темно. Сильно морозило. Парныя сани быстро мчались по скрипучему плотному снѣгу. В воздухѣ стоял острый ледяной дух. С чернаго неба обильно сыпались ледяныя пушинки, казавшіяся особенно бѣлыми и крупными попадая в золотистые конусы свѣта высоких фонарей. Встрѣчныя сани обдавали снѣжною пылью. Автомобили, особенно грузные и зычные в бѣлой тишинѣ зимняго пути, черными чудовищами с огненными глазами пролетали мимо Ирины, каждый раз пугая ее.

— Мамина, куда ты ѣдешь? — Спросила она из под муфты Нину Петровну.

— К баронессѣ Беер. Я не на долго. Только завезу ей модный журнал.

Кучер остановил лошадей перед подъѣздом гостиницы Асторія.

— Дѣточка, ты бы зашла со мною, — настаивала Рдищева.

Холод въѣдался в ноги. Наглотавшейся морознаго воздуха Иринѣ захотѣлось в тепло.

— Знаешь что, мамина? Я буду ждать тебя в холлѣ, — сказала она выходя из саней.

Проводив мачеху до лифта, она стала медленно маячить по широкому проходу, между ним и рестораном.

Взгляд проходивших мимо нея мужчин с настойчивым любопытством останавливался на ея высокой и тонкой фигурѣ, на ея, порозовѣвшем от мороза, очаровательном лицѣ.

Из ресторана, громко разговаривая с молодым офицером, вышел коренастый господин в длинной шубѣ и бобровой шапкѣ.

Ирина встрѣтила его взгляд и вздрогнула, точно дотронулась до открытаго электрическаго контакта.

„Бѣлые глаза," подумала она быстро опустив вѣки. „Эти глаза навѣрно свѣтятся в темнотѣ . . . Я, почему то, представляю себѣ, что такіе глаза у лѣших на болотѣ . . . А может быть и у вѣдьм на Брокенѣ . . . Свѣтлые, свѣтлые . . . И мечут зеленые лучи . . . Какой жуткій человѣк."

Дойдя до конца прохода, она повернула назад.

Жуткій человѣк и офицер все еще стояли у ресторана. Они переговаривались не спуская с нея глаз и точно поджидая ее.

„Нельзя не пройти мимо них," подумала Ирина. „Но я не вернусь. Пройду прямо в холл."

— Королева, в полголоса, но почти нагло, проговорил господин в шубѣ, когда она поравнялась с ним. — Ох, красота то какая писаная.

Ирина вспыхнула, но прошла мимо не поднимая опущенных рѣсниц.

— Ирина Михайловна! — Воскликнул вдруг знакомый голос напугав ее.

Она подняла голову. Перед нею стоял Лисицын.

— Петр Петрович? Какими судьбами вы здѣсь? — Взволнованно спросила она, мгновенно забыв жуткаго человѣка.

— И-и-и-и-и, Ирина Михайловна, дѣла то у нас какія пошли. Страх один. Я вам все должен подробно разсказать. Может быть гдѣ нибудь присядем? Вон хоть там, в сторонкѣ от зеркала.

— Вы не боитесь? За вами не слѣдят?

— И-и-и, Ирина Михайловна, бросили они слѣдить. Так обнаглѣли. Никто им теперь не страшен. Сам черт им не брат.

— Почему вы в Петербургѣ? — Спросила Ирина опускаясь в кресло.

— Она сюда Кирилла Тимофеевича привозила завѣщаніе подписывать,—почти шопотом, таинственно произнес Лисицын наклоняясь вперед.

Ирина поблѣднѣла.

— Завѣщаніе? — С ужасом переспросила она. — Но вѣдь это же самое страшное, что могло случиться. Это то, чего я так боялась. Это же начало конца. Как могли вы это допустить, не предупредив Ивана Тимофеевича?

— Не мог я, Ирина Михайловна. Сам не знал для чего мы вдруг сюда ѣдем и все такое... Думал так, для развлеченія... И вдруг куда то ѣдем, входим к нотаріусу. Там уж свидѣтели ждали. Какіе то князья, психіатр и все такое... Я ахнуть не успѣл, — уж готово-с. И меня подписать заставили. Что тут подѣлаешь? Ну-с, все там зареги-

стрировали и опять мигом назад, в Москву. Как ни в чем не бывало. Меня оставили из-за собак. Собак купили тут на выставкѣ. Получить их можно только сегодня. Вот я сейчас за ними и на поѣзд.

— Кирилл Тимофеевич был здѣсь? Когда?

— Третьяго дня вечером пріѣхали-с, а вчера в шесть часов вечера уж назад.

— Но почему же она привезла его для этого сюда?

— В Москвѣ то все слишком гласно бы вышло. Москва большая деревня. Ну, а отсюда не так то скоро дойдет.

— Вы завтра же должны сказать об этом Ивану Тимофеевичу.

— Само собою разумѣется, Ирина Михайловна.

— Петр Петрович, неужели же они дѣйствительно задумали преступленіе?

— Кто их знает! — Лисицын пожал плечами. — В преступленіе всегда как то трудно повѣрить, особенно если оно готовится перед глазами. Вблизи то хуже. Издали виднѣе.

— На что ей завѣщаніе? Вѣдь она лѣт на двадцать старше его! Как мог он рѣшиться на такой шаг?

— Для того, чтобы не вам досталось, Ирина Михайловна.

— Боже мой, да я с радостью письменно готова отказаться от этих проклятых денег. Пусть бы он все завѣщал своей семьѣ, или рабочим. Тогда Мордатовым не было бы смысла покушаться на его жизнь. Но вѣдь он может еще уничтожить это завѣщаніе, написать другое. Иван Тимофеевич должен все это объяснить ему.

— Уж не знаю, Ирина Михайловна, как посмотрит Иван Тимофеевич, у него свои дѣла. Вот жениться он собирается и все такое...

— Но что же дѣлать?

— Не могу знать, Ирина Михайловна. Если бы знал, то повѣрьте, с радостью. . . Я даже думал предупредить вас, что Кирилл Тимофеевич здѣсь. Да так быстро все вышло. Раз, два и готово. Бестія, эта Сашка. Ну-с, честь имѣю, Ирина Михайловна. . . Мнѣ пора за собаками, а то как бы на поѣзд не опоздать. Мое почтеніе-с. И уж будьте так добры, чтобы не дошло до Кирилла Тимофеевича, что от меня вы узнали.

— Даю вам слово.

— Ах, Ирина Михайловна, лица на вас нѣт. Уж простите, что разстроил вас.

— Я вам благодарна. — Ирина крѣпко пожала ему руку.

— Мое почтеніе-с.

Лисицын расшаркался и поспѣшно зашагал к выходу.

— Ирина, вот ты гдѣ. А я тебя ищу и не вижу, — весело сказала Нина Петровна подходя к падчерицѣ. — Боже мой, что с тобой? Ты больна?

— Потом. Я дома разскажу тебѣ, — с усиліем проговорила та. — Поѣдем. . .

Подав сани, кучер Степан с трудом обернулся к Нинѣ Петровнѣ.

— Ваше Превосходительство, тут человѣк один меня спрашивал, кого привез, как мол фамилія господам и гдѣ живут? Я ему говорю, вам зачѣм? А он говорит: „приказано узнать", говорит от важнаго лица.

— Ты сказал?

— Так точно.

— Вы не знаете, что это был за человѣк? — Спросила Нина Петровна подсаживающаго ее в сани швейцара.

Тот замялся. Ирина протянула ему золотой.

— От полиціи здѣсь агент, — неохотно пробурчал он в бороду.

— Да о каком же важном лицѣ он говорил?

— Господин Распутин здѣсь были. . .

— Трогай, Степан, скорѣе! -- Воскликнула Нина Петровна, бросив испуганный взгляд на подъѣзд. — Скорѣе, скорѣе домой. . .

Лошади рванули и помчались.

— Дѣточка, не мучь меня, скажи что случилось? Ты внѣ себя! При чем здѣсь Распутин?—Забросала Ирину вопросами Нина Петровна.

Ирина в нѣскольких словах разсказала ей о своей встрѣчѣ с жутким человѣком и Лисицыным.

Нина Петровна так перепугалась, что притихла.

„Господи, что за судьба у Ирины. . . Что за ужасная судьба", огорченно думала она. „Теперь влюбился в нее этот страшный Распутин. Будет преслѣдовать ее. Этого еще не хватало. . .

Вернувшись домой Ирина пошла укладывать Тату спать, а Нина Петровна, не снимая шубы, прошла в кабинет мужа, чтобы разсказать ему о новых огорченіях дочери.

За обѣдом всѣ были озабоченно-молчаливы.

Гдѣ-то вдалекѣ зазвенѣл телефон и в напряженно-нервном состояніи, в котором находились всѣ Рдищевы, этот звон показался им враждебным вторженіем чужой воли в уютную тишину их жилища.

— Недавно старая графиня Клейнмихель сказала мнѣ, что никогда не подходит к телефону и почти боится его. Я понимаю антипатію к нему стариков. В его призывах всегда есть что то от memento mori. Нѣт ничего наглѣе и безцеремоннѣе телефоннаго звонка, врывающагося в интимную тишину наших домов, отрывающаго нас

отъ мыслей, отъ сна, или, вотъ какъ сейчасъ, отъ обѣда, — раздраженно выразилъ Михаилъ Анатольевичъ общую мысль.

В столовую поспѣшно вошелъ лакей.

— Ирину Михайловну просятъ къ телефону господинъ Распутинъ.

— Ну, это ужъ слишкомъ! — Воскликнулъ Рдищевъ бросая салфетку и вставая изъ за стола. — Я самъ буду говорить съ нимъ.

Ирина и Нина Петровна послѣдовали за нимъ въ переднюю, гдѣ находился одинъ изъ телефоновъ. Онъ былъ старой системы съ двумя трубками. Ирина взяла одну изъ нихъ, Михаилъ Анатольевичъ другую.

— Я слушаю, — почти грозно проговорилъ онъ.

— А кто у телефона? — Спросилъ негромкій, спокойный, точно насмѣшливо улыбающійся голосъ.

— Генералъ Рдищевъ. Что вамъ надо?

— У меня, милый, къ дочкѣ твоей, Иринѣ Михайловнѣ, дѣло есть. Горе у нея. Непріятности всякія. Я ей помочь хочу. Какъ голубь бѣлый она среди воронья. Пусть завтра вечеркомъ заѣдетъ чайку попить, такъ часовъ въ восемь дома буду.

Распутинъ прервалъ сообщеніе.

— Напрасно будешь ждать, старый шутъ, — съ досадой сказалъ Рдищевъ возвращаясь въ столовую съ дочерью и женой.

— А вѣдь если бы онъ захотѣлъ, онъ дѣйствительно могъ бы мнѣ помочь, — задумчиво сказала Ирина.

— Да ты съ ума сошла! — Набросилась на нее Нина Петровна. — Что ты маленькая, не знаешь что онъ потребуетъ отъ тебя?

— Можетъ быть все это только сплетни. Почему не попробовать? Конечно, я не поѣду къ нему одна. Но если бы папа поѣхалъ со мною.

— Тогда онъ ничего не сдѣлаетъ для тебя.

— Но как не попробовать? Ему так легко было бы справиться с Мордатовыми...

— Нѣт, дѣвочка, брось эти фантазіи! — Нетерпѣливо воскликнул Михаил Анатольевич.

Однако, это легче было посовѣтовать, чѣм исполнить.

Ирина провела всю ночь без сна мучительно придумывая, как бы спасти Кирилла от Мордатовых, но все болѣе убѣждалась в том, что безсильна бороться с ними одна, что Волгины слишком тяжелы на подъэм, чтобы что-нибудь предпринять, даже теперь, когда завѣщаніе уже написано и, что если бы этого захотѣл Распутин, ему легко удалось бы расправиться с шайкой, окружающей Кирилла.

„Непремѣнно надо поѣхать к нему, просить его помочь мнѣ", лихорадочно думала она, засыпая на разсвѣтѣ.

Однако, когда она проснулась около полудня, всѣ мысли и рѣшенія этой ночи вспомнились ей с каким то тягостным душевным перегаром и казались неисполнимыми, бредовыми.

Но чѣм ближе подходил вечер, тѣм тревожнѣе становилось у нея на душѣ. Около шести часов она не выдержила, пошла к отцу и так убѣдительно умоляла его поѣхать с нею к Распутину, так при этом страдала, что он сдался послѣ долгой борьбы.

Ровно в восемь часов они вошли в слабо освѣщенную переднюю Распутина. На Ирину пахнуло запахом какой то новой, чуждой атмосферы.

Простая женщина, открывшая им парадную дверь, приняла их шубы.

— Вот тут, в столовую пройдите, — сказала она, но как раз в эту минуту на порогѣ появился, неслышно подошедшій, Распутин.

— С папашей? Что же, рад познакомиться,— ласково проговорил он, за руку здороваясь с Ири-

ной и Рдищевым. В его небольших глубоко сидящих глазах промелькнуло что то похожее на насмѣшку. — Ну, пойдемте. Чайком вас угощу. Знаменитый у меня чай. „Сама" прислала.

В свѣтлой столовой был накрыт, весь уставленный тортами и всевозможными сластями, чайный стол. У хозяйскаго мѣста кипѣл серебряный самовар.

— Вот чайку напьемся, — повторил Распутин. — Ирина Михайловна, ты бы налила. Дѣло это женское.

— Благодарю, мы только что кончили обѣдать, — холодно отвѣтил Рдищев.

— Ну, что ж, что послѣ обѣда? Чайку то напиться всегда можно. Уж не побрезгуй, — возразил Распутин.

Он держался рызвязно, но как то настороженно. Присутствіе Михаила Анатольевича раздражало его, но он прекрасно владѣл собою, угощал своих гостей, занимал их почти свѣтским разговором, только к дѣлу не подходил.

Ирина начала терять терпѣніе.

— Простите, Григорій Ефимович, что прерываю вас, — не выдержала она, наконец. — Папа сказал мнѣ, что вы угадали мое гоое. Это меня очень удивило. Как вы могли узнать?

— Мнѣ, милая, узнавать не нужно. Гляну только и вижу. От Бога это мнѣ дано. Знаю, горе у тебя от худых людей. Ну, а что и как, сама говори. Разсказывай, какія там у тебя дѣла.

Распутин взял руку Ирины и сжал ее в своей. Несмортя на то, что он сдѣлал это покровительственным движеніем, Ирина вся похолодѣла от гадливости при его прикосновеніи. Ей хотѣлось вырвать руку из его мягких цѣпких пальцев, но она пересилила себя.

Она стала смущенно разсказывать ему о жутком положеніи, в котором находился Кирилл, о его страхѣ перед Мордатовыми, о том, как они завладѣли им.

Распутин внимательно слушал ее, поглаживая ея руку и не спуская с нея своих жутко проницательных глаз.

В этот вечер в нем не было ничего демоническаго. Он был, наоборот, благодушно кроток, почти простоват. Но это особенно пугало Ирину. Ей казалось, что за этой ласковой простотой его осторожно притаились всѣ опасные и хищные инстинкты этого загадочнаго, страннаго человѣка. Прикосновеніе его пальцев становилось ей все невыносимѣе.

Рѣчь ея все чаще прерывалась. Михаил Анатольевич все чаще должен был подсказывать ей слова.

— Та-а-к, — протянул Распутин, когда она, наконец, умолкла. — Вот оно и вышло по моему, голубь ты. . . душа у тебя, а вокруг воронье. Много больно худых людей развелось. Наказывать их надо, а добрых награждать. Божье это дѣло. Вот и Мордатовых этих твоих наказать надо.

— Нѣт, Григорій Ефимович, я не наказывать их хочу, а только обезвредить. Я хочу только вырвать мужа из их рук, — возразила Ирина.

— Ну, что же. Можно и так.

— Вы думаете это удастся? Они так ловки, так хитры.

— Всѣ теперь, милая, хитрые да ловкіе. Других, почитай, и нѣт совсѣм. Да, на всѣх управу можно найти. Вот я умом пораскину, как да что. С кѣм нужно поговорю, да тебѣ и позвоню по телефону, когда тебѣ придти ко мнѣ поговорить. Да ты что меня так боишься то?

— Нѣт. Что вы?

— Вижу, что боишься. Наговорили тебѣ невѣсть что. Знаю, что распускают про меня всякое. И все, милая, врут. Я человѣк добрый. Всѣм рад помочь. Вот царицѣ помогаю во всем и тебѣ помогу. Ты только слушайся меня. Все дѣлай, как скажу, и все хорошо будет. Вот сама увидишь.

— Благодарю вас за желаніе помочь мнѣ, — сказала Ирина вставая и осторожно высвобождая руку, которую Распутин все еще держал в своей.

— Рано благодарить то, усмѣхнулся он и что то жестокое промелькнуло в выраженіи его рта. Вот когда сдѣлаю, тогда и благодари.

— В случаѣ удачи нашего дѣла, мы бы рады были бы пожертвовать на церковь, — еле сдерживая готорую сорваться рѣзкость сказал Михаил Анатольевич.

— Вот, вот, на церковь, — почти не скрывая насмѣшки повторил Распутин.

Он сам проводил гостей в переднюю, сам открыл им сложно отпирающуюся дверь с всевозможными задвижками, цѣпочками и замками.

Ирина не в силах была оторвать глаз от его мужицкой фигуры, разряженной в бархат и шелк, и это напряженное вниманіе так утомляло ее, что слегка заволакивало ея сознаніе.

„Уж не под гипнозом ли я“? Промелькнуло у нея в головѣ.

— Ну, досвиданія, — сказал Распутин снова завладѣв ея рукой. Скоро увидимся. Приходи когда позвоню.

Ей хотѣлось оттолкнуть его, вскрикнуть. Она сама почузствовала, что поблѣднѣла.

Несмотря на простоту его обращенія, ей казалось, что весь воздух передней насыщен мятежной, почти буйной силой, живущей в этом оборотнѣ, сейчас прикидывающемся безобидным добрым мужичком.

— Ну, идем, Ирина, не будем больше задерживать Григорія Ефимовича, — заторопил ее отец.

— Уф! — С чувством облегченія воскликнул он, когда тронулись сани.

— Жуткій человѣк, — взволнованно проговорила Ирина. — Знаешь, папа, я нахожу, что он, в отрицательном смыслѣ, безспорно сверхъестественное существо. Вѣдь в нем какая то стихійная сила живет. Мнѣ чудится, что она его мучит, бросает то сюда, то туда. Мнѣ кажется, что она почти опаснѣе для него самого, чѣм для других, что он не умѣет ею владѣть, а она не дает ему покоя своим избытком. Он тратит ее, чтобы влiять на императрицу, на наслѣдника, на других людей, но в общем, он не знает куда ее дѣвать и, чтобы ее ослабить, старается ее растратить в попойках, в разных распутствах... Странно, что у него такая фамилія! Точно клеймо!

— Ты пожалуй права, — сказал Михаил Анатольевич из за поднятаго мѣхового воротника, запорошеннаго снѣгом. — Растрачивая свои бѣсовскія силы на кутежи, он избавляется от них и это, что то похожее на очищеніе. Да вѣдь он сам что-то в этом родѣ проповѣдует. Я думаю, если бы его бѣсов изгнал Христос, их хватило бы на два стада свиней.

— Если бы его послать к іогам поучиться владѣть и влiять своей сверхчеловѣческой волей, из него мог бы выйти интересный феномен.

— Возможно, но пока только опасный шарлатан. Надѣюсь, что ты в этом убѣдилась и была у него в первый и послѣдній раз.

— Ах, папа, я была бы рада никогда больше с ним не встрѣчаться. Я его до ужаса, до неподвижности в спинѣ боюсь, но...

— Не может быть никаких „но". Ты не ребенок и отлично понимаешь, чего ждет от тебя этот мерзавец.

Избѣгая отвѣта, Ирина закрыла собольей муфтой болѣвшее от холода лицо.

Весь этот вечер она сильно волновалась, колебалась, не зная на что рѣшиться. Увѣренность в том, что Распутин легко справится с Мордатовыми и вернет ей Кирилла, все укрѣплялась в ней. Однако, она знала какою цѣной должна будет купить его помощь. Подходя к этой мысли ей казалось, что она летит в какой то невообразимо страшный сон и что все лучше, чѣм пойти на такую жертву, болѣе страшную для нея, чѣм смерть. Но тут же она обвиняла себя в том, что имѣя возможность спасти Кирилла, не рѣшается на это из эгоизма, думая только о себѣ. Эти сомнѣнія мучили ее. Она до изнуренія передумывала все тѣ же мысли, не находя выхода из их заколдованнаго круга.

На третій день послѣ этого, утром, когда она была дома одна, Распутин вызвал ее к телефону. Она не хотѣла подойти к аппарату и все таки подошла.

— Ну, вот что, милая. Я поговорил с кѣм надо. Можем ѣхать в Москву, — объявил ей старец. Хоть сегодня в дорогу собирайся. Только без генерала.

— Я сегодня не могу, — упавшим голосом отвѣтила Ирина.

— Ну, так не сегодня. Развѣ я неволю? Можешь и не ѣхать совсѣм.

— Нѣт, отчего же...

— Ну, собирайся. Когда соберешься, позвони мнѣ по телефону. Я эту недѣлю свободен. Могу твоим дѣлом заняться.

— Спасибо.

— Позвонишь?

— Да.

— Значит до свиданія.

Ирина скрыла от своих, что говорила с Распутиным. Она почти не выходила из своей кельи, в которой бродила слабая и блѣдная, больная от мучительной борьбы происходящей в ней.

Недѣлю спустя Распутин снова вызвал ее к телефону.

— Ну, что же надумала, когда в Москву то поѣдем? — Спросил он ее. — Или раздумала мужа то спасать?

— Нѣт, но я никак не могу уѣхать отсюда теперь, — вся дрожа от волненія отвѣтила Ирина.

— Ну, как знаешь. Только смотри, как бы не поздно было, когда надумаешь. Не долго Мордатовым с твоим то управиться. Вот мнѣ сдается поздно будет, когда надумаешь.

— Это предсказаніе, Григорій Ефимович?

— Уж не знаю. Как хочешь понимай. Прощай... А то вот что. Приходи-ка ты сегодня ко мнѣ одна. Потолкуем, одни то. А в Москву генерала с собой возьмем.

— Я вас не понимаю...

— Понимаешь, милая. Смышленная ты. Только вот меня все боишься. А может грѣха? Так со мной грѣха то нѣт...

Ирина бросила трубку на стол, убѣжала к себѣ, заперлась, точно спасаясь от погони. Она вся дрожала от возмущенія, душа ея болѣла от ненависти к Распутину, она чувствовала себя униженной, загрязненной его циничными словами. Ей стало ясно, что никогда больше она не станет говорить с ним, что и эта надежда спасти Кирилла разрушилась.

Острая боль желѣзным кольцом сдавила ей виски. Она одѣтой легла в кровать, завернула го-

лову пуховым платком и, зарывшись лицом в подушку, стала жадно, почти сознательно, засыпать.

Вечером у нея снова открылся жар. Начался рецидив нервной лихорадки. Она кричала в бреду прося закрыть чѣм нибудь бѣлые глаза в телефонѣ. Унести из ея комнаты бѣлый телефон. Долгія ночи мучали ее, эти страшныя видѣнія в темном и страшном мирѣ, в котором она жила.

Однако, и на этот раз сильная натура ея превозмогла болѣзнь.

В сочельник она, к радости всей семьи, встала с постели и сидя в креслѣ наблюдала за тѣм, как Талочка и Боб украшали елку в залѣ. Ирина с дѣтства любила „кануны", любила готовиться к праздникам, и с тихим довольством выздоравливающей слѣдила за веселой работой брата и сестры. „Куколка Тата" сидѣла на ея колѣнях и что-то весело лепетала.

Вдруг в комнату вбѣжала Нина Петровна.

— Ирина, тебѣ радость, радость, — сказала она падчерицѣ. — Знаешь кто пріѣхал и раздѣвается в передней? Елена Сергѣевна!

Забыв свою слабость Ирина передала Тату Талочкѣ, вскочила с кресла и побѣжала навстрѣчу подругѣ, пріѣзд которой мгновенно исцѣлил ее. Щеки ея порозовѣли, движенія стали легкими и увѣренными.

— Ну, да ты молодцом, — звонко говорила Елена Сергѣевна цѣлуя ее. — А я страх, как соскучилась по тебѣ. Глѣб по дѣлам сюда пріѣхал, а я увязалась с ним и новости тебѣ не плохія привезла.

— Ну, так разсказывай. Пойдем ко мнѣ.

Ирина увела ее в свою келью.

— Знаешь что, Иринушка, ты лучше ляг, а то вѣдь шатаешься еще немножко. Ложись-ка, а я сяду около тебя. Вот так, чудесно. Что за удобное кресло.

— Ну, Лелечка, не томи же. Разсказывай скорѣе, — попросила Ирина, устало откидываясь на подушки. — Что ты слышала о Кириллѣ? Я так давно ничего не знаю о нем.

— Кирилл, дорогая моя, кажется за ум взялся. У него каждый день скандалы с его Мессалиной. Он вѣчно упрекает ее в том, что она заставила его написать завѣщаніе на ея имя и то и дѣло угрожает тѣм, что „фукнет" ее, а завѣщаніе разорвет. Волгины, узнав что он завѣщал ей все свое состояніе, ощетинились. Мессалина, как то, разлетѣлась к Екатеринѣ Алексѣевнѣ, а та со скандалом выставила ее вон. Иван серьезно собирается принять „мѣры", и думаю, что на этот раз это не одни разговоры! Одним словом, положеніе измѣнилось к лучшему. Как только ты поправишься, пріѣзжай ко мнѣ в Москву. Я ручаюсь в том, что устрою тебѣ свиданіе с Кириллом.

— Но как? — Возбужденно спросила Ирина, приподнимаясь с подушек. — Вѣдь она ни на шаг не отпускает его от себя.

— Глѣб устроит какое нибудь экстренное собраніе в конторѣ, или придумает еще что-нибудь. Главное, скорѣе поправляйся и пріезжай.

— Ах, я поправлюсь очень скоро. Я прямо ожила от твоих слов. А я уж совсѣм отчаялась, голову потеряла, была готова знаешь на что?

Ирина разсказала подругѣ о своей встрѣчѣ с Распутиным.

— Да ты с ума сошла! — Воскликнула Бочарова. — Да мыслимая ли это вещь? Особенно для тебя. Ах ты, Боже мой! Всю бы жизнь ты себѣ этим разбила. Да если бы это до Кирилла дошло, он тебя своими руками бы задушил.

— Дѣйствительно. Очень я ему нужна, — с грустной ироніей возразила Ирина. — Скажи, родная, ты надолго пріѣхала сюда?

— Только на два дня. У Глѣба здѣсь дѣловое свиданіе с одним американцем, который уѣзжает завтра вечером в Берлин. А мы с ночным поѣздом вернемся в Москву. Я пріѣхала исключительно для тебя, дорогая. Как ты думаешь, успѣем мы наговориться за двадцать четыре часа?

— Сомнѣваюсь, — разсмѣялась Ирина, когда мы вмѣстѣ, время так летит.

XX.

Отъѣзд Елены Сергѣевны образовал большую пустоту в жизни Ирины. Она старалась заполнить ее усиленным лѣченіем и приготовленіями к отъѣзду в Москву. Она так похудѣла, что пришлось передѣлать нѣсколько платьев, купить разныя мелочи необходимыя в дорогу.

Рѣшив взять с собою Аннунціату, она нашла для дочери отличную русскую няню, которая внесла в дѣтскую спокойный, чуть старинный уют.

„Куколка-Тата“ быстро привыкла к ней, лепетала, вторя ей, дѣтскія пѣсенки, разсматривала с нею картинки.

Ирина настолько окрѣпла, что заказала спальныя мѣста в Москву на первое Января. Ей хотѣлось уѣхать уже раньше, но Нина Петровна и Талочка упросили ее встрѣтить Новый Год со всей семьей.

Тридцать перваго Декабря, уже с утра, начались приготовленія к веселой встрѣчѣ Новаго Года. Талочка с нѣсколькими подругами, между которыми были и Тверскія, убирала зал гирляндами и пестрыми фонариками, приготовила для котильона ленты с бубенчиками, всякія изящныя бездѣлушки и бумажные ордена.

В одной из гостиных домашняя портниха дошивала для нея костюм шиповника, из блѣдно-зеленаго тюля и розоваго шелка.

Послѣ обѣда все было готово к пріему гостей.

Ирина, захваченная радостным настроеніем близких, позволила Аннунціатѣ нарядить себя в свѣтлое платье, надѣла свои жемчуга.

Когда она пришла в зал, он был уже полон юными гостями и гудѣл нестройным хором их веселых смѣющихся голосов.

Но вот заиграл на хорах небольшой струнный оркестр и шестнадцатилѣтняя Талочка, прелестная как олицетвореніе весны, начала с каким то правовѣдом бал. Что-то невинное, умилительно-нѣжное было в ея шеѣ, в ея еще дѣтских, пушистых бѣлокурых волосах, выбивающихся из-под розовой шляпы, изображающей цвѣток шиповника.

— Как очаровательна ваша сестра, — сказал Тверской подходя к Иринѣ.

Они сѣли в сторонѣ и стали наблюдать за танцующими.

— Ирина, на минутку, — позвал дочь подошедшій Михаил Анатольевич.

Что-то в его голосѣ заставило ее тревожно насторожиться. Она взглянула на него и сердце ея на мгновеніе перестало биться.

„Что-то ужасное произошло,“ промелькнуло в ея головѣ.

Она встала и молча послѣдовала за отцом.

— Что случилось? — Спросила она, когда они вышли в коридор.

— Елена Сергѣевна у телефона . . . .

Не слушая дальше, Ирина бросилась в переднюю, гдѣ находилась телефонная кабинка.

— Что случилось, Леля? —Еле владѣя голосом повторила она уже заданный отцу вопрос.

— Ирина, родная, тебѣ предстоят может быть тяжелыя минуты. Возьми себя в руки, чтобы снова не заболѣть, чтобы быть способной многое перенести...

— Говори же... Вѣдь ты мучишь меня...

— Я только что узнала, что Кирилл опасно заболѣл в Вознесенском. Немедленно пріѣзжай в Москву.

— Я поѣду прямо к нему. Я не боюсь этих людей. Будь, что будет.

— Нѣт, родная, тебѣ нѣт смысла туда ѣхать. Ваня поѣхал за ним и его в санитарном автомобилѣ привезут сюда.

— Что с ним?

— Не знаю. Говорят бѣлая горячка... Итак я жду тебя. Ты еще поспѣешь к двѣнадцати-часовому поѣзду.

— Леля, ты обманываешь меня... То есть приготовляешь... Кирилл... Я знаю, что с ним...

— Да Бог с тобой...

— Скажи мнѣ правду... Леля, ради Бога, скажи мнѣ правду, а то я с ума сойду! Леля? Леля? Ты молчишь? Леля? Леля? Почему ты молчишь? — Ирина выронила трубку из рук. Холодный пот выступил на ея лбу. Внезапная слабость охватила ее и она потеряла сознаніе.

Стоявшій за стеклянной дверью кабинки Анатолій Михайлович, с помощью лакея, отнес Ирину в находящійся рядом с передней кабинет и положил ее на диван.

Рдищев послал лакея за Ниной Петровной и Аннунціатой, но Ирина до их появленія пришла в себя.

— Мнѣ надо ѣхать... Кирилл... Но я все таки надѣюсь. Который час? Еще нѣт одиннадцати? — Безсвязно говорила она вставая с дивана. — Ах, вот Аннунціата. Скорѣе дайте мнѣ пе-

реодѣться. Уложите самое необходимое. Мамина, я возьму автомобиль...

— Я сейчас прикажу подать. Но что же случилось? Я ничего не знаю.

Ирина сжала виски руками и, ничего не отвѣчая, выбѣжала из комнаты.

— Да что с нею?— Испуганно спросила мужа Нина Петровна, когда она исчезла за дверью.

— Нина, собери все свое мужество... Ирина еще не знает. Кирилл скоропостижно скончался.

— Боже мой! — Нина Петровна поблѣднѣла и опустилась в кресло. — Боже мой!

-- Пока мы должны скрыть от нея. Пусть постепенно привыкнет к мысли. Завтра ей скажет это Елена Сергѣевна.

— Я поѣду с нею.

— Нѣт, дорогая, ты здѣсь нужна дѣтям и Татѣ. Мы на Елену Сергѣевну вполнѣ можем положиться. А завтра утром я выѣду в Москву. Сегодня мы все это должны скрыть от наших гостей. К чему такая сенсація. И Талочка такая впечатлительная.

— Ты прав. Пожалуйста прикажи подать автомобиль. Я пойду к Иринѣ. Ах, что с нею будет! За что ей, такому ангелу, такія страшныя испытанія посылает Господь!— С трудом подавляя слезы Нина Петровна направилась к падчерицѣ.

Та, уже переодѣтая в дорожное платье, надѣвала шубу. Лицо ея выражало сосредоточенную, почти спокойную рѣшимость.

— Ирина, будь сильной, ради Таты, — умоляюще проговорила Нина Петровна.

— Не бойся, мамина... Господь не допустит, — она обняла мачеху, потом прошла в дѣтскую и, склонясь над спящей Татой, долго крестила ее.

Чтобы не проходить в шляпѣ и шубѣ мимо гостей, она вышла с Аннунціатой из дома через задній ход и сѣла в автомобиль, который шофер подал во двор.

Была снѣжная буря. Машина с трудом подвигалась вперед. Мимо заледенѣвших, залѣпленных снѣгом окон тускло мигали городскіе огни.

„Лишь бы на поѣзд не опоздать. Скорѣе бы в путь,“ — думала Ирина.

Страх за Кирилла удвоил ея жизненную энергію. Эта нравственная сверх-температура возбуждала ея воображеніе, будила в ней стремленіе к рѣшительным дѣйствіям и она нетерпѣливо обдумывала, как завтра, прямо с вокзала, поѣдет с Еленой Сергѣевной к губернатору, исключительно благородному человѣку, с которым часто встрѣчалась в обществѣ и как с его помощью проникнет в осажденный дом к больному мужу.

Внутреннее чутье всегда угадывает несчастье, когда оно в нѣкотором отдаленіи, но как только оно становится почти очевидным, отчаяніе заглушает вѣщую воспріимчивость души и будит в ней обманчивыя надежды. Так было и с Ириной. У телефона она мгновенно угадала страшную правду. Но потом, подпав под жуткій самообман отчаянія, она стала усиленно думать о мужѣ, как о живом человѣкѣ, подсознательно запрещая себѣ малѣйшее сомнѣніе в благополучном исходѣ его болѣзни.

Когда Аннунціата уложила ее на узкую, туго стянутую простыней и одѣялом, постель купэ и сѣла около нея, она возбужденно стала дѣлиться с нею своими мыслями и планами. Но та, знавшая от Нины Петровны о смерти Волгина, не знала, что отвѣтить ей и с трудом сдерживала слезы.

— Я бы посовѣтовала синьорѣ уснуть,—сказала она. — Вѣдь у синьоры будет завтра столько хлопот. Ей надо отдохнуть.

Ирина послушно закрыла глаза.

Аннунціата взобралась на верхнюю постель и освѣтила купэ мирным голубым свѣтом электрическаго ночника.

Ирину быстро закачал мягкій и ровный ритм вагонных колес и она уснула глубоким сном.

Среди ночи ее разбудили громкіе голоса в коридорѣ. Она приподняла занавѣску, выглянула в окно. Поѣзд стоял в глубоком мракѣ на пути. Она накинула шубу, пріоткрыла дверь, выглянула в коридор. На нее пахнуло морозным воздухом, запахом снѣга, смѣшанным с сухим запахом отопленія.

— Что случилось? — Спросила она, проходящаго мимо проводника.

— Снѣгом путь занесло, барыня, — отвѣтил тот. — С опозданіем пріѣдем в Москву.

Ирина закрыла дверь, сбросила шубу и, вздрагивая от холода, забилась под одѣяло.

„Досадно," думала она. „Каждая минута дорога, а придется потерять столько времени."

„А мнѣ здается поздно будет, когда надумаешь ѣхать," — внезапно вспомнились ей слова Распутина и ее разом охватил леденящій ужас.

— Cara! — Позвала она спавшую одѣтой Аннунціату.

Та проснулась, соскочила вниз.

— Cara, мнѣ страшно . . .—негромко проговорила Ирина. — Мнѣ так страшно.

— Синьора должна уснуть. Я посижу тут с синьорой, постерегу ее. Я дам синьорѣ капель.

— Да . . . Побольше.

Однако, капли не подѣйствовали на перевозбужденный ум Ирины и она заснула только под

утро, когда из под краев темной занавѣски стал просачиваться блѣдный свѣт.

Бочаровы пріѣхали встрѣчать ее на вокзал.

— Леля, мы сейчас должны ѣхать к губернатору, — сказала Ирина здороваясь с подругой. — Он поможет мнѣ проникнуть в дом к Кириллу.

— Кирилла еще не привезли, Иринушка. Путь снѣгом занесло, — отвѣтила ей Елена Сергѣевна. — Но к вечеру его, навѣрно, привезут прямо в больницу. Там тебѣ легко будет его увидѣть.

— Как его состояніе?

— Очень плохо, Ирина Михайловна, — почти сурово проговорил Бочаров опуская глаза.

Ирина невольным испуганным движеніем схватила его за рукав.

Он взял ея руку и поцѣловал.

— Леля? — Поблѣдневшими от ужаса губами крикнула Ирина и Елена Сергѣевна поняла ея невысказанный вопрос.

— Нѣт, нѣт... Что ты... — Возразила она, избѣгая ея взгляда. — Поѣдем, дорогая. Все обсудим там.

Ирина еле дошла до автомобиля и молчала весь путь.

Дом Бочаровых был превращен в цвѣтущій сад. Повсюду стояли деревца бѣлой сирени, корзины лилій, ландышей и роз.

Длинный стол в столовой, за которым умѣстилось бы сто человѣк, был весь уставлен всевозможными паштетами, холодной дичью, заливными поросятами, замысловатыми поварскими сооруженіями из тѣста, аспика и марципана.

„Сегодня Новый Год“, вспомнила Ирина садясь с Еленой Сергѣевной за чайный столик в будуарѣ.

— Леля, сегодня день визитеров. Ты, пожалуйста, забудь обо мнѣ. Принимай, — сказала она подругѣ.

— Я хотѣла отказать пріем, — виноватым голосом отвѣтила та, но представь себѣ, сюда пріѣхали какіе то американцы, с которыми у Глѣба дѣла. Необходимо их принять, поразить закусками, винами и так далѣе. Ну, а если их принять, то нельзя не принять и других.

— Да, конечно же. Как ты думаешь, в котором часу привезут Кирилла?

— Понятія не имѣю. Пріѣхав с ним в Москву, Ваня сейчас же пріѣдет сюда за тобою и все тебѣ разскажет. Пойдем ко мнѣ, родная, я должна переодѣться для пріема.

Вскорѣ в передней стали раздаваться звонки и Елена Сергѣевна нарядная, но озабоченная, ушла в столовую, оставив, с прилегшей на диван Ириной, Любочку и ея воспитательницу.

Ирина отказалась от завтрака. Она ходила от нетерпѣливаго ожиданія, от неизвѣстности. Она то и дѣло подходила к телефону, вызывая номер Екатерины Алексѣевны, или Ивана Тимофеевича, но ей неизмѣнно отвѣчали, что их еще нѣт.

Елена Сергѣевна часто приходила навѣдываться о подругѣ, потом снова уходила к гостям.

Любочка и Марія Ильинишна всѣми силами старались развлекать Ирину, но только утомляли ее, мѣшали ей думать, ждать.

Не выдержав, наконец, она попросила их дать ей немного поспать, но, как только они ушли, снова подошла к телефону.

— Нѣт еще Ивана Тимофеевича, — терпѣливо отвѣтил ей степенным голосом швейцар.

— Это кто говорит? Дом Бочаровых? — спросил кто то присоединенный третьим.

— Да, — отвѣтила Ирина.

— Вот у нас вѣнок заказан, а приказчик записку потерял, на которой значилось, что написать на лентѣ.

— Какой вѣнок? Кому? — Разом охрипшим голосом спросила Ирина.

Подбѣжавшая Елена Сергѣевна вырвала у нея трубку.

— Леля, кому вѣнок?

— Одному директору. Алло? Не знаю, позвоните через час.

Елена Сергѣевна повѣсила трубку.

— Ну, слава Богу, пріем закончен. Вот было мученіе! Теперь не отойду от тебя, моя родная.

— Леля, на минутку, — заглянув в спальню позвал жену Бочаров.

Елена вышла к нему, но вскорѣ вернулась. Лицо ея было прозрачно от блѣдности.

— Ирина, Ваня пріѣхал. Ждет тебя в гостиной, — сказала она.

Ирина бросилась из комнаты.

Иван Тимофеевич стоял посреди комнаты, держась как то особенно прямо. Он был в траурѣ, обычный румянец сошел с его лица, которое выражало почти безпомощный страх перед страшным ударом, который он должен был нанести Иринѣ.

Вбѣжав в комнату и взглянув на него, она пошатнулась, прислонилась к стѣнкѣ. Глаза ея застыли на его растерянном, разстроенном лицѣ.

Собравшійся осторожно приготовить ее, Иван Тимофеевич от волненія забыл всѣ приготовленныя им фразы. Встрѣтив точно ожидающій удара взгляд Ирины, он понял, что нельзя ее дальше пытать молчаніем.

— Скончался Кирилл, — как то слишком быстро сорвалось с его губ.

Ирина не двинулась. Ничто не дрогнуло, не измѣнилось в ея застывшем лицѣ. Но вдруг глаза ея закрылись, голова опрокинулась назад, ужасный, открытый, точно разрывающій грудь крик вырвался из ея горла, повторился и превратился в нескончаемый стон.

Стоявшая в дверях Елена Сергѣевна кинулась к ней, хотѣла усадить ее в кресло.

Но Ирина оттолкнула ее продолжая кричать, бросилась бѣжать, однако, ноги ея подкосились и она упала на порогѣ сосѣдней комнаты.

Волгин и Елена Сергѣевна старались поднять ее, но она отбивалась и кричала, как безумная. Казалось, что дух отчаянія обуял ее, чтобы вырвать душу из ея тѣла.

В домѣ поднялась суматоха. Гостиная наполнилась людьми.

Волгин и Бочаров хотѣли поднять Ирину и положить на динан, но стоявшая на колѣнях возлѣ нея Елена Сергѣевна не позволила им трогать ее.

— Доктора! Скорѣе доктора! — Повторяла она, стараясь удержать голову бившейся Ирины на своих колѣнях.

— Холодной водой надо облить, — посовѣтовал кто то из прислуги.

— Глѣб, выстави же их всѣх вон!, — Вырвалось у Елены Сергѣевны.

Аннунціата прибѣжала с одеколоном и мокрым полотенцем.

Ирина продолжала кричать так изступленно, так дико, как кричат только тогда, когда все потеряно в жизни.

Жутко было присутствующим слышать невыносимую муку этих криков, видѣть одержимое мукой тѣло всегда сдержанной и терпеливой Ирины.

Волгин и Бочаров, оба блѣдные и растерянные стояли наклонясь над нею. Елена Сергѣевна оберегала ея голову, ея лицо, к которому Аннунціата прикладывала мокрое полотенце.

Пріѣхавшій, наконец, доктор только развел руками.

— Чѣм тут можно помочь? Какія капли тут подѣйствуют? — Сказал он пожимая плечами.

— Сдѣлайте ей вспрыскиваніе морфіем, — попросила его Елена Сергѣевна. — Вѣдь душевную муку труднѣе выносить, чѣм физическую. Дайте ей хоть забыться, отдохнуть.

— Я сейчас пошлю за морфіем и шприцем, — отвѣтил он быстро выходя из комнаты.

Кричавшую и отбивавшуюся Ирину подняли и понесли в приготовленную для нея комнату, положили ее на широкую и мягкую кровать.

Чтобы снять с нее одѣвающееся через голову платье, Аннунціатѣ пришлось разрѣзать его на спинѣ.

Вскорѣ пришел доктор, но Ирина все еще так билась, что ему удалось только с помощью Елены Сергѣевны, державшей ея руки, сдѣлать ей укол.

Нѣсколько минут спустя, уже хриплые крики ея превратились в протяжные жалобные стоны, перемѣшанные с непонятными словами вырывавшимися из-за ея судорожно стиснутых зубов. Потом она затихла, точно уснула. Голова ея была откинута назад. Влажные сбившіеся волосы открывали ея прекрасный, нѣжный лоб. Длинныя выгнутыя рѣсницы были опущены на прозрачныя осунувшіяся щеки. Рот был полуоткрыт. Грудь тяжело дышала.

— Подѣйствовал морфій, — подумала смотрѣвшая на нее сквозь слезы Елена Сергѣевна.

Вдруг Ирина открыла глаза.

— Леля, позови Ваню, — почти шопотом попросила она.

— Лучше усни...

— Как я могу... Я хочу все узнать...

— Ну, хорошо. Сейчас...

Огорченно переглянувшись с Аннунціатой, Бочарова вышла из комнаты.

Она нашла Волгина и мужа в столовой, гдѣ они пили водку и закусывали.

— Надо подкрѣпиться, — смущенно сказал Иван Тимофеевич.

— Конечно, Ваня. Ты покушай, милый, а потом пойдем к ней, — ласково отвѣтила Елена Сергѣевна. — Она затихла под вліяніем морфія. Хочет все знать. Господи, как сердце за нее болит.

Когда они подошли к комнатѣ Ирины, Иван Тимофеевич быстро перекрестился.

— Добрый ты, Ваня, хорошій. Очень я тебя люблю! — Импульсивно воскликнула Елена Сергѣевна. — Ну, войди. Войди. Знаю, что тебѣ тяжело, но что же дѣлать.

Ирина лежала, скорѣе полусидѣла в постели, покоясь головой и спиной на горѣ взбитых подушек. Все тѣло ея казалось сломанным, безсильным. Только руки ея были так судорожно скрещены на груди, точно в них сосредоточились всѣ оставшіяся в ней силы.

Елена Сергѣевна подставила Волгину стул к ея постели. Он тяжело опустился на него.

— Убили? — Почти беззвучно спросила Ирина.

— Трудно сказать... Видишь ли, он себѣ ногу натер на охотѣ сапогом, — взволнованно начал разсказывать Иван Тимофеевич. — Получилась ранка. Но она его не безпокоила. Он с нею два дня проходил. Мордатовой не было в имѣніи.

Ну, а как пріѣхала она и переночевала с ним в вашей спальнѣ, — на другое утро у него открылся жар. Она за доктором не послала, вызвала какого то своего знакомаго фельдшера. Что они с ним дѣлали, никто не знает... К ночи у него открылся бред. Тут Лисицын перепугался и тайно от них вызвал меня по телефону. Я заѣхал за профессором Шершевским и сейчас полетѣл с ним в Вознесенское. Осмотрѣв Кирилла, профессор поставил діагноз, зараженіе крови. Ампутировать уже поздно... Конец... Шершевскій выразил подозрѣніе, что ранка на ногѣ Кирилла была намѣренно инфицирована. Но он, конечно, не может сказать ничего опредѣленнаго без вскрытія. Я, конечно, не хотѣл на это рѣшиться не заручившись твоим согласіем.

— Зачѣм?

— Нельзя же так оставить! Необходимо наказать преступников.

— Преступники мы... Мы знали, что его убъют... Я знала...

— Да, что ты, Ириночка...

— Я знала... Могла спасти и не спасла... А могла... Могла...

— Боже мой, ей дурно! -- Воскликнула Елена Сергѣевна бросаясь к Иринѣ.

— Нѣт... ничего... только сердце... Ваня! Я не хочу, чтобы его еще рѣзали... Нѣт, нѣт... Ни за что!

— Нельзя же подарить Мордатовым все его состояніе. Они засядут в контору... Будут распоряжаться...

— Поздно об этом думать... Я предупреждала часто... давно... Я просила... так просила спасти его...

— Да-да-да... Что же подѣлаешь...

Ваня, довольно. Иринѣ надо уснуть, — вмѣшалась в разговор Бочарова.

— Нѣт, Ваня, не уходи, — испуганно проговорила Ирина. — Скажи мнѣ, он очень мучился?

— Он все время был без сознанія. Но, знаешь, он в бреду все звал тебя. Все кричал: „Ириночка, Ириночка"...

Ирина рѣзко приподнялась с подушек. В расширенных от страданія глазах ея зажглось радостное изумленіе.

— Ты слышал? Слышал сам?

— Да... Звал все время... И почти перед самым концом.

Ирина закрыла лицо руками и рыдая упала на подушки.

— Уходите, уходите, — зашептала Елена Сергѣевна Волгину и мужу, которые, осторожно ступая, на носках направились к двери. — Это хорошо, что она заплакала...

„Он звал меня... звал меня умирая"... думала Ирина, и сердце ея наполнилось горячей отрадной благодарностью к мужу. Тѣм, что он звал ее в послѣднія минуты своей жизни, он возстановил порванную между ними в послѣдніе мѣсяцы душевную связь. Ужасна была мысль, что он ушел от нея навсегда, чуждый ей, оторванный от нея. Но сознаніе, что он умер с мыслью о ней, давало ей иллюзію того, что он взял ее с собою туда куда ушел и придавало ея отчаянію горестную сладость. Она снова приняла Кирилла в свое сердце таким, каким он был в самые счастливые часы их любви и его утрата стала ей еще непостижимѣе. Неистово, неукротимо возстала против нея вся душа.

Рыданія сотрясали ея бѣдное безсильное тѣло, разрывали ей горло.

— Ирина, Ирина, перестань! Вот, выпей воды, — умоляла ее Елена Сергѣевна. Есть повѣ-

ріе, что нехорошо так плакать об усопших... Это нарушает их покой. Если это правда, то Кириллу больно, что ты так убиваешься о нем.

Ирина затихла, подняла к Еленѣ Сергѣевнѣ измученное и распухшее от слез лицо.

— Гдѣ он? Я хочу к нему... — Сказала она.

— Его только завтра утром привезут. С вокзала прямо в церковь.

Ирина прижала платок к губам и застонала сдерживая рыданія.

— Ирина, Василиса здѣсь... Просится к тебѣ... Можно?

— Да.

Елена Сергѣевна заглянула в сосѣднюю комнату и кивнула головой.

Ждавшая там Василиса вошла бодро и степенно, но увидѣв Ирину, вдруг по бабьему заголосила и бросилась к ней.

— Матушка, барыня... убили его проклятые... Матушка, барыня... что ж это? А?

Ирина охватила ея шею руками и прижавшись к ея груди, когда-то выкормившей Кирилла, снова безутѣшно зарыдала.

— Матушка барыня, ангел вы наш, — причитала кормилица.

— Василиса, останьтесь со мной, пока я в Москвѣ... Мнѣ с вами хорошо. Вѣдь его никто не любил, кромѣ нас.

— Вот уж вѣрно, матушка барыня! Останусь я с вами... не отойду от вас... будьте спокойны...

— Василиса, разскажите мнѣ что нибудь... Как он маленькій был. Вспомните хорошенько. Может быть я чего нибудь не знаю о нем.

Да я, кажись, все вам, барыня, уж разсказывала.

— Сядьте вот сюда... Ну, подумайте... вспомните...

— Как он один с дачи на извозчикѣ то уѣхал, я, чай, уж разсказывала вам.

— Нѣт.

— Четвертый годок ему шел. А жили мы тѣм лѣтом не в имѣніи, а на дачѣ Салодовниковых. Вот играл Кирюша в саду. Я при нем была, да куды то ушла. Вернулась... Ах ты, Господи... Я туда, я сюда...Нѣт его нигдѣ...Я к барынѣ... Всю прислугу на ноги поставили, повсюду то его искали. Нѣт нигдѣ. В полицію дали знать. В Москва рѣкѣ искали. Ну, думали, утоп. Вдруг депеша из Москвы. Чтобы не безпокоились. Кирюша де благополучно на извозчикѣ пріѣхал в московскій дом. Это он значит, барыня, из сада-то убег, встрѣтил пустого извозчика и говорит ему: „Я фабрикант Волгин. Вези меня в мой московскій дом. Так мамаша приказала“. Да и адрес ему сказал. Страсть какой он смышленый был. Ну, а извозчик то дурак, ему повѣрил. Свез его из Кунцева в Москву. Это, значит, прокатиться ему, голубчику, захотѣлось...

— Василиса, зачѣм я уѣхала весной! Как могла тогда сердиться на него! За что... за что?...

Ирина уронила голову на край постели. Сухія рыданія раздирали ей грудь. У нея не хватало дыханія, слез... Лоб ея бился о ночной стол.

Василиса охая хлопотала вокруг нея, стараясь переложить ее на середину кровати.

— Барыня, мученица вы моя бѣдная... Пожалѣйте себя для барышни то нашей. Так убиваючись, долго ли до бѣды...

— Василиса, может быть он сейчас слушает нас? Может быть он с нами?

— Я вчерась, барыня, как спать то легла, подумала. Хошь явился бы он мнѣ во снѣ. Не грѣх это?

— Нѣт, не грѣх... Василиса, может быть он явится мнѣ? Я попробую уснуть, а ты не уходи... Сиди около меня и молись, горячо молись, чтобы он явился мнѣ во снѣ. Да? Ты останешься? Не уйдешь?

— Куда мнѣ, барыня-матушка, от вас уйти? Рада я с вами то быть. Тут около вас и просижу всю ночь.

— Нѣт, только хоть немного посиди и крѣпко молись, чтобы он явился мнѣ. Потуши свѣт. Вот так. Ты будешь молиться? Да?

Полчаса спустя Елена Сергѣевна и, только что прiѣхавшiй из Петербурга, Михаил Анатольевич вошли в комнату, но Ирина уже крѣпко спала.

XXI.

Когда на другое утро Ирина прiѣхала с отцом и Бочаровыми на вокзал, гдѣ то на запасном пути, под открытым небом, уже стояла запорошенная обильно падающим снѣгом, ожидающая траурнаго поѣзда зловѣще-черная группа людей.

Кто-то неосторожно громко проговорил: „Вдова.“ Всѣ разступились, множество рук протянулось к Иринѣ.

Екатерина Алексѣевна громко плача обняла ее и поцѣловала через ея густую траурную вуаль.

Но до сознанiя Ирины не доходило происходящее вокруг нея. Безпредѣльно одинокая в своем горѣ, она вся была поглощена мыслью о том мгновенiи, когда увидит гроб Кирилла и подсознательно желала внезапно умереть, чтобы не пережить его.

Кто-то принес ей простой деревянный табурет. Елена Сергѣевна бережно усадила ее на него, подняв с ея мертвенно блѣднаго лица, влажный от дыханія на морозном воздухѣ, вуаль.

Множество любопытных и сочувствующих глаз впилось в ея совершенно безжизненныя черты.

Взгляд ея был устремлен в мглистую от снѣга даль, из которой должен был придти страшный поѣзд.

Томительно долго было ожиданіе. Казалось, ему не будет, не может быть конца. Однако, наконец, послышался глухой шум, потом высокій и тонкій свисток паровоза, показавшагося из за поворота полотна.

Ирина как подкошенная откинулась назад, но не потеряла сознанія. Кто то поддержал ее.

Короткій поѣзд, состоявшій из локомотива, тэндера, пассажирскаго и товарнаго вагона, осторожно подкатил к деревянной платформѣ. Всѣ ожидающіе его подались вперед, отхлынули от Ирины, окруженной лишь самыми близкими.

Неподвижные от ужаса глаза ея были устремлены на товарный вагон, у котораго толпились снявшіе шапки черные люди. Но сердце ея не остановилось, не разорвалось. Всѣ воспріятія ея вдруг заволоклись тяжелой туманностью страшнаго сна.

Вот раздвинулась бурая стѣна товарнаго вагона, в котором зазіяла какая то жуткая черная пустота. Вот поднялись в него какіе то люди. На ступеньку вагона посыпались опилки. Что то ужасное было в них. Откуда то появился священник, потом дьякон. Раздалось похоронное пѣніе, странное и страшное под снѣжным небом.

Поднявшіеся в вагон и на нѣкоторое время исчезнувшіе в нем люди, появились в черном от-

верстіи его стѣны и осторожно ступая вынесли из него большой блестящій гроб.

Ирина смотрѣла на него с таким внутренним устремленіем, точно хотѣла проникнуть в него душой, но была безсильна осознать, что в нем покоится Кирилл.

В толпѣ произошло движеніе. Ирина снова была окружена людьми. Пронесли гроб почти над самой ея головою. Кто то взял ее под руку и повел к выходу о вокзала.

Гроб поставили на дроги. Процессія двинулась, медленно потянулась к далекому кладбищу.

Ирина отказалась ѣхать. Страшный гроб притягивал ее. Рдищев и Бочаров вели ее за ним. Она шла, не отрывая от него глаз и ступая как то странно легко. Она потеряла ощущеніе своего тѣла, своей души, жила в каком то безсознательном невѣдомом мірѣ скорби.

Михаил Анатольевич часто озабоченно склонялся к ней, умоляя ее сѣсть в карету. Но голос его лишь мучительно мѣшал ей идти, точно будил ее, пробуждал в ней страх, что хотят оторвать ее от этого непонятнаго гроба, с которым она неразрывно связана сейчас, который ведет ее за собою.

Елена Сергѣевна, ѣхавшая в каретѣ, измучилась заботами о подругѣ. Не выдержав наконец, она выскочила на медленном ходу из экипажа и подошла к мужу.

— Глѣб, это же невозможно... Она замертво упадет. Ее силой надо посадить в карету, — прошептала она ему. Смотри, она двигается, как автомат. Еще нѣсколько шагов и она свалится.

— Я думаю, ее нельзя сейчас трогать,— отвѣтил он. — Ее каждое слово, как лунатика, может разбудить и сбить с ног. Надо ее оставить... Да вон и монастырь.

— Как я боюсь за нее. Я больше не отойду от нее. Ты крѣпко ее держишь?

Бочаров утвердительно кивнул головой.

Широко были открыты ворота обители, с колокольни которой лился тяжелый и мѣрный погребальный звон.

Гроб внесли в церковь и поставили перед алтарем.

Екатерина Алексѣевна и Бочарова усадили Ирину в нѣскольких шагах от него на шаткій вѣнскій стул. К ней стали подходить знакомые, чтобы пожать ей руку и выразить свое сочувствіе. Подошел и Лисицын. Его она узнала. Задержала его руку в своей. В лицѣ ея что то дрогнуло.

— Представьте, как странно, Ирина Михайловна, — зашептал Лисицын.— Помните, к вѣнцу у Кирилла Тимофеевича не оказалось рубашки, так как все бѣлье было отправлено на вокзал и ему пришлось надѣть мою. . . Так оказалось и теперь. Когда его вчера стали одѣвать, не оказалось свѣжей рубашки. Его хоронят в моей. . .

Ирина уронила голову на колѣни и глухо зарыдала.

Бочарова бросилась к ней.

— Не понимаю, как можно говорить такія вещи, возмущенно проговорила Екатерина Алексѣевна сердито взглянув на Лисицына, который, смущенно поклонившись, поспѣшно ретировался.

К Волгиной подошел Иван Тимофеевич.

— Не знаю, как быть, мамаша. Говорят, лучше гроб не открывать. Надо бы Ирину спросить,— прошептал он.

— Как ее спросить? Видишь в каком она состояніи. Лучше гроб не открывать. Развѣ сама захочет. Да ей это и в голову не придет. Она точно не в себѣ. Только Лисицын, дурак, ее раз-

бередил. О рубашкѣ разсказал. Да вот она опять затихла. Опять точно не видит, не понимает ничего.

— Иван Тимофеевич, как же прикажете, открывать гроб, или не открывать? — Дѣловито спросил, подойдя к Волгину, его управляющій юркій блондин в золотых очках. — Батюшка сейчас начнет. Так как же-с?

— Нѣт, не открывать.

— Слушаюсь.

Началось отпѣваніе. Церковь была переполнена черной неподвижной толпой. Удушливо пахло цвѣтами и ладаном, голубые слои котораго обволакивали гроб. Торжественно горѣли высокія бѣлыя свѣчи, роняя быстрыя восковыя струйки на подсвѣчники и ковер.

Безтѣлесно, жутко-погребально звучало пѣніе синодальных пѣвчих, вырывающееся из слабых дѣтских грудей.

Глубоко-проникновенно молил голос старика священника о вѣчном покоѣ новопредставленнаго раба Божія Кирилла. Откуда то доносился громкій плач Василисы.

Вдруг в толпѣ произошло легкое движеніе, она разступилась пропуская носильщика с огромным вѣнком. Подойдя к гробу, он прислонил его к нему, перекрестился и, теребя шапку с красным околышем, стал пробираться к выходу.

Худенькая сгорбленная монахиня старательно расправила черныя ленты новаго вѣнка, на которых золотыми буквами было напечатано: „Любимому Кириллу от его Саши“.

Екатерина Алексѣевна знаком руки подозвала к себѣ Лисицына.

— Это уж слишком, — почти громко проговорила она, загорѣвшись гнѣвом: — Своей жертвѣ вѣнок посылает. Вон отсюда эту гадость . . .

Лисицын рѣшительно поднял вѣнок и, возбуждая всеобщее любопытство, понес его из церкви.

Одна Ирина не замѣтила происшедшаго. Вырванная на нѣсколько страшных минут словами Лисицына из сомнабулическаго состоянія, она снова впала в него. Из всего окружающаго она видѣла только стоящій перед нею гроб, с которым она чувствовала себя связанной каким то необъяснимым, почти умиротворяющим притяженіем. Это ощущеніе было так сильно в ней, что когда гроб подняли и понесли, она бросилась вслѣд за ним.

— Куда ты, Ирина? Опомнись! Одѣнься сначала! Вѣдь мороз! — Воскликнула Елена Сергѣевна догоняя ее и надѣвая на нее шубу.

— Пусти меня... Пусти ... —жалким, почти дѣтским голосом молила Ирина.

Безсознательным движеніем запахнув шубу, она выбѣжала из церкви, из которой вынесли гроб.

Михаил Анатольевич нагнал дочь, взял ее под руку и повел ее в часовню.

— Гдѣ же? — Испуганно спросила она.

— Запаивают. Сейчас принесут.

У дверей часовни стояли Лисицын и управляющій Ивана Тимофеевича, пропуская в нее только самых близких родных.

В мозаичном полу, между двумя мраморными плитами, была приготовлена глубокая открытая могила. Ирина с ужасом заглянула в нее. Туда замуравят гроб. Скроют его от нея.

Вот внесли его. Не на плечах... На каких то носилках. Поставили на пол, подняли опять и осторожно спустили на дно могилы.

Склонясь над нею, Ирина не спускала с него глаз.

— Держи ее, Глѣб. Она упадет в нее,—прошептала Елена Сергѣевна мужу.

„Вѣчная память... Вѣчная память"... Пѣли мальчики пѣвчіе.

Часовня огласилась всхлипываніями. Екатерина Алексѣевна и Василиса громко рыдали.

Наконец замолкло пѣніе, удалилось духовенство, ушли пѣвчіе. Какіе-то люди стали замуравливать могилу. Часовня опустѣла.

— Пойдем, Ирина, — сказала старуха Волгина вытирая глаза. — Нас ждут на завтрак. Знаешь, поминки. . .

Ирина испуганно отшатнулась от нея.

— Екатерина Алексѣевна, прошу вас извинить Ирину. Она не в состояніи высидѣть завтрак. Ей необходимо вернуться домой, — отвѣтил за дочь Михаил Анатольевич.

— Да, да. Увезите ее поскорѣе, — не особенно довольным голосом отвѣтила Волгина и обняв невѣстку быстро удалилась.

В часовнѣ остались только Рдищев и Бочаровы.

Пойдем, родная, — сказала Елена Сергѣевна коснувшись руками стоявшей у могилы Ирины.

Нѣт, я останусь до конца, — чуть слышно отвѣтила Ирина. — Идите... Мнѣ лучше одной... Не бойтесь за меня.

— Сядь по крайней мѣрѣ, — попросила ее Бочарова подставляя ей низкій сломанный табурет.

Ирина послушно опустилась на него.

— Теперь идите, — почти спокойно проговорила она. — Идите. . .

Рдищев и Бочаровы молча покорились ея желанію.

— Лелечка, ты пойди с Михаилом Анатольевичем в столовую, согрѣйся, закуси, а я здѣсь издали постерегу Ирину Михайловну, — сказал Бочаров, когда они вышли из часовни.

— Ни в коем случаѣ, — рѣшительно возразил Рдищев. — Я останусь здѣсь.

— Хорошо, — согласилась Елена Сергѣевна. — Но через полчаса мы смѣним вас.

Михаил Анатольевич долго шагал по скрипѣвшей снѣгом дорожкѣ и проходя мимо часовни, заглядывал в ея открытую дверь.

Ирина неподвижно сидѣла на табуретѣ. Взгляд ея не отрывался от могилы.

Когда вернулись Бочаровы, она все еще сидѣла не измѣнив положенія.

— Глѣб, да вѣдь это похоже на тихое помѣшательство! — С ужасом сказала Елена Сергѣевна, когда Рдищев ушел немного отдохнуть и согрѣться в обитель.

— Я не знал, что она его так любила, — задумчиво отвѣтил Бочаров. — Как она страдает. Да и то сказать... Ужасное горе она переживает. Знать, что человѣк, с которым она была так неразрывно связана столькими годами любви, общей жизни, столькими общими надеждами на далекое будущее, внезапно, навсегда исчез... Ужасно... Невообразимо...

Елена Сергѣевна поблѣднѣла и тѣснѣе прижалась к мужу.

— Даст Бог мы еще долго-долго проживем и умрем вмѣстѣ от глубокой старости, — цѣлуя руку и слегка улыбаясь отвѣтил он на ея мысль.

— Знаешь, я думаю Иринѣ особенно мучительно сознаніе, что он так ушел от нея... Что она не успѣла сказатъ ему многое... Что она никогда-никогда не сможет сказать ему то, что поняла только теперь, когда все кончено. Но больше всего, конечно, приводит ее в отчаяніе то, что она не могла спасти его.

— Ужасно... ужасно все это... Уже смеркается, Лелечка. Да и могилу уже зарыли. Пора увезти Ирину Михайловну.

— Подождем Рдищева. Да вот и он.

Они втроем вошли в часовню.

— Ирина, дорогая, ради Таты, умоляю тебя, поѣдем домой. Завтра утром мы сюда вернемся и останемся сколько ты захочешь, — сказал Михаил Анатольевич обнимая дочь.

Она сдѣлала движеніе встать, но не в силах была приподняться.

Рдищев и Бочаров подняли ее и понесли в автомобиль.

Она не была без чувств. Она была только так слаба, точно душа ея была близка к тому, чтобы потерять связь с ея тѣлом и ея сознаніем.

XXII.

Ирина нѣсколько дней провела в этом состояніи. Она не вставала с постели, почти не двигалась, не говорила.

Не отходившим от нея Еленѣ Сергѣевнѣ и Аннунціатѣ стоило большого труда заставлять ее выпивать немного бульона или молока нѣсколько раз в день.

Рдищевы и Волгины были в отчаяніи. Необходимо было не теряя времени начать процесс против Мордатовых. Без Ирины это было невозможно. Однако, всѣ их попытки вырвать ее из ея душевной замкнутости были напрасны.

— Михаил Анатольевич, надо немедленно телеграфировать Нинѣ Петровнѣ, чтобы она не теряя ни минуты пріѣхала с Татой. Только Тата может вернуть Ирину к жизни, — сказала как то вечером Елена Сергѣевна, в слезах выбѣжав из спальни подруги.

Она не ошиблась.

Ирина еще спала, когда положили рядом с нею на кровать, привезенную из Петербурга, дочь.

— Разбуди маму. Поцѣлуй ее хорошенько. Вот она испугается, — сказала Нина Петровна внучкѣ, зная о ея пристрастіи к подобным играм. — Ну, скажи: „вставай мама. Пойдем гулять“. . .

— Тавай. . . Тавай гулять Татой!— Шаловливо говорила дѣвочка тыкаясь носиком о щеку матери и опираясь ученками о ея грудь. — Та-авай!

Ирина подняла вѣки, долго смотрѣла на дочь, точно не вѣря, что видит ее в дѣйствительности.

— Тавай, тавай, — продолжала лепетать смѣющаяся Тата.

Наконец Ирина поняла, что это не сон. Она приподнялась с подушек, бережно обняла дѣвочку, прижала ее к себѣ. Губы ея как то безпомощно дрогнули. Из глаз покатились слезы.

—Не испугай ее, Ирина. Вѣдь она еще маленькая,—сказала Нина Петровна.

— Нѣт. . . не буду, — с трудом прошептала Ирина цѣлуя головку дочери, вдыхая родной запах ея локонов, ея шейки, пахнущей дѣтским мылом и молоком.

Не любившая нѣжностей Тата, рѣзко вырвалась из ея слабых рук.

— Тавай гулять, — уже нетерпѣливо потребовала она.

Но Ирина безсильно откинулась на подушки. Пережитое волненіе утомило ее. Однако, оно вернуло ее к жизни. Она не отпускала Тату от себя, а к вечеру встала с постели, чтобы выкупать ее и уложить спать.

Когда дѣвочка уснула, Нина Петровна и Елена Сергѣевна увели Ирину в гостиную, гдѣ ее ждали Рдищев, Бочаров и Волгин.

Иван Тимофеевич осторожно навел разговор на процесс.

— Ириночка, милая, пойми... Вѣдь нельзя же допустить, чтобы эти преступники вошли в дѣло, — говорил он с трудом сдерживая раздраженіе. — Уже если мы, уважая твое желаніе, не настаивали на том, чтобы ты начала уголовный процесс против Мордатовых, то очень просим тебя немедленно начать оспаривать завѣщаніе, которое Кирилл написал по настоянію шайки Мордатовых. Его ненормальность нетрудно будет доказать. Ты должна отстаивать права своей дочери.

— Я, Ваня, ни на что больше не способна, — слабым голосом возразила Ирина. — Дѣлай ты все, что считаешь нужным.

— Я на это не имѣю права. Оспаривать завѣщаніе можешь только ты, как жена. Но пока ты нездорова, Михаил Анатольевич может с твоею довѣренностью начать процесс. Ты на это согласна?

— Конечно. Пусть папа дѣлает все, что найдет нужным.

— Вот двѣ довѣренности, одна на имя Михаила Анатольевича, другая на имя Нины Петровны. Подпиши их, — сказала Елена Сергѣевна подавая Иринѣ перо.

— Гдѣ?

— Вот здѣсь.

Ирина подписала и хотѣла встать.

— Подожди, Ириночка, — остановила ее Рдищева. Я все таки хочу тебя спросить, почему ты не согласна начать уголовное дѣло? Вѣдь еще не поздно. Слѣдует наказать убійц Кирилла. Зачѣм же их щадить?

— Потому что на нас всѣх большая вина, чѣм на них... Мы всѣ знали, что они хотят его... И допустили это несмотря на то, что могли бы его спасти. Мы его убійцы! — Ирина невольным движеніем подняла руки к горлу сжавшемуся спазмой, но превозмогла волненіе. — Я не хочу, чтобы теперь трогали Кирилла. Тревожили его покой,—продолжала она. — В моей душѣ нѣт ненависти к этой женщинѣ... Она не может отвѣчать за то, что родилась такою... Она поступила так, как требовала от нея ея преступная натура... Иногда я даже сомнѣваюсь, что это она... Может быть ея брат... Ах, да зачѣм доискиваться теперь, когда все кончено... Ничто не воскресит его... Простите, я больше не могу...

Ирина встала и пошатнулась. Елена Сергѣевна поддержала ее и увела в ея комнату, гдѣ в маленькой постелькѣ свернувшись калачиком сладко спала Тата.

Ирина склонилась над нею. Перекрестила ее.

„Однѣ мы с тобою," мысленно сказала она ей, „Однѣ на всем свѣтѣ. Твой папа ушел от нас, не простившись с нами."

XXIII.

Обратившись к извѣстному адвокату, Рдищев, от имени Ирины, начал против Мордатовых процесс, возбудившій сенсацію в Москвѣ.

В газетах ежедневно появлялись сообщенія о нем. Особенную пищу всевозможным сенсаціонным слухам давали сами Мордатовы, которые, потеряв голову от жадности и желанія поскорѣе войти во владѣніе наслѣдством Волгина, совершали разныя неосторожности, нелегальным путем доставая какіе то документы, подкупая свидѣтелей и давая интервью, в которых разсказывали о пре-

данной любви Кирилла Тимофеевича ко всей их семьѣ и обдавали грязью его вдову. Это особенно возмущало общественное мнѣніе. Равнодушной к их клеветам относилась одна Ирина.

Она жила в одиноком замкнутом мірѣ скорби, в котором было мѣсто только для нея и для Кирилла и в который не проникали волненія даже самых близких ей людей.

— Я не понимаю тебя, — взволнованно воскликнула, как то утром, Нина Петровна, кладя перед нею газету с какою то свѣже испеченной злобой дня о Волгинском процессѣ. — Ну прочти же. Это возмутительно, что они врут эти негодяи!

— Чему же тут удивляться? — Пожимая плечами спокойно сказала Ирина. — Они иначе не могут говорить . . .

— Ах, Ирина, Ирина, какою ты стала равнодушной, — сокрушенно проговорила Рдищева выходя из комнаты.

В коридорѣ ей встрѣтилась Елена Сергѣевна.

— Ужасна, ужасна эта окаменѣлость Ирины, — стала она жаловаться ей. — Мнѣ ничѣм не удается вырвать ее из этой страшной апатіи.

— Иринѣ необходимо отсюда уѣхать, — рѣшительно сказала Бочарова. — Эти ежедневныя посѣщенія кладбища губительны для нея. Как только мы входим с нею в часовню, она перестает быть живым человѣком. Тоска по невозвратном, неисправимом, с такою силой охватывает ее там, что кажется, вот-вот сердце ея не выдержит. Сидит там у могилы на соломенной скамеечкѣ, как каменная. Блѣдная-блѣдная . . . Надо этому положить конец. Скажите ей, что нельзя дольше оставлять Талочку и Боба одних. Хотите, я поговорю с нею.

— Ах, да. Милочка, прошу вас об этом. Только у вас еще есть вліяніе на нее.

— Так я сейчас же с нею переговорю.

Елена Сергѣевна рѣшительно вошла в комнату подруги.

— Дорогая, мнѣ необходимо с тобою поговорить, — обратилась она к Иринѣ, кормившей Тату кашкой. — Видишь ли... Нина Петровна стѣсняется тебѣ сказать... Она очень безпокоится о том, что Талочка и Боб так долго одни с глупой Фебой. Нина Петровна так горячо принялась за веденіе твоего дѣла, что ей не скоро удастся вернуться в Петербург.

— Хорошо. Я завтра же уѣду туда с Татой, — прервала ее Ирина. Я сама хотѣла предложить это маминѣ.

— Дай, дай, — сердито закричала Тата раздраженная тѣм, что вниманіе матери было от нея отвлечено.

— Ах ты, капризница, — погрозила ей пальцем Бочарова. — Когда мама тебя кормит кашкой, ты ее выплевываешь, а когда не кормит, ты кричишь „дай."

Вмѣсто отвѣта на упрек, Тата старательно выплюнула всю взятую в рот кашку на пикейный нагрудник.

В комнату вошла Аннунціата. Ирина передала ей дочь.

— Леля, подан автомобиль? — Спросила она подругу.

— Дѣточка, не отложить ли нам нашу поѣздку на кладбище на завтра? Сегодня трескучій мороз, — возразила та.

— Я не боюсь холода. Пусти меня одну... Хоть раз, — взмолилась Ирина. Я знаю, что вы всѣ из любви ко мнѣ не оставляете меня одну и я вам благодарна... Но мнѣ так хочется хоть раз побыть там одной.

— Иринушка, будь доброй, не настаивай на этом. Мы так боимся за тебя. Если хочешь ѣхать, я готова...

-- Нѣт, нѣт... Сегодня дѣйствительно мороз, — неожиданно согласилась Ирина.

Она внезапно приняла рѣшеніе встать пораньше на другой день и уѣхать на кладбище, пока спит еще вся семья.

Ей удалось осуществить этот план и незамѣтно выскользнуть из дома. Стояло морозное, но пасмурное утро. Снѣг быстрыми частыми хлопьями валился с сѣраго неба. Дворники сбрасывали с крыш мягкіе и разсыпчатые снѣжные слои, вяло расчищали тротуары.

Ирина быстро шла по разметанным ими тропинкам. Жалкія кляченки, встрѣчавшихся ей свободных извозчиков, не вызывали в ней довѣрія. Ей казалось, что онѣ не довезут ее до далекаго кладбища. Наконец, у какого то трактира она увидѣла лихача, усаживающагося на козлах своих новых ярко синих саней, в которыя была впряжена сытая вороная кобыла, нетерпѣливо махавшая заиндивѣвшей вокруг ноздрей головой.

Ирина назвала ему кладбище, на которое он должен был ее везти.

— Знаю, знаю, барыня милая, как не знать! Знаю, знаю... Сколько раз туды возил. Знаю, знаю, — скороговоркой посыпал он словами, из заросшаго зеленоватыми усами рта, из котораго несло вином, и хлестнул лошадь возжею. Она фыркнула и снялась с мѣста. Но бѣг ея не оправдал надежды Ирины.

— Поскорѣе... Нельзя ли поскорѣе? — Подгоняла она извозчика.

-— Можно, можно, барыня милая, как нельзя! Можно, можно, — убѣдительно и словоохотливо говорил он жидким тенорком, похлестывая воздух возжами.

В Иринѣ проснулась тревога.

„Когда я доѣду таким темпом“, подумала она. „Дома спохватятся, пріѣдут за мною на автомобилѣ“.

Проѣзжая мимо цвѣточнаго магазина она вспомнила, что никогда не привозила на кладбище цвѣтов. Ее почему то удерживало от этого присутствіе посторонних. Теперь, когда ѣхала к Кириллу одна, ей захотѣлось отвезти и ему что-нибудь.

Она остановила извозчика, вошла в цвѣточный магазин и купила большой букет ландышей, который бережно спрятала под шубу, чтобы он не замерз.

Бѣг вороной кабылы становился все болѣе закостенѣлым. Успокоительныя приговариванія извозчика все болѣе убѣдительными.

— Скоро, скоро доѣдем, барыня милая. Как не доѣхать, доѣдем. Вѣрно, вѣрно ѣдем... Как не вѣрно... Одна дорога то. Сколько раз туды возил, — утверждал он, работая плечами, возжами и кнутом.

Холод до боли леденил лицо Ирины. Она укутала его своим густым траурным вуалем. Закрыла глаза.

„Я к тебѣ ѣду, Кирилл... Ты видишь это? Ты со мною?“ Мысленно говорила она с мужем, как дѣлала часто погружаясь в мысли о нем. „Я ѣду к тебѣ сегодня одна. Ты можешь явиться мнѣ... Я так давно этого хочу... Кирилл, если тебѣ это не слишком трудно, явись мнѣ... Только один раз... Сегодня в часовнѣ... Явись и скажи, как тебѣ теперь... Только это... Может быть я как-нибудь могу помочь тебѣ?... К тебѣ придти?... И как... Не говори... Явись только... Я по взгляду увижу... пойму... Ты слышишь меня?“...

Ирину так поглотили ея думы, что она сильно испугалась, когда извозчик прервал их коснувшись рукою ея плеча.

— Пріѣхали, пріѣхали, барына милая. Ай, уснули? Я гляжу уснули. Думаю, уснула и есть, — одним духом проговорил он, снимая рукавицу и что то отыскивая за пазухой.

Ирина вышла из саней, осмотрѣлась. Сердце ея испуганно забилось. Она стояла на никогда не виданном пустырѣ у высокой изгороди из снѣжной насыпи, из которой торчал длинный ряд острых заржавленных гвоздей.

— Извозчик, это не то кладбище, — обратилась она к своему возницѣ.

— Как не то, барыня милая? Как не то? То оно и есть, — обдавая Ирину запахом виннаго перегара затараторил извозчик. Сколько раз сюды возил. К калиткѣ этой. За калиткой то сторожка. Монашка там в сторожкѣ то. Вон потяните за звонок то и выйдет монашка то. Как не то кладбище? Оно самое и есть...

„Это вѣроятно задній вход“, думала Ирина расплачиваясь с болтливым извозчиком.

Она не ошиблась. Открывшая ей калитку монахиня указала ей путь к часовнѣ.

— Жаль, что извозчик ваш уѣхал, барыня, а то объѣхали бы ограду, да прямо к церкви и подъѣхали, — сказала та с ласковой улыбкой.

— Ничего. Я как нибудь дойду, — отвѣтила Ирина, растерянно глядя на потонувшее под снѣгом кладбище, и стала подниматься по указанной ей монахиней дорогѣ.

— Все прямо, барыня, идите. Дорожка то не очень занесена. Пройдете. Все прямо, а у чернаго креста налѣво свернете. А потом два раза направо, — крикнула ей вслѣд обезпокоенная ея безпомощным видом монахиня.

Истощенныя силы Ирины не позволяли ей быстро двигаться. Она медленно шла среди заваленных снѣгом кустов. Над кладбищем нависла бѣлая тишина, какая то особенно жуткая, особенно мертвая.

Безконечным показался Иринѣ путь до чернаго креста. Она с трудом дошла до него. Остановилась около него тяжело дыша, не могла вспомнить куда свернуть. Послѣ долгих колебаній свернула вправо, сбилась с пути. Долго бродила по рыхлому снѣгу дорожек, среди высоких, бѣлых от инея, деревьев. Ей стало жарко несмотря на мороз. Влажный от ея дыханія и подмерзшій на морозѣ крэп, которым все еще было завернуто лицо, душил ее. Она с трудом отвернула его, глубоко вдохнула морозный воздух.

Вдали за купами деревьев виднѣлись золотые купола. Иринѣ показалось, что церковь совсѣм близко и она рѣшила идти к ней не по дорожкѣ, а прямой линіей, сокращая путь. Однако, она ошиблась в разсчетѣ и, все больше теряя силы, долго плутала в глубоком снѣгу среди занесенных снѣжными сугробами могил и крестов. Снѣг набился в ея высокія фетровыя галоши, колѣни ея подкашивались, лѣвая рука судорожно держала ладныши под безпрестанно распахивающейся шубой.

Наконец, она еле держась на ногах добралась до часовни, отперла дверь своим ключом, вошла в нее и упала на могилу мужа, вся приникла к ней.

„Кирилл, Кирилл“, как безумная шептала она. „Кирилл, ты слышишь меня?. . . Явись мнѣ... Возьми меня с собою. Я никогда не забуду, что не сумѣла спасти тебя, не сумѣла сдѣлать тебя счастливым, сберечь твою жизнь. . . Пожалей меня. . . Возьми к себѣ, Кирилл. . . Кирилл. . . Кирилл“. . .

Ирина затихла, вся внутренне насторожилась, стараясь ощутить какое нибудь вѣяніе, предупреждающее о, быть может, еще невидимом присутствіи Кирилла около нея. Ей показалось, что она чувствует его близость, как острый холодок в сердцѣ, во всем тѣлѣ. Она подняла голову медленно, осторожно, точно боясь кого то спугнуть. Но часовня была пуста.

Печально теплились вѣчныя лампады над мраморными плитами, под которыми покоились старик Волгин и его сыновья. Только одна из них, над могилой Тимофея Саввича, горѣла неспокойно, огонек ея мятежно бился, фитиль трещал.

„Как тогда", вспомнила Ирина.

В памяти ея ярко возник тот день, когда она в первый раз пріѣхала в эту часовню с Кириллом, словно это было совсѣм недавно. . . Они были женихом и невѣстой. . . Пріѣхали сюда послѣ первой ссоры, примиренные, счастливые, безпечные как дѣти. Встрѣтившая их старуха монахиня, привела их к могилѣ отца, заставляла класть земные поклоны повторяя: „прости и благослови". Это смѣшило их. Они стояли рядом на конѣнях еле сдерживая смѣх. . . Кирилл стоял вон там, у лѣваго угла плиты, как раз на черной звѣздѣ мозаичнаго пола. . .

Ирина протянула руку, пальцы ея коснулись блестящаго, точно из оникса выложеннаго рисунка. Вдруг она перегнулась к нему, уронила на него лицо. Лоб ея ударился об угол мраморной плиты. Она вскрикнула от боли, теплая струя залила ея лицо. Она потеряла сознаніе.

Нѣсколько минут спустя в часовню стремительно вошли Бочаровы и Рдищев. За ними тяжело переваливаясь бѣжала толстая монахиня с ключами.

— Ну вот... Так и есть... Боже мой, да она вся в крови! — Воскликнула Елена Сергѣевна бросаясь к подругѣ.

Мужчины бережно подняли Ирину и понесли ее в монастырь.

Старуха монахиня, что то приговаривая и гремя ключами, заперла опустѣвшую часовню, посреди которой замерзал измятый и запачканный букет зимних ландышей, выпавшій из рук Ирины и забытый ею.

XXIV.

Вернувшись в Петербург, Ирина окончательно уединилась в своей кельѣ. Стала жить затворницей, выходила из дома только гулять с Татой или Талочкой.

Небольшая ранка на ея вискѣ быстро затянулась, но общее ея состояніе было очень плохо. Пріѣхавшіе из Москвы Рдищевы были испуганы ея слабостью, ея безучастіем ко всему.

Вызванный доктор стал дѣлать ей вспрыскиванія мышьяком, прописал ей усиленное питаніе. Нина Петровна и Талочка мучали ее заставляя ѣсть. Однако ничто не помогало. Она таяла на их глазах.

Однообразно тянулись и сцеплялись в недѣли и мѣсяцы ея печальные дни. Погруженная в свои горестныя мысли, она часами сидѣла у окна опустив исхудавшія, прежде такія дѣятельныя, руки на колѣни и страдала, когда кто нибудь переступал порог ея комнаты. Особенно мучительны были для нея безконечные разсказы Нины Петровны о процессѣ с Мордатовыми, но она не находила в себѣ сил даже для того, чтобы попросить ее замолчать.

Елена Сергѣевна часто писала ей длинныя письма из Москвы, но в каждом из них чутко просила ее, не утруждать себя писаніем отвѣтных писем. Ирина с нѣмой благодарностью пользовалась этим разрѣшеніем. Однако, в началѣ Апрѣля, она превозмогла себя и сѣла за письменный стол, чтобы поздравить Елену Сергѣевну с днем ея рожденія.

„Родная моя, шлю тебѣ наилучшія пожеланія к счастливому дню, подарившему мнѣ тебя, моего лучшаго, моего единственнаго друга," писала она с трудом собирая мысли, с трудом удерживая перо в слабых пальцах. „Я долго молчала. Прости. Я так цѣню твою заботу обо мнѣ, твое стремленіе вернуть мнѣ вкус к жизни. Ты пишешь мнѣ в своем послѣднем письмѣ: „за всѣ твои мытарства судьба должна тебя сразу вознаградить огромным счастьем. Время залѣчивает всѣ раны. Ты примиришься с утратой Кирилла. Забудешь Клода. Начнешь совсѣм, совсѣм новую жизнь." Нѣт, моя любимая, все кончено для меня. Жизнь моя разрушена не потому, что ушел Кирилл, что Клод разлюбил меня, а потому, что душа моя опустошена. Все внѣшнее, мирское, проходит мимо нея не возбуждая в ней ни радости, ни горя. Я заперта в себѣ. Что то цѣнное гибнет во мнѣ. Я боюсь людей. Нахожу что то похожее на утѣшеніе только в молчаніи и одиночествѣ. Мнѣ кажется, что с тѣх пор, как я не совершаю никаких поступков, ни к чему не стремлюсь, ничего не желаю, — я глубже понимаю жизнь. Во мнѣ разрушился, создавшійся во мнѣ с дѣтства, затуманенный иллюзіями образ міра, в котором жизнь каждаго человѣка казалась мнѣ полной разумных и логичных устремленій к какой нибудь высокой цѣли, миг достиженія которой рисовался моему воображенію как высшая награда за душевный труд. Стремясь к единству в моей жизни, желая сдѣлать ее цѣнной и цѣльной, я выбивалась из сил, чтобы внести

в нее порядок, направить ее... Это было трудно, но при этом у меня была почва под ногами. Я чувствовала себя неразрывно связанной с этим міром. Но вдруг мнѣ открылось, что в дѣйствительности жизнь всѣх людей дробится на множество еле связанных между собою періодов испытаній, тайный смысл которых для нас непостижим и что стремясь к какой нибудь цѣли, мы сами того не замѣчая, подходим к другой, или, потеряв нить своего существованія, становимся маріонетками судьбы. Я боюсь этого новаго, тайнаго міра. Он мнѣ враждебен и чужд. А тот мір, в котором я жила до сих пор, с которым была связана моя душа, распался и сгинул. Он разбился как зеркало, в котором я видѣла себя. Он разбился и я исчезла из него... Я гдѣ то внѣ міра. Не знаю, поймешь ли ты меня. Не легко проникнуть в чужую душу, но ты, моя чуткая, чудная, способная уловить все, что происходит в духовном мірѣ тѣх, кого ты любишь.

Обнимаю тебя. Твоя Ирина".

Елена Сергѣевна немедленно отвѣтила.

„Дорогая Иринушка," писала она. „Как же не понять мнѣ твое безграничное отчаяніе, твое отчужденіе от жизни, великую горечь вызванную в тебѣ сознаніем ненужности всѣх принесенных тобою жертв, затраченных чувств, душевнаго труда. Однако, повѣрь мнѣ, ничто из пережитаго тобою не было ни случайным, ни напрасным. Все это было суждено тебѣ, было необходимо для роста твоей души. Повѣрь мнѣ, любимая моя, ты страдала не даром. Только страданіе твое принесло не тот плод, который ты ожидала от него, а другой, нужный тебѣ одной. Своим страданіем ты закаляла свою душу, шла „своим" путем. Я знаю, ты не думала при этом о себѣ, ничего не желала для себя, кромѣ счастья видѣть Кирилла здоровым, и

счастливым. Только это было цѣлью твоей жизни, но стремясь к этой цѣли, ты в дѣйствительности шла к другой, к той, которой безсознательно идем мы всѣ терновым путем, к усоршенствованію своей души, к послѣдней встрѣчѣ со своим выросшим и закаленным в страданіях „Я“. „Тѣсны врата“ и „узок путь“ ведущій к этой цѣли, но впадать в уныніе, величайшій грѣх. Вѣдь не безпрерывны же эти испытанія. В жизни каждаго человѣка бывают безоблачно счастливые мѣсяцы, годы. Ты не знала их. Вот поэтому то я убѣждена... Слышишь, совершенно убѣждена, что они будут и у тебя. Повторяю, судьба сразу вознаградит тебя за всѣ твои мытарства, послав тебѣ огромное счастье. Ах, Иринушка, как я порадуюсь тогда за тебя. У нас все благополучно. Мика процвѣтает. Любочка довольна и весела. Она тебя крѣпко цѣлует. Мы всѣ с тобою всѣм сердцем, всѣми, всѣми мыслями. Твоя Леля.“

Прочитав это письмо, Ирина разсѣянно положила его к другим в голубую атласную коробку.

Лѣчившій ее доктор становился все озабоченнѣе.

— Легкія у Ирины Михайловны не в порядкѣ, — сказал он как-то Михаилу Анатольевичу выслушав ее. — Надо бы ей воздух перемѣнить. Уѣхать куда нибудь, гдѣ потеплѣе.

Рдищевы испугались, всполошились, стали уговаривать дочь уѣхать в Ниццу и поселиться там на виллѣ, завѣщанной ей тетей Анной.

— Татѣ надо на солнышко, — дипломатично говорила Иринѣ Нина Петровна. — Здѣсь ей негдѣ погулять, а там чудный сад, в котором уже навѣрно цвѣтут магноліи и фіалки. Конечно, было бы еще лучше, если бы мы могли уѣхать туда всей семьей, но это невозможно. Талочка должна сдавать выпускной экзамен. Боба нельзя взять

раньше лѣтняго отпуска из лицея, а меня задерживает здѣсь твой процесс. Мы сможем прiѣхать к тебѣ на Ривьеру только в Iюнѣ. Но папа поѣдет с тобою, устроит тебя там.

— Очень прошу тебя, Ирина, поѣдем. Уж ради Таты, — почти умоляюще проговорил Михаил Анатольевич, боявшiйся, что дочь не захочет уѣхать так далеко от могилы мужа.

— Похлопочи о билетах, папа, телеграфируй в Ниццу, — покорно отвѣтила Ирина обнимая отца. — Давно надо было туда Тату отвезти.

Наступил день отъѣзда. Привыкшая к путешествiям, Ирина на этот раз с тяжемым чувством разсталась с родиной. Ей почему то казалось, что она уѣзжает в ссылку, навсегда разстается с Россiей, со всѣм своим прошлым. Будущее туманно рисовалось ей в самых мрачных красках, одиночество... болѣзнь... может быть смерть.

Вся семья поѣхала ее провожать на вокзал. На перронѣ произошла неожиданная встрѣча с князем Тверским и его дочерьми. Оказалось, что они ѣдут заграницу, но в Швейцарiю.

Михаил Анатольевич очень обрадовался этому совпаденiю, надѣясь, что их общество развлечет его дочь. Однако, он ошибся. Как только двинулся поѣзд и платформа поплыла вспять, все дальше и дальше унося махающих платками Нину Петровну, Талочку и Боба, Ирина, сославшись на головную боль, заперлась в своем отдѣленiи.

Из вагоннаго коридора доносился до нея смѣх Таты, играющей с Анной и Марiей в какую то шумную игру. Из сосѣдняго купэ, оживленные голоса отца и Тверского. Что- то похожее на зависть шевельнулось в ея сердцѣ. „Ах, хоть бы на день один все забыть, перестать быть собою“.

Вечером, когда она с помощью Аннунціаты уложила Тату спать, Михаил Анатольевич уговорил ее пойти обѣдать в ресторан, гдѣ ждали ее Тверскіе. Не желая огорчить отказом отца, Ирина исполнила его желаніе.

Ее усадили на самое удобное мѣсто, к стѣнѣ у чернаго окна, за которым разсыпаясь метались вылетавшіе из паровоза снопы огненных искр.

— Игина Михайловна, дуся, как вы измѣнились! — Воскликнула Анна. — У вас какая то восковая кгасота. Во всем вашем обликѣ воздушность летейской тѣни.

— Ты разсматриваешь Ирину Михайловну и говоришь о ней, как о картинѣ. Это невѣжливо. Боже мой, как ты невоспитана! — С поддѣльным ужасом воскликнул Тверской. — Ах, нѣкому вас к рукам прибрать. Вот засажу вас в какой нибудь швейцарскій пансіон.

— Ты к нам ужасно несправедлив, папа, — красивым грудным голосом возразила Марія. — Мы очень вѣжливы и послушны, когда с нами умѣют обращаться. Вот, например, Ирина Михайловна могла бы из нас веревочки вить. Мы с нею шелковыя.

В этом духѣ продолжался весь обѣденный разговор. Сначала Ирина была разсѣянна и скучала, но вдруг она насторожилась. Ея болѣзненно развитое внутреннее чутье подсказало ей, что у Тверского и его дочерей какой то заговор против нея и что в этом заговорѣ может быть участвует и Нина Петровна.

„Я теперь свободна. Тверскому это дает надежду. Мамина видит в нем „партію“ для меня... Как им всѣм придется разочароваться“.

Допив черный кофе из тяжелой сѣро-голубой чашки с иниціалами, она сдержанно простилась и ушла по шатким коридорам в свое купэ,

из котораго не выходила почти до самаго Берлина, гдѣ на вокзалѣ Фридрихштрассе распрощались с нею, ѣхавшіе дальше Тверскіе.

Несмотря на то, что Тата отлично переносила путешествіе, Ирина рѣшила остановиться на одну ночь в Берлинѣ и на нѣсколько дней в Парижѣ, чтобы дать дѣвочкѣ отдохнуть от вагонной тряски.

В „городѣ свѣта" было пасмурно. С утра до ночи лил дождь.

Ирина два дня безвыходно просидѣла с дочерью и Аннунціатой в темном номерѣ случайнаго отеля, из закрапленных окон котораго был виден лишь какой то высокій, весь унизанный свѣтовыми рекламами, дом. По вечерам вся верхняя часть его переливалась и горѣла подвижными нитями многоцвѣтных огней. Это яркое зрѣлище приводило Тату в такой восторг, что ее трудно было оторвать от него, чтобы уложить спать.

Рдищев безрадостно бродил по мокрым бульварам, заходил в рестораны и кафэ, но в этот пріѣзд никак не мог попасть в то особенное настроеніе, которое в прежніе годы вызывал в нем любимый город.

— Я понимаю тебя, папа, — отвѣтила ему Ирина, когда он за завтраком пожаловался ей на это. — Но у меня самой никогда не было „парижскаго настроенія". Для меня Париж был каждый раз другим,— задумчиво добавила она, вспоминая Париж своего свадебнаго путешествія, Париж знакомства с Провзоровским и вот этот новый, мертвый и скучный Париж.

— Знаешь, дѣточка, Тата отдохнула, здорова, зачѣм нам ждать до завтра? Двинемся сегодня дальше, — предложил ей отец.

— Как хочешь.

Поѣзд на Ривьеру уходил в восемь часов вечера. Несмотря на этот раннiй час, Ирина, одновременно с Татой и Аннунцiатой, улеглась спать в своем большом, уже превращенном в спальню, купэ.

„Что за комиссiя, Создатель, быть взрослой дочери отцом“, тоскливо думал Рдищев направляясь, чтобы убить скуку, в вагон-ресторан. Но там ему посчастливилось встрѣтить знакомаго, с которым он засѣл за шахматы.

Быстро уснувшая Ирина проснулась нѣсколько часов спустя на какой то долгой остановкѣ.

„Должно быть Лiон“, промелькнуло у нея в головѣ, но ей было лѣнь привстать и взглянуть в окно. Однако, когда поѣзд снова двинулся в путь, ей почему то захотѣлось убѣдиться в том, что это был дѣйствительно Лiон. Она подняла затканную буквами П. Л. М. твердую занавѣску; ярко освѣщенный, почти пустой вокзал. Стеклянныя двери, огромные часы, газетный кiоск побѣжали перед ея глазами и вдруг. . . очень высокiй господин в дорожном пальто... Горячiй безумный толчок прямо в сердце. . . . . вот совсѣм близко. . . де Валер. . .

Де Валер, как видѣнiе, промелькнул мимо нея. Она вся подалась вперед, приникла к стеклу, хотѣла спустить окно, но за ним уже мелькали слабо освѣщенные дома предмѣстья.

Ирина вся дрожала от потрясенiя. Она напрягала всѣ свои силы, чтобы ясно осознать происшедшее, но была неспособна связать свое видѣнiе с реальной жизнью, осознать, что видѣла Клода. . . Клода из плоти и крови. . .

Он был так неразрывно связан с ея внезапно разрушившимся прошлым, что она с трудом воображала его внѣ этого прошлаго и мысль, что он не мечта, не далекое воспоминанiе, а живой че-

ловѣк, вызывало в ней не меньшее недоумѣніе, как сознаніе, что дѣйствительно умер Кирилл, котораго она не видѣла мертвым.

„Я, кажется, с ума схожу... Все путается в моей головѣ“, с ужасом говорила она себѣ. „Вѣдь я дѣйствительно сомнѣваюсь в том, что я видѣла Клода, хоть и знаю, что это был он. Он что то искал в бумажникѣ у самаго фонаря... У ног его стоял чемодан, а за ним стоял маленькій толстый человѣк... Ах, его камердинер, который открывал мнѣ тогда дверь в Москвѣ. Клод куда то ѣдет... без жены“...

Зарубцевавшаяся рана в сердцѣ Ирины снова раскрылась, причиняя ей свирѣпую боль.

„Клод... я видѣла Клода... Мы были близко друг от друга и ничто не измѣнилось... Не случилось чуда... Поѣзд промелькнул мимо. Ах, зачѣм я проснулась, взглянула в окно... Какая мука“...

Ирина уж не заснула больше. Воспоминанія, сожалѣнія, неисполнимыя желанія набросились на нее, пытали ее до утра.

В восемь часов проснулась Тата. Ирина стала ее одѣвать.

Аннунціата подняла занавѣски. Яркое солнце ворвалось в купэ. Быстрые лучи его заиграли металлическим блеском на золотистых локонах Таты, вонзились павлиньим глазком в граненый край туалетнаго зеркала, поймавшаго их и отбрасывающаго их свѣтовыми зайчиками на стѣны и потолок.

За опаловыми клубами дыма и пара, летящаго мимо окон, мелькала весенняя панорама южной природы: фруктовые сады, покрытые бѣло-розовым инеем лепестков, пепельно-сѣрыя оливковыя рощи, свѣтлыя виллы с закрытыми зелеными ставнями, с агавами, растущими в каменных вазах на балконах или у ворот.

Как то по южному жизнерадостно свистящій паровоз стремительно мчался через усыпанные первыми цвѣтами поля и лѣса, брал туннели, как препятствія, и снова вылетал на ослѣпительный солнечный свѣт.

— Вы встаете? Скорѣе идите ко мнѣ кофе пить, — донесся из коридора голос Михаила Анатольевича.

Ирина открыла ему дверь.

— Что с тобою, дѣвочка, ты больна? -- Испуганно спросил он дочь.

— Плохо спала. Знаешь, в вагонѣ. . .

XXV.

Находящаяся на самой высокой и живописной части Мон-Борона, вилла Ирины Бельвю оказалась просторной и красивой. Она получила свое названіе за великолѣпный вид на сливающееся с горизонтом безкрайное море, на голубыя холмистыя дали и на совсѣм близкій темный хвойный лѣс. Окружающій ее, полный почти тропической растительностью обширный сад, был распланирован с большим искусством, проявляющим не только знаніе всѣх жизненных потребностей растеній и цвѣтов, но и любовь к ним. Старик садовник Жозеф, уже четверть вѣка обслуживающій его, с большой гордостью водил своих новых господ по его усыпанным гравіем дорожкам и объяснял им всѣ его особенности, обращал их вниманіе на рѣдкостные экземпляры его флоры.

— Покойный барон, супруг вашей тетушки, мадам, был большим любителем цвѣтов, — разсказывал он Иринѣ. — Барон много путешествовал и возвращаясь сюда всегда привозил с собою какую нибудь новинку для своего сада. Вот здѣсь, например, на этом склонѣ, под тѣнью гранатовых

кустов цвѣтут казбекскія фіалки особенно темнаго оттѣнка, особенно душистыя. А на этом холмѣ ежегодно расцвѣтает пахучій сирійскій нард... Родина голубых пассифлор, обвивающих бесѣдку, находится на берегах Аральскаго моря. А эта акація была привезена из Японіи совсѣм юным деревцом. Я выходил ее, как малаго ребенка, — с нѣжностью в старческом голосѣ сказал Жозеф, любовно проводя рукою по прохладному и гладкому стволу своего питомца.

— Бѣдная покойная сестра, monsieur, особенно любила вот этот боскет розовых камелій, гдѣ она часто сиживала с бароном, — продолжал он обращаясь к Рдишеву и направляясь дальше. — Когда она пріѣзжала сюда в прошлом году тяжело больной, здѣсь стояло ея кресло. По утрам она медленно обходила сад, здороваясь с любимцами своего супруга. Она никогда не могла забыть его, бѣдная мученица... Это была святая.

„Я в тетю Анну... И я не забуду никогда", подумала Ирина.

— Удивителное благородство вырабатывается в простолюдинах, живущих в постоянном общеніи с природой. Лучшій примѣр этому, этот садовник Жозеф. У него манеры, как у герцога, — сказал Михаил Анатольевич садясь с дочерью за чайный стол, накрытый под душистой сѣнью огромных мимоз, пышныя блѣдно-желтыя вѣтви которых низко свисая сплетались в чуть колышащійся золотистый шатер.

— Да, — разсѣянно согласилась Ирина.

— Удивительно содержит старик этот сад. В нем есть прямо райскіе уголки. Ты, навѣрно, очень радуешься ему? Вѣдь ты так любишь природу.

— Не знаю, как тебѣ сказать... Она здѣсь как то слишком сильно дѣйствует на меня, без-

покоит мое сознаніе, будит в нем настоятельную потребность освободиться от вызваннаго ею во мнѣ волненія путем передачи его дальше. Не знаю как... Может быть путем художественнаго творчества. Но у меня вѣдь нѣт никаких талантов...

— Ты слишком много думаешь, дѣвочка,— перебил Ирину отец. — Знаешь что, не поѣхать ли нам немного развлечься в Монтэ-Карло?

— Мнѣ не хочется, папа. Поѣзжай один.

— Вот уж больше недѣли, как мы здѣсь, а ты еще ни разу не рѣшилась выйти даже за калитку сада, — мягко упрекнул Михаил Анатольевич дочь.

— Я устала.

— Ну, отдохни еще нѣсколько дней: Скоро карнавал. Я давно не видѣл его и радуюсь ему. Но о ному вѣдь скучно смотрѣть. Надѣюсь, что ты к этому времени окрѣпнешь и составишь мнѣ компанію.

Однако, это желаніе Рдищева не осуществилось. Наоборот, Ирина с каждым днем становилась молчаливѣе и подавленнѣе.

Как раз в день карнавала у нея так разболѣлся зуб, что она должна была поѣхать в город к дантисту.

Вернувшись от него измученной и усталой, она надѣла кимоно и сѣла писать Еленѣ Сергѣевнѣ.

„Мон-Боро. Вилла Бельвю.

Прости, любимая моя, что так долго не могла собраться тебѣ написать. Не было на это сил...

Да и теперь их не много,“ вяло писала ея узкая исхудавшая рука. Сейчас вернулась из Ниццы. Там празднуют въѣзд принца Карнавала. Духота, пыль, ослѣпительное солнце, оглушительный шум. Я попала на avenue de la gare, как раз, когда проѣзжали шары и уж не могла выбраться из поющей и смѣющейся толпы. Повсюду маски,

костюмы, конфетти, повсюду звучит карнавальная пѣсенка этого сезона. Есть что то жуткое в людях, скрытых масками, если смотрѣть на них без веселья. Есть что то жуткое в чучелах, водруженных на шарах и в живых человѣчках, которые пляшут вокруг них, как маріонетки.. Я рада была, когда мнѣ удалось вырваться из толчеи и свернуть в какую то боковую улочку. Но я попала из огня да в полымя! Там окружили меня какіе то Пьеро и Пьеретки и взявшись за руки закружились вокруг меня хороводом. „Мы не выпустим вас, мадам, пока вы не пропоете нам первую строфу карнавальной песенки“, крикнул кто то из них. Мнѣ было ужасно не по себѣ. Сознаюсь тебѣ, я чуть не плакала. Но тут появился мой незнакомый защитник, какой то верзила, наряженный в костюм англичанина: клѣтчатые штаны, пробковый шлем. „Алло! Эй вы там, остановитесь! Как вам не стыдно? Развѣ вы не видите, что дама в траурѣ?“ Набросился он на моих мучителей. Их руки мгновенно разнялись и смущенно извиняясь они выпустили меня на волю. Напрягая всю мою энергію, я протолкалась до битком набитаго трамвая, с которым вернулась в Мон-Борон. Ах, с каким облегченіем я вздохнула, очутившись дома. Здѣсь прохлада и тишина. Из сада доносится Татин голос. Она сильно загорѣла, весь день проводит в саду или в лѣсу. Вчера гуляя с нею на полянкѣ усѣянной маргаритками, я сѣла на траву, а она с упоеніем рвала цвѣты, то есть одни головки цвѣтов, приносила их мнѣ и клала их на мои колѣни. Я хотѣла научить ее рвать их за стебельки, но это рассердило ее и я не стала настаивать. Она странный маленькій человѣчек. Ей совершенно безразлично, кто с нею спит, гуляет, играет. Мнѣ кажется, что она относится ко мнѣ совершенно также, как к нашему садовнику Жозефу. Она не выносит нѣжности. С раздраже-

ніем отталкивает меня, когда я хочу поцѣловать ее или взять ее на руки. У нея дикіе инстинкты, она не может видѣть обнаженных рук не царапая их. Аннунціата стала носить длинные рукава, чтобы не возбуждать в ней этих припадков жестокости. Трудно быть матерью. Я совсѣм иначе представляла себѣ материнство, когда мечтала о ребенкѣ. Я всегда воображала его себѣ нѣжным, любящим, привязанным ко мнѣ. Я представляла себѣ, как буду ласкать его, забавлять и радовать. С Татой все это невозможно: играть с нею трудно, она все говорит „нѣт", все вырывает из рук, на все сердится. Я и представить себѣ не могу, чѣм могла бы обрадовать ее. К сожалѣнію, я постоянно должна возбуждать ея неудовольствіе мѣшая ей бросать на пол стаканы и тарелки, бѣгать по лужам, разливать чернила и так далѣе. Мнѣ часто вспоминается сельскій доктор, бывавшій в Отрадном и жаловавшійся маминѣ на свои отцовскія разочарованія приблизительно в слѣдующих словах: „Посовѣтуйте, ваше Превосходительство, что мнѣ с Петькой моим дѣлать? Мы с женою в нем души не чаем. Один он у нас. Не знаем, как ему угодить. Жена моя ему и карамелек и орѣшков в карманы насует, а он на них и не смотрит, — известку лопает! Она ему и карандаши и книжки покупает, а ему бы только птиц ловить, червяков выкапывать, да рѣзать, чтобы наблюдать за тѣм, как их части расползаются. Она ему и курточку и туфельки, а он только смотрит, как бы надѣть что погрязнѣе, да в лѣс"... Тогда меня глупую смѣшили эти разсказы доктора, теперь я понимаю его трагедію и трагедію Петьки, организм котораго требовал известки, тѣло—нестѣсненных одеждой движеній, а ум —наблюденій, и котораго за все это отец считал негодным мальчишкой. Невообразимо прискорбно это непониманіе друг друга у близких, любящих друг друга людей.

Как избѣжать его? Я накупила много книг о дѣтском воспитаніи, изучаю их. Однако, я не вѣрю в то, что воспитаніем можно измѣнить натуру ребенка, который, по моему глубокому убѣжденію, родится уже с готовым и неизмѣнным характером в мір, но думаю, что можно смягчить его недостатки, направить его способности, развить его ум, пробудить в нем эстетическій вкус и умиротворяюще вліять на него. Главная задача воспитанія заключается в том, чтобы создать вокруг ребенка духовную атмосферу, в которой с годами, как в формѣ, выльется его личность, его душевный облик. Однако, это трудно привести в исполненіе. Помнишь слова Христа? „Кто из вас заботясь может прибавить себѣ росту хоть на один локоть?" Никто! Ни себѣ, ни своему ребенку. Боюсь, что трудно мнѣ будет с Татой. Если бы она была такою, как Талочка и Боб, или как твой Мика, счастье материнства вознаградило бы меня за всѣ горести и неудачи моей личной жизни. Видно и это мнѣ не суждено. Вѣрно и тут мнѣ суждено пройти через „Тѣсныя врата".

11 часов вечера.

Должна была прервать это письмо. Папа, смотрѣвшій карнавал с какими то знакомыми, вернулся домой и мы сѣли обѣдать. Вечером я проводила его на нашем новом автомобилѣ в Монтэ и тот час же вернулась домой. Стояла прозрачно-синяя ночь. Мнѣ не хотѣлось спать, я долго бродила в темном саду, потом поднялась на небольшой холм под открытым небом и, внезапно, как то необъяснимо явственно ощутила, что стою на изогнутой поверхности земли, что надо мною вращаются безчисленные міры. Это было каким то странным, еще никогда не испытанным мною чувством. Мнѣ кажется, что его можно назвать планетарным. Оно длилось только нѣсколько секунд, но было глубоко отрадно. Перед тѣм, как

закончить это письмо, мнѣ захотѣлось подѣлиться с тобою, моя дорогая. Теперь ты знаешь всѣ мои новости. С нетерпѣніем жду твоего отвѣта.

Всѣм сердцем твоя Ирина".

XXIII.

Одиноко и печально тянулись дни Ирины в тихой виллѣ Бельвю. Она нигдѣ не бывала, не принимала никого.

Рдищев сокрушался глядя на нее и с нетерпѣніем ожидал пріѣзда жены и дѣтей, надѣясь, что они внесут оживленіе и радость в ея отшельническую жизнь.

Наконец, пришла телеграмма из Парижа. „Будем завтра 10,30. Мамина, Талочка и Боб".

Несмотря на то, что все давно было готово к их пріѣзду, Ирина и Михаил Анатольевич еще раз обошли предназначенныя им комнаты, в которых были разложены всевозможные подарки, осмотрѣли приведенный в порядок теннис, крокетную площадку, двухмѣстный шарабан, купленный для дѣтей и накормили сахаром выѣзженную под него спокойную рыженькую лошадку, с подстриженной бѣлокурой гривой и таким же хвостом.

На другое утро Рдищев один отправился встрѣчать свою семью на вокзал. Ирина плохо чувствовала себя и он уговорил ее ждать дома мамину и дѣтей, чтобы встрѣча с ними вышла болѣе спокойной.

Ирина уступила его настояніям, однако, встрѣча эта оказалась скорѣе бурной, чѣм спокойной. Талочка и Боб положительно неистовствовали обнимая старшую сестру.

— Я кончила с золотою медалью. . .
— Я чуть не провалился по математикѣ. . .
— У мена открылся голос.
— Мы хотѣли привезти тебѣ собачку. . .
— Мы навсегда разстались с Фебой. Она получила наслѣдство. . .
— И уѣхала в Лондон к родным.
Забросали они ее новостями уже у ворот.

— Это не прiѣзд. Это вторженiе самой радости в наш дом, — смѣясь воскликнул Михаил Анатольевич садясь завтракать с семьей. — Мнѣ кажется, что вся вилла полна безчисленными Талочками и Бобами. Куда ни взгляни, они тут как тут. Счастливые годы, когда можно так радоваться.
— Ах, закружили они совсѣм! — Простонала Нина Петровна поднимая руки к вискам. — Цѣлый день хохочут и скачут.
— Папа, можно нам сейчас же послѣ завтрака покататься на шарабанѣ? — Спросил Боб.
— Поѣзжай.
— Ура!
— А потом будем в крокет играть и в теннис. . . Да? — Предложила полная нетерпѣнiя поскорѣе испробовать всѣ эти радости Талочка.
Никогда еще Ирина не видѣла ее такою ослѣпительно красивой, такою сильною. Никогда еще молодая жизнь ея не проявлялась в ней такою радостно настороженной, готовой к осуществленiю всѣх своих юных идеалов.

„Сколько в ней темперамента, сколько души", думала Ирина придя вечером проститься с сестрою в ея розовую комнатку.
Талочка уже лежала в постели.
— Дуся, как хорошо, что ты пришла посидѣть со мною! Воскликнула она увидѣв сестру. — Сядь сюда, поближе. . Мнѣ столько надо раз-

сказать тебѣ. Подѣлиться с тобою мыслями... Вѣдь ты мой единственный друг. Ах, знаешь, у меня голова кругом идет. Подумай, я уже взрослая, готовый человѣк, вступаю в жизнь... Боже, сколько на мнѣ обязанностей по отношенію ко всѣм близким, ко всѣм людям вообще! Но это чудесно! Вѣдь я сильная. Меня на все хватит. Я все хочу, я все могу... К тому же, у меня большія личныя средства. Это обязывает. Я рѣшила главным образом посвятить свои силы дѣтям. Конечно, я буду помогать и другим, но дѣти, — это люди будущаго, они будут строить новую лучшую жизнь. Поэтому из них нужно сдѣлать сильных, благородных людей. Но для этого, конечно, надо учиться. Здѣсь есть, я это уж узнала в Парижѣ, отличные педагогическіе курсы и практическая школа для ухода за дѣтьми. Я завтра же запишусь туда. Потом пройду курс домашняго хозяйства. Буду работать, работать, ррработать... Кромѣ того, уж это для моего удовольствія, буду учиться пѣть, а для пѣнія — итальянскому языку.

Ирина громко разсмѣялась.

— Ах, Талочка, какой ты порох! — Воскликнула она.—Как можно задаваться сразу столькими цѣлями. Дѣвочка моя, ты должна научиться прежде всего ограничивать себя, соразмѣрять свои силы. Нельзя же все сразу.

— Нѣт, непремѣнно, непремѣнно все сразу, золото. А потом, со временем, все лишнее отпадет само собой. Ах, Ириночка, ты не знаешь, как душа моя рвется к искусству, к красотѣ во всем, к благородным смѣлым поступкам, к сильным людям. Ах, как прекрасен свѣт!

Ирина с глубоким пониманіем и любовью слушала сестру и отвѣчала ей осторожно, боясь разочаровать ее, охладить ея юный пыл.

Уже свѣтало, когда она вышла из ея комнаты.

,,Господи, избави мою Талочку от слишком тяжелых испытаній. Сдѣлай так, чтобы осталась она навсегда сильной и радостной, несмотря на то, что у нея сердце созданное для состраданія и любви".

Талочка на другой же день начала осуществлять свою сложную программу и вскорѣ всѣ ея многочисленныя занятія совершенно поглотили ее. Она исписывала тетрадь за тетрадью на педагогических курсах, нянчилась с грудными дѣтьми, стряпала, пѣла упражненія с бывшей оперной знаменитостью, синьорой Таццини, и не разставалась с итальянскою грамматикой, которую изучала сидя в шарабанѣ, автомобилѣ и трамваѣ. По праздникам она увлекалась крокетом и теннисом, но огорчалась тѣм, что у нея нѣт хорошаго партнера. Ей долго пришлось на это жаловаться.

Как то вечером, когда она и Боб носились за мячами, у калитки раздался звонок. Это было рѣдкостью в виллѣ Бельвю. Бросив ракетки они побѣжали взглянуть на нежданных посѣтителей. Это были Тверскіе.

— Надоѣла Швейцагія. Там только гогы и коговы. — Объяснила Анна здороваясь с Талочкой.

— Мы упросили папа пріѣхать сюда, поближе к вам, — добавила Марія.

— Какія вы умницы. Ах, вы лучше и придумать не могли! — Искренно воскликнула Талочка. — Наш теннис уже давно вас ждет. . . Князь, папа вон там на верандѣ, — обратилась она к Тверскому. — Он вам будет так рад.

— Надѣюсь, что мы не помѣшали? Мы так нагрянули . . . Нежданный гость хуже татарина.

— Ах, что вы! Боб, проведи князя к папа.

Узнав от Нины Петровны о прiѣздѣ Тверских, Ирина, под предлогом мигрени, осталась в своей комнатѣ. Она стала дикаркой, стала бояться людей. Жизнь казалась ей выносимой только в полном спокойствiи, в полной тишинѣ. Однако, постоянно запираться было невозможно и ей пришлось примириться с постоянным присутствiем Тверских на виллѣ Бельвю.

Князь вел себя с большим тактом по отношенiю к ней и она вскорѣ перестала избѣгать его. Анна и Марiя, как и прежде, „обожали" ее и ласкались к ней, играли с Татой.

— Вот отлично бы мы жили всѣ вмѣстѣ, одной семьей. Тверскiе так подходят к нам, — часто повторяла Нина Петровна Иринѣ.

Но та пропускала подобные намеки мимо ушей, тяготилась этой идилiей и с облегченiем вздыхала, когда Рдищевы и Тверскiе уѣзжали послѣ обѣда в Монтэ-Карло, в театр, или концерт, и она оставалась дома одна.

В один из таких тихих вечеров, когда всѣ были на какой то премьерѣ в Жете-Променад, а Талочка на каком-то собранiи педагогичек, она сидѣла в соломенном креслѣ в саду и думала о де Валерѣ. С тѣх пор, как он промелькнул мимо нея в Лiонѣ, мысль о нем стала временами заглушать в ней мучительныя воспоминанiя о Кириллѣ.

В этот вечер лицо Клода с особенной ясностью возставало в ея воображенiи. Обрывки далеких радужных воспоминанiй с особенной легкостью выплывали на поверхность ея памяти. Вот гольф в Альберонэ... Она идет с Клодом по мягкой зеленой травѣ. Смуглый подросток несет за ними сѣтку с мячами, дриверсы в длинном футлярѣ и сѣрый шелковый зонт. Они останавли-

ваются. Клод подает ей палочку с петлей, берет ея руку в свои и показывает ей, как ударять ею мяч. Она размахивается и бьет по травѣ... Клод разражается громким смѣхом. Это почему то особенно пріятно вспоминать... Он смѣется, как всегда, внезапным движеніем закинув голову назад и смотрит на нее с такою нѣжностью... Потом берет ея неумѣлыя руки и цѣлует их, как руки нашалившаго ребенка...

— Ириночка! Ау! Гдѣ ты? Иди сюда скорѣе, скорѣе! — Взволнованно крикнула с балкона Талочка обрывая грезы сестры.

Та испуганно вскочила с кресла, выбѣжала на ступеньки.

— Что нибудь с Татой? — Еле дыша спросила она.

— Нѣт, но подумай, что случилось со мною! Ѣду себѣ в шарабанѣ, правит сын Жозефа, а я итальянскія слова долблю. Вдруг вижу, в канавѣ у дороги что то странное бѣлое, слабо освѣщенное фонарем. Точно ребенок... Глазам своим не вѣрю. Останавливаю шарабан, подхожу к бѣлому узелку, и подумай... спящая дѣвочка лѣт двух! Я ее подняла. Она проснулась, смотрит на меня и не плачет. Я ее спрашиваю: —как тебя зовут?— „Нини!“—Что ты тут дѣлаешь одна? — Вдруг она мнѣ по русски отвѣчает. „Убизала“. — Гдѣ же ты живешь? — Показывает рученкой то на сѣвер, то на юг, восток и запад. Больше я от нея ничего добиться не могла. Подобрала ее и привезла сюда.

— Да гдѣ же она?

— Я передала ее Аннунціатѣ, которая посадила ее на горшечек. Она попросилась.

— Надо заявить в полицію. Ее навѣрно ищут.

— Завтра, Ирина. Пусть маленькая выспится у нас. Пойдем, я покажу тебѣ ее.

Когда они вошли в ванную комнату, Аннунціата, стоя на колѣнях на полу, бережно раздѣвала крохотную худенькую дѣвочку с шапкой темных кудрей.

— Какая она хорошенькая! — Воскликнула Ирина. — Какое у нея милое смуглое личико! Какіе у нея огромные глаза! Ротик как ягодка!

— О, синьора, это один ужас, как запущен этот ребенок! — Возмущенно воскликнула итальянка. — Платьице шелковое, но все рваное. Грязное рваное бѣлье. Ни одной пуговицы, все на булавках. Не мытое тѣльце, красная воспаленная кожа мѣстами, а на шеѣ ея висит образок Мадонны осыпанный брилліантами.

— Надо выкупать ее, накормить, — рѣшительно сказала Талочка. — Cara, приготовьте ей покушать. Я сама вымою ее. Я умѣю теперь. Принесите мнѣ только дѣтскій крем и присыпку.

— Я помогу тебѣ, — предложила Ирина напуская в ванну теплую воду.

Нини не плакала и не смѣялась, но с видимым удовольствіем и любопытством наблюдала за тѣм, что дѣлала Ирина и Талочка. Даже мытье волос не причиняло ей неудовольствія и она послушно дѣлала все, что от нея требовали: откидывала головку, закрывала лицо губкой, вставала, поворачивалась.

— Это какое то чудо, а не дѣвочка! — С удивленіем проговорила Талочка. — Такого добродушія и кротости я не видѣла ни в одном ребенкѣ. Подумай только, что на ея мѣстѣ теперь выкидывала бы наша Тата!

— Да, она кроткая и не избалованная. В ней прямо чувствуется благодарность за то, что мы с

нею возимся, — отвѣтила Ирина. — Ну, довольно покупались, малюточка. Теперь ты чи-истенькая, — обратилась она к дѣвочкѣ и вынув из воды передала ее Талочкѣ, принявшей ее в теплую простыню.

Ирина принесла и надѣла на нее ночную рубашку Таты, которая была ей немного велика, но так понравилась ей, что она заговорила.

— Золи, золи, — повторяла она ударяя ручонками по животику.

— Ну, теперь пойдем кушать и спать в мою комнату, — заявила ей Талочка, закутав ее в фланелевое одѣяло и взяв ее на руки. — Ах, ты моя, любимая.

Вмѣсто отвѣта, дѣвочка высвободила ручонки из одѣяла и охватила ими Талочкину шею.

— Ах, ты моя радость, ах, ты моя прелесть! Я никому не отдам тебя больше! — Не помня себя от радости воскликнула Талочка. — Ты будешь моей дочкой. Хочешь чтобы я была твоей мамой?

— Мамой! Да! Ты! — Необыкновенно выразительно подтвердила Нини и в первый раз улыбнулась.

— Ирина, слышишь? Ну, что ты на это скажешь?

— Странная исторія. Я никогда еще не видѣла такого трогательнаго ребенка.

В Талочкиной комнатѣ на круглом столѣ был приготовлен ужин для неожиданной маленькой гостьи. Ирина стала кормить ее, а Талочка обтягивать простынями придвинутый к ея кровати диван, устраивая ей гнѣздышко-постель.

— Смотри, как она жадно кушает, как она дрожит от нетерпѣнія, когда я подношу ложку к ея губам. Бог знает сколько времени она не ѣла, бѣдняжка, — сказала Ирина сестрѣ.

— Если у нея есть мать, то это преступница какая то! — С возмущеніем воскликнула та.

Наконец, Нини была сыта. Талочка уложила ее на бѣлоснѣжное ложе и дѣвочка сейчас же уснула, уткнувшись вздернутым носиком в подушку.

Вернувшись из театра и узнав о странном происшествіи, Рдищев немедленно поѣхал в город, чтобы заявить полиціи о находкѣ дочери.

На другое утро, когда Талочка, одѣв Нини в татино голубое трико, в ея широкополую шляпу из бѣлаго полотна и такія же сандаліи, принесла ее на балкон, гдѣ уже вся семья собралась за чайным столом, дѣвочка произвела сенсацію. Всѣ удивлялись ея нѣжной красотѣ, ея граціи, ея спокойствію. Она всѣм позволяла брать себя на колѣни, всѣм отвѣчала на вопросы как могла, своими то русскими, то французскими картавыми словечками, но глаза ея были постоянно обращены к Талочкѣ или Иринѣ.

Послѣ чая Талочка уѣхала на свои курсы, а Ирина повела Нини в сад, гдѣ Тата играла с Аннунціатой под липами на своем искусственном пляжѣ, большой площадкѣ густо засыпанной песком, посреди котораго стояла дѣтская ванна с морской водой.

— Ну, вот, познакомьтесь, поиграйте вмѣстѣ, — сказала Ирина недовѣрчиво смотрѣвшим друг на друга дѣвочкам. Онѣ были приблизительно одного возраста, одинаково одѣты и почти одного роста, но, похожая на амура, полная, вся розовая, златокудрая выхоленная Тата казалась много крупнѣе хѣденькой и смуглой Нини, у которой была маленькая изящная головка и узкія точеныя ручки.

— Ну, довольно, вы насмотрѣлись друг на друга. Теперь поздоровайтесь и идите играть, — снова обратилась к ним Ирина.

Нини послушно подошла к Татѣ и осторожно погладила ее по щекѣ.

— Pas touchér, — закричала та, отталкивая ее.

— Я думаю их лучше сначала раздѣлить, — обратилась Ирина к Аннунціатѣ. — Возьмите Нини вон к той песчаной кучѣ, а я останусь с Татой у этой. .. Игрушки раздѣлим между ними.

Но с этим Тата была совершенно не согласна и подняла такой крик, что Ирина, отчасти боясь возбудить в ней непріязнь и зависть к другому ребенку, отчасти желая пристыдить ее, оставив ей всѣ ея формочки и совки, попросила Аннунціату принести из кухни деревянныя ложки для Нини и та с восторгом стала копаться в пескѣ.

Вскорѣ дѣвочки стали переглядываться, бѣгать друг к другу, обмѣниваться словами. Тата, не теряя времени, завладѣла интересной новинкой, кухонными ложками, а Нини стала играть ея формочками.

Довольная этой мирной картиной, Ирина усѣлась в тѣни и взялась за книгу.

Однако, чтеніе ея, уже через нѣсколько минут, было прервано прибѣжавшим Бобом.

— За дѣвочкой пріѣхала ея мама. Хорошенькая, как куколка: пепельные локоны, вздернутый носик, голубые глазки. Я провел ее в гостиную. Она тебя там ждет, — рапортовал он сестрѣ.

Та поспѣшно направилась в дом.

— Ах, мадам Волгина, — бросилась ей навстрѣчу, как только она переступила порог гостиной, миніатюрная и подвижная блондинка лѣт двадцати. — Как я рада с вами познакомиться! Мы с мужем давно вас и ваше семейство по русской церкви знаем. Вас нам там показали и сказали, что вы Волгины из Москвы. Я сейчас же

всѣм объяснила, какая это извѣстная фамилія... Как же мнѣ не знать? У моего папаши заводы под Москвой, да нѣсколько улиц своих домов. Может быть слыхали, Гаврила Семенович Бакланов?

— Да... Кажется...

— Ну, как же! Конечно слыхали... Ну, вот, мы с мужем все мечтали с вами познакомиться. Как подойти? А теперь вот случай помог. Прямо судьба... Позвольте познакомиться: Надежда Гаврилова Новилль. Знаете, мадам Волгина, я вам секрет открою: муж художник в таком восторгѣ от вашей красоты, что на память вас пишет. Да, и вас и вашу сестру. Уже нѣсколько полотен написал. Теперь пишет вас, но вы у него не так выходите. Он говорит, уж слишком у вас grand air и что то неуловимое, а вот мадемуазель Рдищева у него выходит, как живая. Он ее и маркизой, и амазонкой, и ангелом... Ну, вот, как вылитая! Уж так он ее высмотрѣл... Только, ради Бога, не выдавайте ему, что я это сказала, а то он начнет на меня кричать: Pourquoi toi dire... Pallait pas dire... Вѣдь вы знаете, французы — это кипяток. Сейчас же на стѣны лѣзут. Мой то муж — душа человѣк, а порох...

— Вы, навѣрно, хотите взглянуть на вашу дѣвочку? — С трудом сдерживая нетерпѣніе, прервала ее Ирина. — Пойдемте, она с моей дочерью в саду.

— Ах, да! Нинишка нехорошая. Что вы о нас подумаете, мадам Волгина? Ребенка потеряли. Но это она одна во всем виновата. Знаете, у меня дѣвченка лѣт пятнадцати за нею ходит. Ну, я отпустила ее вчера вечером со двора, посадила Нинишку с куклою на балкон, велѣла ей сидѣть, да играть, а сама пошла ванну брать. Прихожу час спустя. Ее и слѣд простыл. Мы туда, мы сюда.

Нигдѣ ее нѣт. Муж на меня набросился, а я тут при чем? Он прямо как сумасшедшій был, всю ночь по дорогам бѣгал.

— Почему же вы не обратились в полицію?

— Да не догадались. Только утром нас наша кухарка надоумила. Мы сейчас же туда полетѣли, а там уж ваше заявленіе лежит. Мой муж как узнал, что Нини найдена, прямо там в префектурѣ и заплакал. Мнѣ стало так неловко. Я говорю ему: „о чем ты? Вѣдь ее нашли.". Ах, он ужасно сангвиничный! Конечно, рада и я. Конечно, свой ребенок, но...

— Ну, так идемте же к ней скорѣе, — потеряв терпѣніе сказала Ирина выходя из гостиной.

— Знаете, мадам Волгина, прямо не нахожу слов благодарить вас, — продолжала неумолчно говорить слѣдуя за нею Надежда Гавриловна. — Я прямо сконфужена перед вами...

Увидѣв мать, Нини бросилась бѣжать и спряталась за дерево.

— А-а, знает что набѣдокурила! — Полушутя, полусерьезно крикнула ей та. — Поди сюда! Сейчас же поди сюда!...

Нини медленно подошла опустив головку, как виноватая собаченка.

— Что я тебѣ сказала? Играй с куклой, а ты шмыг и убѣжала. Вот я тебѣ шлеп-шлеп за это! За то, что ты маму испугала, — рисуясь своим умѣніем разговаривать с дочерью и воспитывать ее, говорила госпожа Новилль.

— Non, шлеп-шлеп... — Пролепетала Нини и крохотныя губки ея дрогнули, готовые к слезам.

— Позвольте мнѣ познакомить вас с сестрой. Это она нашла вашу дочку, — сказала Ирина, увидѣв приближающуюся Талочку.

— Очень, очень пріятно! — Воскликнула Надежда Гавриловна забыв о Нини.

— Здравствуйте. Боб уже сказал мнѣ, что вы мать моего найденыша, — не особенно любезно проговорила Талочка пожимая ея руку. — Там у ворот стоит какой то молодой человѣк и кого то ждет, — обратилась она к Station Иринѣ.

— Ах, это мой муж! — Испуганно воскликнула Надежда Гавриловна. — Я совсѣм забыла о нем. Он велѣл мнѣ не задерживать вас и поскорѣе привести к нему Нинишку, а я заболталась.

— Но почему же он не вошел к нам?—Удивленно спросила Ирина.

— Ему стыдно показаться вам на глаза, потому что мы потеряли ребенка...

— Я позову его, — сказала Талочка убѣгая.

Нѣсколько минут спустя она вернулась в сопровожденіи высокаго брюнета в свѣтло-сѣром фланелевом костюмѣ. Он был удивительно привлекателен. Тонкое и гибкое тѣло его двигалось с такою легкостью, точно он еле касался земли; безсознательная вкрадчивость какой то звѣриной граціи проявлялась в каждом его движеніи. В его смуглом гладко выбритом лицѣ темным огнем горѣли овальные, с длинными вѣками, глаза, которым узкія и подвижныя брови придавали какое то капризное и томное выраженіе. Волнистые блестящіе волосы откинутые назад и открытая спортивной рубашкой шея, как то подчеркивали особенную молодость и силу всего его облика.

„Восточный принц“, подумала Ирина взглянув на него.

Увидѣв отца, Нини радостно взвизгнула, протянула к нему ученки.

Одним прыжком Новилль очутился около нее, поднял ее на руки, прижал ее к себѣ. На глазах его появились слезы.

— Гдѣ ты была, Нини? Разскажи мнѣ, гдѣ ты была? — Спрашивал он ее забыв окружающих. — Почему ты ушла с балкона? Ты увидѣла собачку? Ты побѣжала за нею? Да?

— Кис. . .

— Ах, киску! Ты увидала с балкона киску и побѣжала за нею?

— Бѣзала, кис бѣзала лѣс. . . Тетя купала Нини. . . Кусала, много кусала. . . Тетю любит Нини, — совершенно преобразившись оживленно разсказывала Нини, как то забавно заглядывая отцу в глаза, точно стараясь взглядом уловить, что он думает о ея новостях.

— Ну вот, полюбуйтесь на папашу и на дочку! Вот как он ее воспитывает! — С веселым возмущеніем воскликнула Надежда Гавриловна. — Вмѣсто того, чтобы ее побранить, он ее цѣлует. Да и сам хорош. Даже не представился вам, мадам Волгина! Ужасно. . . Ари, Ари! Да приди же в себя, наконец, — обратилась она к мужу дергая его за рукав. — Ари, очнись, поздоровайся же с мадам Волгиной. Поблагодари ее. . .

— Ради Бога, простите, — извинился он перед Ириной. — Я совсѣм голову потерял из-за этой бѣглянки. Я так благодарен вам.

— Нини принесла нам много радости. Мы очень полюбили ее, — ласково отвѣтила ему Ирина.

— Но все же . . . Мнѣ так хотѣлось бы чѣм нибудь доказать вам свою признательность.

— Вы легко можете это сдѣлать, — улыбаясь заявила ему Талочка.

— Скажите скорѣе, как?

— Оставьте мнѣ Нини хоть только на недѣлю.

Новилль невольным движеніем привлек к себѣ дочь.

— Я понимаю, что вам трудно с нею сейчас разстаться, но этому легко помочь. Вы останетесь сегодня у нас завтракать, а потом будете каждый день навѣщать ее.

— Но как же все таки... Это неловко вас так ребенком утруждать, — отвѣтила за мужа Надежда Гавриловна, очень польщенная этим предложеніем.

— Я присоединяюсь к просьбѣ сестры, не совсѣм убѣжденно сказала Ирина и тот час же раскаялась в этом, испуганная каким то безпокойным предчувствіем.

Но было уже поздно.

Низко склонившись перед нею, Новилль молча поцѣловал ея руку.

Надежда Гавриловна попросила позволенія снять шляпу.

— Вы играете в тэннис?—Спросила Талочка Новилля.

— Как же.

— Тогда будем сражаться.

Дѣти кушали раньше взрослых, в саду. Нини потребовала, чтобы Новилль присутствовал при этом. Она с аппетитом поглощала все то, чѣм кормила ее Аннунціата и безпрестанно взглядывала на отца, как бы спрашивая его, что он на все это скажет.

— Не удивительно, что ей все это так нравится, — воскликнул он обращаясь к Талочкѣ. — Моя жена кормит ее одной манной кашей, воображая, что дѣтям ничего другого ѣсть нельзя.

К завтраку пріѣхали Тверскіе. За столом, в столовой, шел очень оживленный разговор, в котором преобладали веселые молодые голоса. Послѣ чернаго кофе, общество раздѣлилось: молодежь ушла с Талочкой на тэннис, взрослые с Ири-

ной на террасу. При этом случилось как то так, что Ари Новилль был причислен к молодому поколѣнію,, а его жена—к старшему.

— Я этому очень рада,—отвѣтила она, когда Тверской обратил на это ея вниманіе.— Я всегда предпочитаю общество солидных людей. А уж тэнниса этого видѣть не могу! Для чего это, без толку, по солнцу метаться за мячем? Вот не понимаю!

— Почему же вам не побѣгать? Вы еще совсѣм дѣвочка,—улыбаясь сказала Нина Петровна. — Как рано вы вышли замуж!

— Ах и не говорите, ваше превосходительство! Такую сдѣлала глупость... По страстной любви, против папашинаго желанія с Ари тайно повѣнчалась. Папаша меня с тѣх пор знать не хочет! На письма не отвѣчает. Один только раз написал: „разведись со своим „ферлакуром," это он про Ари, потому что Ари француз, и пріѣзжай. Пріѣдешь одна, приму! Будешь жить, как прежде." А развѣ это легко, ваше превосходительство? Как же так бросить ребенка и, особенно, мужа. Вѣдь я же за него по любви вышла, его одного из многих выбрала. За меня сколькіе сватались: маленькіе и большіе, и худенькіе и толстенькіе, бѣдные и богатые, и офицеры, да из купечества. Всякіе, всякіе. А я из их множества Ари избрала. А за что? Вот это всякій спросит... А за то избрала, что он умѣет женщину на пидистал поставить. — При послѣдних словах Надежда Гавриловна отмѣрила рукою около метра от земли.

— Такой высокій „пидистал?" — Невольно разсмѣялся Рдищев.

— Да, ваше превосходительство. На самый высокій пидистал, — не замѣчая шутки убѣжденно подтвердила она. — Кромѣ того, умный он и такой способный. Как за три года у меня выучился по русски говорить. Прямо, как русскій! Карти-

нам его всѣ удивляются. Будущее ему предсказывают. А папашѣ все это ни по чем. Он этого не понимает. Ему бы только капитал, чтобы денежный человѣк был... Ну, а у Ари этого нѣт. Что картинами то заработаешь? Во всем мы себѣ отказывать должны. А в Москвѣ я принцессой жила. Только птичьяго молока не хватало. И деньги и наряды... Каждый день каток. Абонемент в оперу, в балет... Я передовая была. Устраивала вечеринки. У нас бывала спорящая молодежь...

— Какая молодежь? — Лукаво спросил Михаил Анатольевич.

— Спорящая... Сознательные барышни и студенты.

— А-а... Студенты тоже сознательные?

— Как же, ваше Превосходительство? Папаша даже удивлялся, сколько слов подряд каждый из них мог говорить. Один особенно у нас был, Пряников, как начнет, как начнет... Даже понять ничего нельзя. Удивительно говорил и все самыя трудныя слова: конфедерація, распространація, аннексія, конституція... Уж не помню еще какія.

Ирина, сидѣвшая на верхней ступенькѣ лѣстницы, безшумно поднялась, спустилась в сад и направилась к совершенно заросшей изумрудной листвой и легкими голубыми цвѣтами пассифлор бесѣдкѣ, гдѣ остались ея книги. Ей хотѣлось отдохнуть от празднословія, побыть хоть немного одной, но ее уже настигали чьи то быстрые шаги.

„Тверской", подумала она и не ошиблась.

— Ирина Михайловна, можно мнѣ немного с вами посидѣть в вашей голубой бесѣдкѣ? — Спросил он.

— Пожалуйста.

— Какая забавная дамочка, эта мадам Новилль. Похоже, что она из купеческой среды, но тон у нея совершенно мѣщанскій.

—Да.

— Ах, кстати... То есть, скорѣе совсѣм не кстати. Сегодня опять всѣ газеты полны тревожных политических статей. Германія „бряцает оружіем". Как бы не договорились дипломаты до войны.

— Война... Это для меня, что то совершенно невообразимое. Когда я думаю о ней, мнѣ вспоминается Иловайскій, или картины с боевыми сюжетами: лошади, вздымающіяся на дыбы... под ними трупы, в воздухѣ кривыя сабли...

— Но вѣдь японская война была еще недавно.

— Я тогда еще, как выражается папа: „пѣшком под стол ходила". К тому же, эта война происходила так далеко от Россіи.

Они вошли в бесѣдку. В пролетѣ, обвивающей ее зелени, вырѣзанном овальным окном, влажно сверкало алмазными переливами далекое море.

— Красиво, — сказал Тверской садясь напротив Ирины у круглаго, вкопаннаго в землю стола.

Она молча наклонила голову.

— Вы утомлены?

— Как всегда.

— Ирина Михайловна, дорогая, как мнѣ тяжело смотрѣть на вас, — горячо сорвалось с его губ. — Что сдѣлал с вами этот человѣк?

— Кирилл? Он не виноват... Он сам дорого поплатился за наслѣдственность... За грѣхи предков.

— Не будем говорить об этом, если вам больно... К тому же... Ирина Михайловна, я не

могу больше молчать. Хочу, чтобы вы знали... Только знали... что вы мнѣ безконечно дороги.

— Не надо... не надо, — испуганно и поспѣшно прервала его Ирина и, чтобы смягчить свои слова, довѣрчиво дотронулась длинными розовыми пальцами до его руки.

Он покорно склонился над ними и, в знак послушанія, приник к ним губами.

XXVII.

Весь Іюль на Ривьерѣ стояла тропическая жара. Всѣ маркизы виллы Бельвю были спущены, всѣ двери закрыты. Жозеф три раза в день поливал сад, в котором можно было сидѣть только послѣ захода солнца. Ницца опустѣла.

Рдищев настаивал на том, чтобы семья его ѣхала в горы. Но это предложеніе ни в ком не нашло отклика. Нина Петровна увѣряла, что она как кошка привыкает к мѣсту и ненавидит переѣзды. Иринѣ просто лѣнь было двинуться, тѣм болѣе, что Тата отлично выносила жару и прекрасно себя чувствовала. Загорѣвшій, темнокожій как негритенок Боб увлекался купаньем и рыбной ловлей со своими новыми друзьями, сыновьями какого-то шведскаго коммерсанта, а Талочка не соглашалась прервать свою кипучую дѣятельность, отрываться от своих многочисленных обязанностей, к которым прибавилась новая забота о Нини, которую ей пришлось отдать ея родителям, но которую она часто навѣщала, и к которой приставила новую няню, одну из своих товарок-педагогичек.

Легкомысліе и безхозяйственность Надежды Гавриловны все сильнѣе выводили, почти педан-

тичную в отношеніи к своим обязанностям, Талочку из себя.

— Это один ужас, что там за цыганство! — Жаловалась она как то Иринѣ, вернувшись от Новиллей. — Эта глупая кукла тратит все, что зарабатывает ея муж, на тряпки и конфеты. Кухаркѣ не платит. Та, поэтому, грубит и стряпает, когда ей вздумается. Ари ѣст в ресторанѣ, Надежда Гавриловна питается пирожными и битыми сливками, а Нини пичкает холодной манной кашей. У ребенка малокровіе от этого питанія. Моя педагогичка Ивонн теперь наведет порядок.

— Талочка, я думаю, было бы благоразумнѣе, если бы ты относилась спокойнѣе. . .

— Да не могу я, Ирина дорогая! Представь себѣ, сегодня Нини попросилась на горшечек и знаешь, что сдѣлала Надежда? Подняла ее над кирпичами камина! Я так и ахнула, а она говорит: „Я всегда ее тут сажаю, лѣнь на верх идти. Испаряется“. . .

— Ужас! Но я все таки удивляюсь, что она согласилась взять твою педагогичку.

— Ее прельстило, что „даром“. Она не знает, что я плачу Ивонн.

— Ты завтра опять будешь там?

— Я обѣщала пріѣхать утром и приготовить завтрак. Это будет моим первым кулинарным опытом. Ах, Ирина, доставь мнѣ удовольствіе, пріѣзжай туда завтракать. Они будут на десятом небѣ от радости, а мнѣ так хочется, чтобы ты скушала, что я приготовлю.

Ирина задержалась с отвѣтом. Отношеніе сестры к семьѣ Новилль возбуждало в ней все большую тревогу. Ей казалось, что между Талочкой и Ари зарождается чувство болѣе сильное, чѣм симпатія. Ей захотѣлось провѣрить свое впе-

чатлѣніе, увидѣть их, послѣ долгаго перерыва, вмѣстѣ.

— Пожалуй, — нерѣшительно проговорила она. — Но тогда я поѣду с тобою с утра, чтобы посмотрѣть, как ты будешь хозяйничать на кухнѣ.

— Ура! Ах, ты моя прелесть! — Бросилась обнимать ее Талочка.

На другое утро онѣ пѣшком отправились к Новиллям, домик которых находился в нѣскольких минутах ходьбы от виллы.

Надежда Гавриловна пришла в восторг, увидѣв их с балкона.

— Как это мило! — Воскликнула она. Мадам Волгина из Москвы и так запросто к нам. Ах, мадемуазель Талочка, как хорошо, что вы пришли. Мой муж в меланхоліи. Не знаю, что с ним. Запирается, хандрит. Сидит в своем ателье в старом пиджакѣ. Я его просила, пріодѣнься немного. . . У него столько бархатных курточек, знаете, как художчики носят. И коричневыя, и синія, и черныя, и всякія. Ни за что не хочет пріодѣться. Так на меня разсердился, что даже заперся. Ах, мадам Волгина, вы тут стоите на солнцѣ. Пожалуйста в гостиную. Милости просим.

— Я хотѣла посмотрѣть, как будет стряпать сестра.

— Нѣт, нѣт, как можно! У нас кухня маленькая. В ней жарко. Нѣт, уж пожалуйста в гостиную.

— Знаешь, Ириночка, я сейчас в кухнѣ расположусь, устроюсь, а когда начну готовить, позову тебя, — сказала Талочка сестрѣ и убѣжала в дом.

— Наталія Михайловна у нас, как дома, — с гордостью произнесла Надежда Гавриловна. — Уж она нашу Нинишку обожает. Пожалуйста, мадам Волгина, сюда.

Ирина вошла в маленькую комнату, обставленную просто, но с рѣдким вкусом.

— Видно, что здѣсь живет художник, — сказала она.

— Вам нравится? — С удивленіем спросила хозяйка. — А мнѣ, признаться, нѣт. Занавѣски из палеваго холста, такая же обивка на мебели. Прямо нищенство. У папаши вся мебель штофом обита. Повсюду позолота. Очень богато папаша живет. Ну, и почет ему, конечно, за это. Когда мамаша покойная в Петербург наѣзжала, всегда, бывало, царицѣ визит дѣлала. Ее во дворцѣ всѣ лакеи знали. Как пріѣдет, сейчас ей всѣ говорят: „Татьяна Ивановна, что давненько не бывали? Царица про вас спрашивала". Ну, а за чаем ей Александра Феодоровна часто говорила: „Ах, жемчуг у вас, Татьяна Ивановна, прямо удивленіе. У меня такого нѣт".

В то время как, оглушенная каскадом слов Надежды Гавриловны, Ирина слушала ее борясь с головокруженіем, Талочка энергично раскладывала на кухонном столѣ приготовленную провизію. Толстая неряшливая кухарка полуснисходительно, полунасмѣшливо слѣдила за каждым ея движеніем. Но, вскорѣ, убѣдившись в том, что перед нею опасная конкурентка, она сдалась и охотно стала помогать этой странной богатой барышнѣ, находящей удовольствіе в скучной стряпнѣ.

И котлетки для Нини и бульабез для взрослых удались на славу и ровно в час были поданы на стол.

Надежда Гавриловна побѣжала за мужем, но вернулась без него.

— Ари извиняется, — смущенно сказала она. — У него мигрень. Он ничего не может ѣсть.

Ну, так будем завтракать без него, — с легкой досадой отвѣтила Талочка.

— Наталія Михайловна, мнѣ так совѣстно за мужа, но когда у него меланхолія, с ним нельзя говорить. Вот если бы вы попробовали.

— Гдѣ Нини? — Спросила Талочка не отвѣчая на ея слова.

— Она в саду с Ивонной. Сейчас позову ее. Наталія Михайловна, если бы вы сами позвали мужа, он, навѣрно, постѣснялся бы и пришел.

— Зачѣм же безпокоить, если у него мигрень, — за сестру отвѣтила Ирина, желая предотвратить ея встрѣчу с глаза на глаз с Новиллем.

Но Талочка поднялась со стула.

— Ну, я попробую. Я хочу, чтобы он отвѣдал моего бульабеза, от котораго у него пройдет меланхолія. Но вы не ждите нас, кушайте, а то все остынет и не будет так вкусно. Для Ари я могу подогрѣть. Кушайте, кушайте,—убѣдительно попросила она выбѣгая из комнаты.

Ателье Новилля занимало весь верхній этаж маленькаго домика. Талочка никогда еще в нем не была. Новилль увѣрял ее, что никого в него не впускает и, поднимаясь к нему теперь, она чувствовала себя не особенно хорошо. Ей казалось, что она поступает не деликатно против его воли идя к нему. Не дойдя нѣсколько ступеней до его двери, она остановилась, хотѣла вернуться назад в столовую, но в ту же секунду дверь пріоткрылась и в ней появился Новилль.

Лицо его, которое она привыкла видѣть только улыбающимся, было так сумрачно, взгляд его темных глаз так горяч и неспокоем, что сердце ея забилось от страха. Она никогда еще ни у кого не видѣла такого жуткаго лица.

— Простите... Я не хочу мѣшать вам, — пролепетала она дѣлая движеніе назад.

— Нѣт, нѣт... Не уходите.

— Но...

— Развѣ вы не хотите взглянуть на свои портреты?

— Но вы не хотѣли...

— Я передумал. Хочу сличить мои произведенія с их оригиналом.

— Ари, вы больны. Вѣдь вы дрожите. Что с вами?

— У меня лихорадка, — отвѣтил он, как то странно усмѣхаясь и проводя узкою рукою по лбу и волосам. — Войдем ко мнѣ. Вѣдь вы же шли сюда?

— Да.

Она робкими короткими шагами вошла в ателье.

— Вы переступили этот порог с таким недовѣріем, точно за ним живет не бѣдный художник со своими картинами, а старый колдун с черным котом и совой, — пробовал пошутить Новилль, но они оба не могли вызвать улыбки на своих губах.

— Кто это? — Восторженно воскликнула Талочка останавливаясь у большого полотна. Ах, что за чудная красавица! Какое воздушное на ней бѣлое платье... А на плечах бѣлый тюль, как крылья... Бѣлый ирис в рукѣ...

— Вы не знаете кто это, Талочка? Чьи это волосы? Чьи глаза? У кого такая нѣжная шейка и трогательныя выемки на плечах? — Спросил он не отрывая от нея глаз.

— Это я? Я... Вы видите меня такою?

— И не только я. Это вы не видите себя.

— Ари, вы великій художник! Из такого ничтожества, из такой незначительной дѣвочки, как

я, вы создали такое произведеніе искусства. Я не могу насмотрѣться на него . .

„А я на тебя"... чуть не сорвалось с его губ. Сердце его мучительно горѣло от безумной и безнадежной любви к ней. Он не мог смотрѣть на нее не блѣднѣя. Ему хотѣлось броситься перед нею на колѣни, цѣловать ея руки, ея нѣжный, еще почти дѣтскій рот.

Он угадывал, что она отдастся его ласкам, подчинится его волѣ в первом опьяненіи страсти и любви, но знал, что не смѣет прикоснуться к ней.

Своевольный и страстный он не умѣл владѣть своими чувствами. Влекущая его к Талочкѣ любовь была так необуздана, так дика, нервы его были так издерганы безсонными ночами, полными жгучими грезами о ней, что его сдержанный порыв к ней внезапно разразился рыданіями.

Бросившись в угол дивана, он закрыл лицо руками и глухо плакал, дрожа всѣм тѣлом.

— Ари... Ари... милый... бѣдный, что с вами? — Спрашивала до ужаса перепуганная Талочка. — Не надо плакать... У вас горе? Могу я вам как нибудь помочь? Вѣдь я ваш друг. Ну, испытайте же мою дружбу, посмотрите на меня.

Охватив пальцами гибкія и узкія кисти его рук она отняла их от его лица, осушила своим платочком его глаза, его тонкія изломанныя брови, его нѣсколько впалыя щеки.

Вот так, вот так.. — Чуть слышно приговаривала она. — Глупый, Ари... Плачет, как моя Нини. И родинка у него такая же, как у нея на правой щекѣ.

Схватив руку Талочки, Новилль прижал ее к своему лицу.

Она не отняла ее и довѣрчиво примостилась возлѣ него на диванѣ.

— Вы должны мнѣ высказаться, Ари. Ну, какое у вас горе? — С материнской ласкою спросила она. — Или нѣт. Не говорите, если вам это тяжело. Я знаю, что приводит вас в отчаяніе... Ваш неравный брак. Как это случилось, что вы поженились?

— Как случилось?—Переспросил Новилль не выпуская ея руки из своей и ощущая это прикосновеніе, как непосильную ласку. — Как случилось?...

— Ари, вы, кажется, не понимаете, что я вам говорю? Как можно быть таким нервным, впечатлительным. Всѣ художники такіе? Да? Я читала...

— Вы читали... Талочка, какое вы еще дитя!

-- Вы считаете меня ребенком, которому нельзя довѣриться?

— Талочка...

— Разскажите мнѣ, как вы встрѣтились с вашей женой?

— Это было здѣсь... в Ниццѣ. Мнѣ было двадцать один год. Я не любил до нея ни одной женщины. Ея миловидность привлекла меня. Ея отвѣтная любовь меня обрадовала. Ради меня она отказалась от богатства, от отца. Это меня тронуло. Тогда я не говорил еще по русски. Она ни слова не говорила по французски. Это многое скрыло от меня... Я был счастлив нѣсколько недѣль, но потом, какое разочарованіе...

— Я это понимаю, Ари. Однако, она ваша жена, мать Нини. Вы должны относиться к ней снисходительно. Она очень добрая и хорошенькая.

— Талочка, проведите еще раз вашим платочком по моему лицу.

— Ари, почему вы так... так странно смотрите на меня?

— Странно?

— Вы так блѣдны... Так тяжело дышете. Да, что же с вами?

— Уйдите, Талочка... Мнѣ необходимо одиночество.

— О, простите! Я не хотѣла...

— Талочка, если бы вы знали... Уйдите же...

Безумное выраженіе лица Новилля так испугало Талочку, что она стремительно исполнила его требованіе и выбѣжала из ателье.

Ну, что же, Наталья Михайловна? И вам не удалось уговорить Ари? — Спросила ее Надежда Гавриловна, когда она вернулась в столовую.

— Нѣт. Не удалось, — огорченно и взволнованно отвѣтила Талочка. — Мнѣ кажется, что он серьезно болен. Не послать ли за доктором?

— Ах, что вы! Это у него артистическая натура. Самая обыкновенная меланхолія.

— Как жаль, что как раз сегодня, когда я готовила, — простодушно слетѣло с Талочкиных губ.

— Удивительно ты сготовила, моя дѣточка, — с особенной лаской в голосѣ сказала Ирина угадывая все, что произошло между сестрою и Новиллем. — Теперь покушай сама.

— Не хочется. Пора на курсы.

— Я провожу тебя.

Когда послѣ долгих прощаній с Надеждой Гавриловной и Нини, онѣ стали спускаться с Мон-Борона к трамваю, Талочка разсказала сестрѣ весь свой разговор с Новиллем.

— Мнѣ кажется, что он обидѣлся на меня за то, что я заговорила с ним о его женѣ. Это безтактно с моей стороны, — смущенно добавила она.

— Нѣт, не думаю. Но у меня такое чувство, что тебѣ лучше там меньше бывать.

— И мнѣ кажется. Сама не знаю почему... Но как же так сразу?

— Зачѣм же сразу? Постепенно. Бывай там рѣдко. Приглашай их чаще к нам.

— Жаль. Ужасно люблю Нини. У нее такая милая родинка. Совсѣм как у отца.

Ирина невольно привлекла к себѣ сестру, такую трогательную и чистую в невѣдѣніи своей любви и поцѣловала ее.

„Надо бѣдную дѣвочку куда нибудь увезти, пока не поздно. Но как ее уговорить уѣхать? Что придумать?“ Тревожно соображала Ирина, не зная что предпринять, чтобы охранить сестру от опаснаго чувства.

Ей на помощь пришло неожиданное, всѣх поразившее объявленіе войны.

Молодое поколѣніе всѣх мобилизованных стран приняло его восторженно. Юныя души рвутся к геройским праздникам. Счастливая вырваться из тусклой повседневности, отдѣлаться от скучных будничных обязанностей, получить возможность быстро проявить свои способности, свою личность, свои физическія силы, а гланное, свою храбрость, молодежь была полна устремленія к подвигу. Возможность начать новую жизнь, мужественную, благородную, дающую простор удали и молодечеству, приводила ее в экстаз.

Она вдруг очутилась в новом мірѣ, в котором всѣ думали возвышенно, красиво говорили зажигательныя рѣчи, в котором можно было кричать о своей любви к родинѣ, к царю, не вызывая ни в ком сверх-умную, ироническую улыбку. Она вдруг дорвалась до возможности доказать эту любовь на дѣлѣ. Безчисленные юноши готовы были стать рыцарями долга и чести, проли-

вающими кровь во славу своего отечества. Всѣ они предвидѣли побѣду и были готовы полечь за нее костьми.

Старшее поколѣніе было озабочено, но бодрилось.

Как во всѣх других семьях, так и в Рдищевской семьѣ настроенія родителей и дѣтей сильно расходились. Ирина и Талочка рвались в Россію, чтобы стать сестрами милосердія. Тринадцатилѣтній Боб мечтал идти добровольцем на войну.

— Все это еще успѣется, — дипломатически говорил Михаил Анатольевич. — Надо переждать. Ходят упорные слухи о том, что война не продлится больше двух мѣсяцев. Теперь ѣхать в Россію, особенно с ребенком, сложно и опасно. Сдѣлать пожертвованіе на лазарет можно и отсюда. Вы можете организовать здѣсь отправку посылок на фронт. Работы у вас найдется довольно. Начинайте не теряя времени.

Послѣдній совѣт Рдищева пришелся по сердцу его дочерям.

Возможность начать дѣйствовать неотложно, была так заманчива, что Ирина и Талочка с воодушевленіем ухватились за нее.

Уже нѣсколько дней спустя, им удалось снять помѣщеніе в самом центрѣ Ниццы, в котором должны были встрѣчаться русскія дамы, желающія работать вмѣстѣ с ними. Предполагалось шить бѣлье, вязать теплыя вещи и отсылать их на фронт.

Михаил Анатольевич уладил всѣ необходимыя для дѣла формальности и скоро оно наладилось.

— Я думаю, что мы должны предложить Надеждѣ Гавриловнѣ работать с нами, — как то вечером, сидя на балконѣ, сказала Талочка Иринѣ.

— Странно, что с того неудачнаго дня, как я готовила у них, они ни разу не зашли. Ари, навѣрно, мобилизован.

Отвѣтом на ея слова скрипнула садовая калитка и на дорожкѣ появились Новилли.

Талочка вспыхнула, побѣжала им навстрѣчу.

— Мы пришли проститься с вами, — сказал Новилль пожимая руку. — Мы уѣзжаем завтра утром в Париж.

— Знаете, что он придумал, Наталія Михайловна? — Прервала мужа Надежда Гавриловна. — Хочет военным летчиком стать.

— Но это, кажется, очень опасно, — сказала подошедшая Ирина здороваясь с гостями.

— Я предпочитаю опасность в небесах, грязи траншей и долгим маршам, — смѣясь отвѣтил Новилль. — Кромѣ того, я фаталист.

— Ах, мадам Волгина, что за несчастье эта война! Как я теперь буду без него с ребенком? — Жаловалась Надежда Гавриловна. — И точно, вѣдь у мужа предчувствіе всего этого было. Он прямо извелся от меланхоліи за эти дни. Посмотрите на него. На что он похож. Один нос остался.

У Новилля дѣйствительно было больное, сильно осунувшееся лицо.

„Я одна угадываю истинную причину его меланхоліи", подумала Ирина и поспѣшила перевести разговор приглашая гостей на террасу пить чай.

Полчаса спустя Новилли стали прощаться.

— Мы проводим вас немного, — предложила Талочка. — Да, Ирина, ты пойдешь со мною? Такая дивная ночь!

— С удовольствіем.

Они вышли на освѣщенную луною дорогу. Ирина шла с Надеждой Гавриловной впереди. Талочка и Ари немного отстали.

Она шла опустив голову и разсѣянно разсматривала темныя тѣни на почти бѣлой, от луннаго свѣта, землѣ.

Он украдкой смотрѣл на нее, охватывал запоминающим взглядом ея тонкую и высокую, всю посеребренную лунным свѣтом фигурку, ея мягкіе, свѣтящіеся пепельным блеском локоны, ея прелестное лицо, черты котораго были так выразительны и таинственны в лунном сіяніи, и сердце его горестно таяло от безумной нѣжности к ней, от сознанія, что он теряет ее навсегда. Он боролся с мучившим его отчаяніем, но не выдержал, наконец, взрыва свирѣпой душевной боли, и, боясь выдать себя в порывѣ страха перед собою, внезапно быстрым и гибким движеніем перепрыгнул ров, ринулся в чашу темных деревьев и мгновенно исчез.

Талочка остолбенѣла.

— Ирина! — Безпомощно позвала она.

Та остановилась, обернулась. Надежда Гавриловна сдѣлала то же.

— Гдѣ же Ари? — Раздраженно крикнула она. — Опять, должно быть, убѣжал к морю, как всѣ эти ночи. Возвращается только под утро домой весь мокрый, растрепанный. Господи, что за наказаніе с этом человѣком! Прав был папаша! Убѣжал, даже с вами не простившись, мадам Волгина! Такой невѣжа! Извините пожалуйста.

„Бѣдный мальчик, как ему больно сейчас", думала Ирина успокаивая Надежду Гавриловну и с тревогой наблюдая за совершено убитой Талочкой.

Проводив Надежду Гавриловну до ея домика и простившись с нею, сестры обнявшись молча вернулись домой.

XXVIII.

Нѣсколько недѣль спустя Михаил Анатольевич уѣхал в Россію, чтобы, как он говорил, испробовать туда дорогу морем, устроить там свои дѣла и предложить свои услуги правительству. То же сдѣлал и Тверской, который, поручив дочерей Иринѣ, уѣхал с ним.

Их отъѣзд оставил в домѣ печальную пустоту, которая особенно чувствовалась их близкими по вечерам.

Все утро обитательницы виллы Бельвю проводили за рукодѣліями в саду, весь день—в ниццком помѣщеніи, составляя и отсылая пакеты на фронт.

Дѣло их шло отлично. Нашлось много русских дам, пожелавших работать в их „Быстрой помощи" и ежедневно приносивших в их „контору" теплыя вещи, бѣлье, табак и всесозможныя другія пожертвованія, и помогавших им зашивать и отправлять пакеты.

Снова повеселѣвшая Талочка, Нина Петровна и Тверскія были неутомимы в работѣ. Ирина же быстро начала сдавать. Здоровье ея все ухудшалось. Силы уходили из ея исхудавшаго тѣла. Доктора не находили названія ея болѣзни, предписывали ей покой, усиленное питаніе. Но у нея было отвращеніе к пищѣ, а душа ея исходила горем, исключительно живя прошлым и неустанно заново переживая всѣ его разочарованія и утраты.

Несмотря на всѣ усилія найти смысл жизни в воспитаніи Таты, уйти с головой в работу, она была плѣнницей своего прошлаго и не видѣла, не понимала жизни внѣ его.

Дѣйствительность казалась ей сном, ея воспоминанія— дѣйствительностью. Все, что отрывало ее от них, утомляло ее, было ей ненавистно.

Часто, испуганная слишком шумным оживленіем в „конторѣ,“ гдѣ работающія дамы, соединяя пріятное с полезным, громко читали газеты обсуждали событія и разсказывали анекдоты, она незамѣтно выскальзывала из комнаты и уходила бродить по городу.

Уже рано темнѣло, магазины на avenue de la gare и в смѣжных улочках были освѣщены мягким, не слишком ярким свѣтом, что придавало городу вечерній уют.

Во всѣх витринах красовались портреты супругов Пуанкаре, между портретами русской царской и англійской королевской четы. Они были изображены на конфектных коробках в кондитерских, выставлены в формѣ открыток среди рулеток, писчебумажных принадлежностей и книг, яркими красками запечатлены на подносах, ступках и других хозяйственных принадлежностях.

Во многих витринах рекламировались особенно выгодно составленныя посылки на фронт. В какой то табачной лавочкѣ был выложен на показ кусок плохого нѣмецкаго хлѣба.

Камло, выкрикивали экстренные листки газет, которые быстро раскупались, просматривались и нерѣдко тут же разочарованно бросались на тротуар.

Иногда, тяжело и глухо стуча сапогами, проходил какой-нибудь полк бѣлых или черных солдат. Когда он шел без музыки, было что то жуткое и подавленное в грузном нѣмом ритмѣ его движенія.

Все, все вокруг говорило о мировом бѣдствіи, о войнѣ.

Зная патріотизм и мужество де Валера, Ирина не сомнѣвалась в том, что он на фронтѣ и со страхом просматривала список погибших в боях, боясь найти в них его имя.

Бывали зимніе вечера, когда ей так нестерпимо хотѣлось, не называя себя, телефонировать в его парижскій дом, чтобы узнать, гдѣ он находится, что она подходила к аппарату, долго стояла около него, но в послѣднюю минуту благоразуміе брало верх и она отказывалась от своего намѣренія.

Порою страх за его жизнь охватывал ее с такою силой, что она запиралась в своей комнатѣ и долго молилась перед кіотом, или уходила в церковь. Там иногда, перед распятіем, на нее снисходило утѣшеніе, но иногда она стояла перед ним дрожа от холода, с пустыми глазами, пустою душой.

Так шли дни, недѣли, мѣсяцы на виллѣ Бельвю.

В началѣ Апрѣля, к большой радости всей семьи, вернулся из Россіи Михаил Анатольевич, привезшій с собою чернаго хлѣба, засахаренных орѣхов от Гурме, шоколаду Миньон, подарки от Елены Сергѣевны и кучу новостей. Он получил назначеніе при русском посольствѣ в Парижѣ, куда должен будет скоро уѣхать. Война продлится еще долго, но теперь ѣхать с ребенком в Россію невозможно. Процесс с Мордатовыми затягивается. Бочаровы открыли лазарет для нижних чинов и были рады крупному пожертвованію на него Ирины и Талочки, позволившему им увеличить число кроватей до ста. Тверской получил дипломатическое порученіе в Рим, проѣхал прямо туда, но скоро вернется в Ниццу.

— Папа не забыл захватить с собою мою котиковую шубу из Питега? — Спросила княжна Анна. — И мой бегет и мои альбомы . . .

— Нѣт, не забыл. Все это уже здѣсь, в одном из сундуков, — смѣясь прервал ее Рдищев. — Ах, Ирина, у меня для тебя новость, — обратился он к дочери. — Вчера вечером, когда мы с князем остановились ночевать в Марселѣ. повсюду были развѣшены огромныя афиши благотворительнаго концерта, который давал твой знакомый де Валер в пользу вдов и дѣтей погибших на войнѣ мужей. Нам не хотѣлось спать, мы пошли. Вот, я скажу тебѣ, поет человѣк! — С ума сойти! Не даром его чествовали. Зал дрожал от аплодисментов и криков·

Ирина не подняла глаз от вязанья, но спицы остановились в ея похолодѣвших пальцах.

Я хотѣл пройти в артистическую комнату, чтобы привѣтствовать его, — продолжал Михаил Анатольевич. — Но немыслимо было протолкаться. Когда мы вернулись в наш отель Палас, портье с гордостью разсказал нам, что он живет у нас. Дѣточка, что с тобою?

— Мнѣ нехорошо. Пойду . . .

– Я с тобою, — вскочила со своего мѣста Талочка.

— Нѣт . . . Я одна . . . Лягу, усну немного,— отвѣтила Ирина выходя из комнаты.

— Какая слабенькая . . . И все еще в траурѣ,—огорченно проговорил Рдищев. — Нужно бы ей серьезно полѣчиться.

— Ей ничего не помогает. Она не может забыть, — печально отвѣтила Нина Петровна.

— Нѣт, нѣт. Я серьезно займусь ея здоровьем. Нельзя же так . . .

Пока в столовой обсуждалось ея здоровье, Ирина, не помня себя от волненія, стояла в гостиной у телефона.

— Алло? Марсель? Отель Палас? Пожалуйста, соедините меня с маркизом де Валер. Он уѣхал? Еще вчера вечером? Благодарю вас.

В тот же вечер семейным совѣтом было рѣшено, что Михаил Анатольевич уже через недѣлю отправится в Париж, найдет там меблированную квартиру, устроится в ней, а в сентябрѣ к нему пріѣдет Нина Петровна с Бобом, который поступит в Сенсир.

Ирина и Талочка предпочли остаться пока в Ниццѣ, чтобы не прерывать своей наладившейся благотворительной дѣятельности.

Случайно, в самый день отъѣзда Рдищева в Ниццу, вернулся Тверской, обѣщавшій ему охранять дамское царство на виллѣ Бельвю.

Анна и Марія так обжились у Ирины, что им не захотѣлось переѣзжать к отцу в отель. Он ежедневно пріѣзжал навѣщать их и проводил с ними и Рдищевыми цѣлые дни.

Вскорѣ Нина Петровна, боявшаяся воров и находившая, что жутко жить „без мужчины в домѣ,“ уговорила Ирину предложить Тверскому переѣхать под их кров.

— Подумай, — говорила она падчерицѣ. — Осенью мы с Бобом уѣдем. Настанут темныя ночи. Столько апашей здѣсь бродит, твой садовник старик, лакеи может быть сами жулики, а вы здѣсь будете жить однѣ, четыре молодыя дѣвушки.

— Я дама.

— Ну, все равно опасно! Вилла так одиноко стоит. Ну, прошу тебя, для моего спокойствія, пригласи Тверского. А то я всѣ ночи не буду спать в Парижѣ.

Ирина сдалась и Тверской с восторгом принял ея приглашеніе.

Однако, они встрѣчались только по вечерам. Все утро Ирина проводила с дочерью. Послѣ завтрака она уѣзжала в „контору,“ откуда возвращалась в шесть часов и проходила прямо в дѣтскую.

В восемь часов, уложив Тату, она выходила к обѣду, послѣ котораго проводила часа два в семейном кругу, к которому теперь принадлежали и Тверскіе.

Сначала она избѣгала оставаться наединѣ с князем, в глазах котораго читала просьбу, которую он не смѣл произнести, но энергія ея с каждым днем ослабѣвала, равнодушіе ко всему росло и она вскорѣ настолько перестала замѣчать его нѣмыя объясненія в любви, что была удивлена, когда Нина Петровна, наканунѣ своего отъѣзда, пришла вечером к ней в комнату и передала ей его просьбу стать его женой.

— Ириночка, не пожимай так плечами, выслушай меня! — Чуть не плача от волненія, воскликнула Нина Петровна. — На первый взгляд тебѣ это, конечно, кажется невозможным... Но князь тебя понимает... Он согласен быть твоим другом. Понимаешь? Все останется так, как теперь, если вы обвѣнчаетесь. Он хочет только не разставаться с тобою. И дѣвочки его тебя так любят! Каким бы это было счастьем для папа и для меня знать, что он твой муж. Он даст тебѣ положеніе в свѣтѣ. Будет заботиться не только о тебѣ и Татѣ, но и о Талочкѣ и Бобѣ если, не дай Бог, с нами стариками что нибудь случится. Если ты станешь женою Тверского, ты будешь снова вести большой дом, будешь играть большую роль в обществѣ . . . Понимаю, понимаю, что тебѣ этого не нужно. Но это нужно для Таты . . . Сдѣлай это для нея.

— Это было бы безчестно по отношенію к Тверскому. Какою я могу быть ему женою с полумертвой душой?

— Он все знает и, повторяю, понимает тебя. Поговори с ним завтра. Ирина, сдѣлай это ради нас всѣх, как и мы все сдѣлали бы для тебя. Вѣдь ты согласна со мною в том, что это был бы благоразумный брак.

— Не знаю. Может быть, — устало, почти равнодушно, отвѣтила Ирина. — Но это подавляет меня. Единственное, что еще мнѣ дорого в жизни, это моя свобода. Ты хочешь взять и ее у меня?

— Я хочу только твоего благополучія, дѣвочка моя. Хочу, чтобы кто нибудь оберегал тебя и Тату. Ты не можешь прожить всю жизнь в одиночествѣ. А свободу твою Тверской не стѣснит.

— Но его вѣчное присутствіе . . . Я буду чувствовать себя связанной. Обязанной о нем думать, говорить с ним. Заботиться о нем.

— Да нѣт же, нѣт. Ну поговори завтра с ним сама.

— Хорошо. Попробую ..

Нина Петровна бросилась цѣловать падчерицу.

„Как я могла так быстро, так глупо сдаться“, с недоумѣніем подумала Ирина, когда осталась одна и вдруг почувствовала, что еще слабо тлѣвшая, гдѣ то в самой глубинѣ ея души, искра надежды на счастье, в ней только что угасла.

XXIX.

Объясненіе Ирины с Тверским произошло вечером в бесѣдкѣ из пассифлор.

Только что спала жара. Садовник поливал сад. Густой воздух был насыщен сладкими ароматами цвѣтов.

Ирина быстро перебирала бѣлыми спицами и мысленно считала петли замысловатаго узора.

Тверской курил разсказывая ей о впечатлѣніях своего путешествія в Россію и мучительно искал удобнаго перехода к болѣе личной темѣ,

но не находил его. Раздраженный своим волненіем, своею ненаходчивостью, он внезапно оборвал рѣчь.

Ирина невольно подняла на него глаза.

Он так стремительно взял ея руку, что спица выпала из нея.

„Досадно. Придется петли собирать“, подумала она, хотѣла высвободить свои пальцы, но сдержалась.

— Ирина Михайловна, вы уже знаете? Нина Петровна передала вам мою просьбу? — С нервною поспѣшностью проговорил он, как бы боясь, что и на этот раз у него не хватит рѣшимости. — Вот уж нѣсколько дней, как я жду вашего отвѣта, но вы молчите.

— Что же мнѣ сказать вам, князь? Меня удивляет ваше предложеніе. Вѣдь я больше не могу любить. Это кончено для меня раз навсегда. Какою же я могу стать вам женою?

— Женою-другом.

— Другом, который не ищет дружбы, а только одиночества.

— Это измѣнится.

— Нѣт, не дѣлайте себѣ иллюзій. Я разрушена. Вы ничего, ничего не найдете во мнѣ.

— Я вас люблю такою, какая вы есть. Люблю уже так давно, хочу только лишь одного: быть с вами, называть вас моей женой. Только называть. . . Если вы не можете рѣшиться на утвердительный отвѣт, не надо. . . Сначала испытайте меня. Попробуйте привыкнуть к мысли, что я всегда буду с вами, буду заботиться о вашем покоѣ, буду носить вас на руках. Пусть наша помолвка пока будет тайной.

— Нѣт, не помолвка, — испуганно сорвалось у Ирины.

— Хорошо, не помолвка, а испытаніе на помолвку. Вы не можете мнѣ в нем отказать?

— Не знаю. . .

— Вы не знаете теперь. Но постепенно вы убѣдитесь в моей преданности и не будете больше так бояться меня. Я в этом увѣрен. Я терпѣлив. Подождем до Рождества. . .

— Зачѣм назначать сроки?

— Я и в этом готов уступить и ждать того дня, когда вы рѣшите сами. Мнѣ нужна только увѣренность в том, что вы будете жить эти мѣсяцы обдумывая возможность нашего брака.

— Я попробую, князь. Но теперь не будем больше об этом говорить!

Ирина попробовала высвободить свою руку, которую он все еще держал в своей.

— Слушаюсь, — покорно, но с затаенной горечью проговорил он и, коснувшись губами ея пальцев, тотчас же выпустил их из своей длинной мускулистой руки.

Ирина почувствовала облегченіе, объясненіе состоялось, она не обѣщала ничего связывающаго ее. Время покажет. Надо все это обдумать.

Однако, она не только не думала о своем будущем с Тверским, но уже нѣсколько часов спустя этот вопрос перестал ее интересовать и как то растворился в ея безграничной апатіи.

Послѣ отъѣзда Нины Петровны и Боба в Париж, жизнь на виллѣ Бельвю стала много тише.

Ирина переселилась с Татой в двѣ солнечныя комнаты на верхнем этажѣ и почти не выходила из них.

Талочка продолжала энергично работать в своей „конторѣ“ и была неразлучна с Тверскими.

Только во время завтрака и обѣда вся семья встрѣчалась за столом. Тверской сумрачно молчал. Часто нервничал. Дѣвочки оживленно разсказывали Иринѣ о городских и политических новостях, читали ей письма русских солдат, получивших посылки и благодаривших за них и всѣми силами старались заинтересовать, оживить ее, но тщетно. Она слушала их улыбаясь, стараясь скрыть свою усталость, свое равнодушіе ко всему и думала только о том, как бы поскорѣе уйти к себѣ.

Здоровье ея все ухудшалось. Она стала кашлять по ночам. В началѣ Декабря она почувствовала себя так плохо, что перестала сходить вниз. Лѣчившій ее доктор был недоволен ея легкими, посылал ее в горы, но она не в силах была превозмочь свою апатію и что нибудь предпринять.

Пріѣхав из Парижа, встрѣчать Рождество вмѣстѣ с дочерьми, Рдищевы пришли в ужас от ея состоянія и Михаил Анатольевич энергично потребовал, чтобы она послѣ Новаго Года ѣхала в Санкт-Моритц.

Рождественскій вечер был отпразднован елкой для Таты, которую задарили игрушками и которая весь вечер царила среди взрослых, как королева.

За ужином возник разговор об отъѣздѣ Ирины и о планах остальных обитателей виллы Бельвю.

— Я, кажется, всѣх удивлю своим рѣшеніем, — неожиданно сказал Тверской избѣгая взгляда Ирины. — Я хочу ѣхать с дочерьми в Россію. Наше мѣсто теперь там.

— Ура! — Воскликнула княжна Марія.

— Бгаво, папа! — бурно поддержала ее сестра.

Михаил Анатольевич и Нина Петровна невольно переглянулись. Они поняли, что должны отказаться от надежды увидѣть Ирину женой Тверского.

— Но как же? Тогда я останусь здѣсь одна! — Испуганно воскликнула Талочка.

— Нѣт, ты поѣдешь в Париж и перенесешь свою дѣятельность туда, — отвѣтил ей отец.

Всѣ сидящіе за столом поняли, что означало рѣшеніе Тверского и общее настроеніе стало нѣсколько натянутым.

Нина Петровна поднялась с кресла.

— Уже полночь, — сказала она. — Я думаю, пора спать.

— Ах, нѣт, мамина. Такая чудная ночь. Я хочу немного пройтись в саду, — возразила Талочка.

— И мы с тобою, — за себя и за сестру сказала Анна. — Идемте наслаждаться Ривьерой напослѣдок... Скоро увидим снѣга Россіи. Allons! Chaîne chinoise...

Взявшись за руки „три граціи" выбѣжали из столовой.

Рдищевы простились и ушли к себѣ.

Ирина осталась одна с Тверским. Они долго молчали. На елкѣ коптя догорала свѣчка. Красный воск струился с нея. Капал с вѣтки на вѣтку и застывал на них коралловыми слитками. Золотое пламя вытягивалось, трепетало, дрожало.

— В огнѣ есть что то одушевленное, — задумчиво сказала Ирина. — Вѣдь, чтобы дышать, ему необходим воздух, он питается истребляя какое нибудь вещество...

— Вы одобряете мое рѣшеніе уѣхать, Ирина Михайловна? — Прерывая ее, мягко и негромко спросил Тверской.

— Да. Простите меня, князь. При других условіях все было бы иначе. Вы сами видите, я больна, я невыразимо устала от жизни.

— В двадцать три года?

— Мнѣ кажется, что я живу так долго! Но зачѣм об этом говорить? Скажите мнѣ лучше, что вы понимаете меня и что в вас нѣт горечи...

— Нѣт, я понимаю вас и должен покориться... пока... Может быть когда нибудь... Гете находит, что страх и надежда враги человѣчества. Я не согласен с этим. Потерявшему способность надѣяться, остается только умереть

— Как вы правы...

— Ирина Михайловна, в ваши годы грѣх так отчаиваться. Время залѣчивает всѣ раны. Обѣщайте мнѣ только одно... Если кто нибудь... то это буду я.

— Никто... Никогда...

— Вы безжалостны.

— Я не могу лгать. Моя личная жизнь кончена.

— Я не могу, не могу этому повѣрить.

Ирина встала и устало протянула ему руку.

— Спокойной ночи.

Тверской молча проводил ее до темной лѣстницы, ведущей во второй этаж, повернул выключатель и печальным взглядом проводил медленно поднимающуюся по ступеням Ирину, пока она не скрылась с его глаз.

Тогда он потушил свѣт и вышел на террасу, над которой ярко и спокойно сіяли звѣзды.

XXX.

Рдищев сам отвез Ирину с Татой и Аннунціатой в Санкт-Морitц. Она хотѣла остановиться в небольшом скромном пансіонѣ, но он настоял на том, чтобы она поселилась в Гранд-отелѣ, директора котораго он хорошо знал и который обѣщал ему лично заботиться о покоѣ, удобствах и даже здоровьи мадам Волгиной. Рекомендованный им врач освидѣтельсвовал Ирину, написал для нея нѣсколько рецептов, распредѣленіе дня, обѣщал заходить каждое утро, разсказал веселый анекдот и откланялся смѣясь.

Однако он долго разговаривал с Михаилом Анатольевичем в коридорѣ и это убѣдило Ирину в том, что состояніе ея легких вызвало в нем опасенія.

Отец вернулся к ней озабоченным, умолял ее слѣдовать предписаніям доктора, предложил ей остаться с нею на нѣсколько недѣль и был так разстроен, что ей пришлось долго успокаивать его и уговаривать немедленно отправиться в Париж, гдѣ ждали его неотложныя дѣла.

Однако, когда он уѣхал на другой день, она почувствовала себя осиротѣлой и совсѣм покинутой в этом новом горном мірѣ, среди чужих людей.

Двѣ смежныя свѣтлыя комнаты с общим балконом, которыя занимала в третьем этажѣ, были еще чужды ей и точно населены тѣнями живших в них до нея людей, полны их флюидами. Кровать, на которой спали, думали, может быть плакали многіе, отталкивала ее.

Уложив Тату спать и пообѣдав в своей спальнѣ, она подошла к окну: мрак, полная глухая тишина, золотые огоньки разсыпанные вдалекѣ.

Тяжелый камень опустился на ея сердце.

Она пріоткрыла дверь в комнату дочери. Аннунціата сидѣла у завѣшанной лампы и что то шила.

— Синьорѣ угодно?

— Нѣт, cara, ничего... Спокойной ночи.

Превозмогая себя, Ирина легла в холодную, враждебную постель, к которой как то особенно удобно была привинчена лампочка для чтенія в оранжевом абажурѣ.

Газеты, книги, журналы лежали рядом, на придвинутом круглом столѣ. Но Иринѣ не читалось... Что могли ей дать всѣ эти испещренные черною печатью листы, полные ужасами войны. Она нерѣшительно достала из своей любимой шкатулки, стоявшей между стѣной и подушкой, портреты Клода. Это помогло. Затихла ноющая в сердцѣ тоска. Любимыя черты стали вызывать отрадныя воспоминанія: Торчелло... лагуны... солнце... любовь... Потом Москва, японская комната, полная жарких огненных бликов и темных тѣней... Атласное ложе у камина, впервые испытанная страсть...

Благословенны мечты, всемогущія, волшебныя силы разрушающія тягостную дѣйствительность, создающія свои отрадные міры!

На слѣдующее утро началась новая эра в жизни Ирины: первыя недѣли лѣченія она, не вставая, лежала закутанная в одѣяла из верблюжьей шерсти в постели, с ранняго утра выставленной на балкон. Смотрѣла на спокойное стеклянное небо и дышала, дышала, дышала чистым, подмороженным в ледниках, цѣлебным воздухом Санкт-Морица. Она жила теперь только для того, чтобы дышать, думать и смотрѣть все на то же небо, на тѣ же абрисы гор, на тѣ же рѣзные деревянные зубцы балкона.

Солнце круглое и красное поздно выкатывалось из-за горных высот. Медленно блѣднѣя, оно распутывалось горячими золотыми нитями-лучей и заливало ими дѣвственный снѣг самаго изысканнаго на землѣ, населеннаго милліонерами и знаменитостями, городка.

В полдень Ирина сбрасывала верхнее одѣяло и покрывала кремом горящее и шелушащееся от остраго воздуха лицо.

Только что вернувшаяся с утренней прогулки Тата, прыгала вокруг нея и разсказывала ей свои впечатлѣнія, забавно мѣшая языки.

— Мамочка, сегодня много bobsleigh катятся с горы. И всѣ дамы и messieurs кричат: „ga-a-are! boo-oooood!" И вдруг всѣ „бух." Падают в снѣг. Ціата катала меня на салазках по льду,—оживленно болтала дѣвочка, пока лакей подавал Иринѣ завтрак.

Потом Аннунціата уводила свою питомицу, кормила ее, укладывала спать и в царствѣ Ирины снова наступала тишина.

На горах появлялись уж знакомыя синія тѣни, солнце уплывало все выше, исчезало за углом отеля. Было тихо, тихо. Воздух был почти неподвижен. Только изрѣдка, сбѣжавшій с какого нибудь „пица", вѣтерок пробѣгал по лицу Ирины, оставляя вкус глетчера на ея губах.

Сначала ея неподвижность была ей в тягость, но она постепенно привыкла к ней, привыкла к пассивному состоянію больных не испытывающих физических страданій, во время которых тѣло почти не ощущается и полною жизнью живет лишь душа.

Болѣзнь дѣлает человѣка воспріимчивѣе, сознательнѣе, сложнѣе и вмѣстѣ с тѣм-проще. Она усиливает его чуткость, его внутреннюю цѣнность.

Ирина испытала это на себѣ. Она почти физически ощущала, как постепенно успокаивается ея измученная душа, как освобождается она от каких то темных пут, от страстей, и становится ясной и невозмутимой.

Эта ясность души дополнялась особенной отрадной легкостью и абстрактностью мышленія.

Все, что прежде казалось ей темным и несвязным в ея жизни, в ея переживаніях, все что мучило ее смутным чувством отвѣтственности перед судьбой, постепенно освѣтилось внутренним смыслом, получило внутреннюю связь и навсегда отошло он нея, словно растворившись в ея прошлом.

Отойдя от внѣшней жизни, она равнодушно относилась к трагичным событіям, волновавшим в это время весь мір.

Услыхав второго Марта об отреченіи Государя от престола, она приняла это извѣстіе как ложный сенсаціонный слух и только подробное письмо отца убѣдило ее в том, что в Россіи началась революція. Она приняла это пассивно: „Россія, революція, война"... Все это было теперь так далеко от нея. Даже мысль о том. что она может потерять все что имѣет в Россіи, не тревожила ее.

Полная умиротворенія она снова, как послѣ попытки на самоубійство в Венеціи, нашла себя, но уже иною, знающею жизнь, закаленною страданіем, примиренною с ним и готовою заполнить свое мѣсто в жизни, какія требованія не предъявила бы ей судьба.

Выздоравливая душой, она одновременно выздоравливала тѣлом.

Доктор удивлялся быстротѣ, с которою поправлялись ея легкія. В концѣ Марта он объявил ей, что она совершенно здорова, но посовѣтовал

ей, из предосторожности, остаться еще нѣкоторое время в горах.

С тѣх пор, как ей разрѣшено было дѣлать долгія прогулки, она так полюбила Санкт-Моритц, что охотно согласилась остаться в нем до весны.

Она жила в этом сверх-свѣтском и сверх-элегантном городкѣ милліонеров своею обособленной жизнью, внѣ его оживленно-праздничнаго ритма, вдали от его развлеченій и спортивных сенсацій, о которых она слышала от ежедневно приходившаго справляться о ея здоровьи и о ея желаніях директора отеля, часто жаловавшагося ей на то, что с начала войны очень тихо стало в Санкт-Моритцѣ, что в нем особенно замѣтно то, что мобилизована почти вся европейская молодеж.

Однако, отели были полны, магазины отлично торговали. Ежедневно происходили какія-нибудь спортивныя торжества: то „бобы“ состязались на Креста-Рун, то конькобѣжцы на стадіонѣ, то под жгучим январским солнцем устраивались скачки, то скіерринги на расчищенном озерѣ.

По вечерам, в ресторанах и других залах больших отелей, давались банкеты, обѣды и вечера, для которых аэропланы привозили с Ривьеры легкія плетенки полныя роз, тюльпанов и орхидей.

„От пяти, до семи“, ежедневно происходило нарядное корзо на самом высоком в мірѣ променадѣ, на Корвиліи, у подножія которой живописно разстилался весь Энгадин.

Но Ирина упорно держалась в сторонѣ от фешенебельных мѣст и прогулок. Отдохнув послѣ завтрака, она, надѣв свой вѣчный черный вязанный костюм и такой же берет, уходила странствовать. Разсѣянно проходила мимо огромных, роскошных витрин магазинов, мимо катка, с котораго доносилась музыка, и направлялась в лѣс,

гдѣ часами бродила по снѣжным дорожкам под густыми темно-зелеными вѣтвями высоких елей.

Тишь лѣсная всегда навѣвала на нее печаль, до сладостной боли углубляла в ней чувство одиночества. Ей чудилось порою, что вымерло все человѣчество, что за окружающими ее, поросшими хвойными лѣсами, горами ничего уже больше нѣт, что все, все исчезло из міра вмѣстѣ с ея прошлым. Нѣт больше Клода... Нѣт его дома, цвѣта пармской фіалки, в Парижѣ. Нѣт ни Парижа, ни Торчелло, ни Венеціи. Все сгинуло, как марево, разсѣялось и исчезло вмѣстѣ с ея счастьем.

Только одно, самое близкое сердцу, несомнѣнно еще осталось на землѣ, — это завѣянная снѣгом часовня на кладбищѣ за Москвой...

„Господи... Господи... Когда перестанет это воспоминаніе прерывать дыханіе от боли"?...

Чтобы отогнать тяжелыя мысли, Ирина заставляла себя думать о счасливых днях, проведенных ею с де Валером. Теперь они казались ей, одинокой, живущей внѣ жизни и ея радостей, — нереальными, невообразимыми, как райскіе сны.

Она особенно любила вспоминать первое время своего знакомства с Клодом в Венеціи. У нея сложилась почти система вспоминать, доставать из своей памяти какой нибудь день, проведенный с Клодом и внимательно вспоминать всѣ его мельчайшія подробности. Дойдя до какого нибудь исключительно любимаго момента, она повторяла его по нѣсколько раз: вот Лидо... Солнечное утро. Она и Клод сидят в купальных костюмах на бѣлой душегубкѣ, которая быстро скользит по гладкой поверхности воды. Клод что то говорит... она слушает его, спокойная, безмятежно счастливая... Вдруг черепаховый гребень, сдерживающій ея локоны, выпадает из них, летит

в воду, она дѣлает рѣзкое движеніе, чтобы поймать его... Душегубка опрокидывается... Клод и она падают в море...

Все это Ирина продумывает быстро, „начерно"... Но вот, вот подходит радостное... сказочное... почти не реальное. Она находится в прозрачно-голубом царствѣ, под водою... Ей легко было бы выплыть, но она почти без сознательно хочет быть „спасенной" Клодом. Он уж около нея, еле ощутимо охватывает ея стан... Она вся отдается этому хрупкому безплотному объятію... Ей кажется, что если ударятся вдруг друг о друга их твердыя, холодныя, блестящія тѣла, они зазвенят как хрусталь...

Воспоминаніе об этом первом хрустальном, почти звенящем объятіи, об этом первом прохладном цѣломудренном сближеніи с Клодом, было особенно дорого Иринѣ и часто цѣлыми серіями вызывалось ею на фильмовой лентѣ ея памяти.

Она так терялась в этих снах, что забывала время и часто возвращалась в город, когда было уже темно.

Перед тѣм, как вернуться домой, она заходила в кондитерскую. Привѣтливо звякал звонок, когда она открывала дверь. Биби, мохнатая сѣренькая собаченка хозяйки, заливаясь радостным лаем, бѣжала ей навстрѣчу и принимала принесенный в карманѣ костюма кусочек сахару из ея рук.

Хозяйка, блѣдная старая дѣва, в сѣдых буклях и высоком бѣлом воротничкѣ, не спрашивая подавала ей плитку шеколада Кайэ для Таты и начинала разговор о погодѣ, которую умѣла безошибочно предсказывать.

— Завтра задует фен. Это плохо для лыж, — озабоченно говорила она, или предвѣщала: — завтра мадам увидит интересное зрѣлище,

—море облаков! Весь Энгадин исчезнет под дымчатыми волнами... Я никогда не ошибаюсь. Недаром называют меня в Санкт-Морицѣ живым барометром.

Ирина обмѣнивалась с нею нѣсколькими фразами, клала шеколад в карман и быстрыми шагами направлялась домой.

В ярко освѣщенном холлѣ отеля сновали только что переодѣвшiеся к обѣду в смокинги, загорѣвшiе от солнца Санкт-Морица, изысканно элегантные мужчины и дамы в драгоцѣнных открытых туалетах. Нѣкоторыя из них были в опереточном траурѣ: бѣлых крепсвых вуалях, бѣлых платьях, отороченных черным сукном, или наоборот. В Парижѣ только что прогремѣло новое законодательство, какого то короля „высокаго шитья" о том, что мрачный траур не подходит к радостной смерти героев, павших за славу своей родины на войнѣ, и тот час же нашлись смѣлыя послѣдовательницы этой новой эксцентричной моды.

В этот час флирты были в самом разгарѣ. Свѣтскiя львицы и звѣзды полотнянаго неба наперебой старались увлекать флегматичных миллiонеров, или не менѣе избалованных фильмовых магнатов.

Молодежь сбившись в кучку шумно обсуждала какое нибудь спортивное событiе. Из ресторана доносились звуки оркестра.

Увидѣв Ирину, директор с низким поклоном подходил к ней и подавал ей письма. Взгляды всѣх присутствующих обращались к ней.

Всѣх интересовала эта трогательно красивая блѣдная молодая женщина, всегда одинокая, всегда одѣтая в тот же простой черный костюм. О ней уже сложились цѣлыя легенды: ходили слухи, что она вдова русскаго великаго князя, убитаго на войнѣ, по другой версiи, она была любовницей

какого то, только что застрѣлившагося в Парижѣ, аристократа. Ея трагическій облик дѣйствовал не только на воображеніе мужчин. Многія дамы, прежде считавшія неотразимыми свои воздушные черные туалеты и свои яркіе спортивные „дресс“, стали, подражая ей, появляться в узких и длинных темных костюмах без драгоцѣнностей, без накрашенных губ.

„Стиль красивой незнакомки“, пустил кто то крылатое словцо.

Не слыхала его одна Ирина. Не замѣчая никого, она, пересѣкая холл, направлялась к лифту и поднималась к себѣ.

В ея комнатах было уютно и тепло. „Куколка-Тата“ сидя в высоком стульчикѣ уже кушала свой обѣд.

— Шеколад? — Неизмѣнным вопросом встрѣчала она мать.

— Принесла, но сначала все скушай.

Ирина присаживалась к ней, принимала ложку из рук Аннунціаты и брала на себя трудную задачу попадать ею в капризный ротик, неустанно болтающій ротик Таты.

— Ну, скушай же ложечку шпината за маму... и эту за Ціату... Ну, еще одну за твоего паяца Петьку... Еще одну за собачку Биби. Она тебѣ кланяется. Ты ей завтра кусочек сахару отнесешь...

Наконец, доходил черед до шеколада, до разсматриванія картинок, до сказок, до умыванія, до молитвы и до бѣлой постельки.

— Мамочка, еще разскажи о гадком утенкѣ, — лепетала дѣвочка уже засыпая.

Ирина крестила ее, долго с безконечной любовью смотрѣла на ея розовое личико с закрытыми глазками, на ея пухленькія ручки. Потом уходила в свою спальню, гдѣ ее ждали чай, холодный ужин, книги и портреты Клода.

XXXI.

Радостной бурей ворвался в эту тихую жизнь Ирины неожиданный пріѣзд Нины Петровны с „дѣтьми“.

— Соскучились мы без тебя, Ирина, сил нѣт! — Говорила Талочка обнимая сестру. — Уж с перваго дня твоего отъѣзда стали рваться к тебѣ. Наконец, не выдержали, все бросили на двѣ недѣли и пріѣхали сюда.

Боб визжал и прыгал катая хохочущую Тату на своей спинѣ. Нина Петровна разсказывала парижскія новости и жаловалась на осложненія в процессѣ с Мордатовыми.

Ирина улыбалась счастливой улыбкой, цѣловала то мамину, то Талочку, но голова ея шла кругом и когда ея гости потребовали от нея, что бы она спустилась с ними завтракать в ресторан, она рѣшительно запротестовала.

— Это невозможно, мамина! — Воскликнула она. Мнѣ нечего надѣть. Там так элегантно, так шумно...

— Как нечего надѣть? — Удивилась Нина Петровна. — Почему?

— У синьоры только один черный костюм,— обвинительницей выступила Аннунціата. — Я так просила синьору купить себѣ что нибудь свѣтлое. Но синьора не хочет. Здѣсь такіе чудные магазины, все можно купить готовым.

— Талочка, сейчас же отправляйся с Аннунціатой и купи Иринѣ бѣлый вязанный костюм и все что надо. Живо! — Приказала падчерицѣ Нина Петровна.

— Да нѣт же, я не могу... Я привыкла к черному, — попыталась возразить Ирина.

Но Талочка и Аннунціата уже выбѣжали из комнаты.

Онѣ вскорѣ вернулись нагруженныя пакетами и энергично принялись наряжать Ирину.

— Мучительницы вы мои, — стонала та покорно просовывая руки в рукава и пробуя ногой бѣлыя замшевыя туфли.

— Что, не жмут? — Озабоченно спрашивала Талочка, сидѣвшая на коврѣ и дѣловито щупавшая бѣловатый замшевый носок. — Кажется они немного длинны? А? Ирина?

— Нѣт, хорошо...

— Ирина, жемчуг надѣнь, а то он потускнѣет, — тоном, не допускающим возраженія, потребовала Нина Петровна надѣвая на Ирину длинную жемчужную нить. — Как можно не носить жемчуг, вѣдь без прикосновенія твоей кожи он медленно умирает...

— Ирина, берет к тебѣ очень идет. Я на себя его мѣрила, — говорила Талочка оправляя бѣлую вязанную шапочку на головѣ сестры. — Постой, только здѣсь его надо чѣм нибудь придержать... Ах, лучше всего твоей брилліантовой стрѣлкой. Аннунціата, гдѣ стрѣлка синьоры?

— Талочка, да оставь ты меня, ради Бога, — смѣясь взмомилась Ирина. — Я в обморок упаду.

— Сейчас... сейчас... Ну, готово! Мамина, Боб, идите сюда! Ирина готова. Хорошо я ее нарядила?

Ирина растерянно смотрѣла на себя в зеркало. Ей было не по себѣ. Было странно, почти стыдно видѣть себя всю в бѣлом, в жемчугах. Почти жутко. Точно силой вытолкнули ее из тихаго полумрака ея печальной жизни на яркій свѣт.

Ея появленіе в ресторанѣ произвело сенсацію.

„Красивая незнакомка“ вся в бѣлом. С нею другая, похожая на нее красавица, вся в голубом... Пожилая дама, вѣроятно мать“...
Директор еле поспѣвал отвѣчать на разспросы.

— Это извѣстная русская семья, — разсказывал он. — Нѣт, не вдова великаго князя... Дамы ни с кѣм не желают знакомиться.

Завтрак за рдищевским столом прошел оживленно. Нина Петровна жаловалась на Талочку за то, что она отказывает всѣм женихам, хочет остаться старой дѣвой.

— Я на эту тему даже стихи написал, — вмѣшался в разговор Боб.—Вот они, Ирина, послушай:

„Всѣ хотят на ней жениться,
И маркиз и баронет,
А она всѣм: нѣт да нѣт“...

Талочка шутливо защищалась и так смѣшно описывала претендентов на ея руку, что сама хохотала и слушающіе вторили ей.

Но больше всѣх говорил Боб.

— Это просто мука для меня сидѣть в Сенсирѣ и долбить предметы, когда мальчики, которые старше меня всего на нѣсколько лѣт, участвуют в геройских праздниках на войнѣ, совершают подвиги! Горячо жаловался он Иринѣ. — Если бы я не дал слово папа, я давно удрал бы хоть на французскій фронт. Но я дал папа слово будущаго офицера. Ах, если бы только продлилась война, чтобы я успѣл...

— Да, что ты, Боб? Опомнись! — С ужасом прервала его мать.

— Мы сейчас послѣ завтрака пойдем с Бобом кататься на салазках и Тату возьмем с собою, — сказала Талочка.

— Только будьте осторожны, — попросила Ирина. — Я не могу пойти с вами. Я страшно устала и должна отдохнуть.

Встав из-за стола, она поднялась к себѣ и, сняв берет, прилегла на кушетку. Аннунціата покрыла ее мѣховым пледом и, захватив салазки, опустилась в холл, гдѣ их ждали Рдищевы.

Оттуда они всѣ отправились к снѣжной горѣ

— Бо-о-об, бо-о-о-о-о-об! — Сначала издали, потом все ближе и ближе доносились громкіе молодые голоса.

— Это меня зовут, — съострил Боб.

В эту минуту из- за крутого поворота горы вылетѣли узкіе длинные салазки, с четырмя запорошенными снѣгом шерстяными человѣчками, в один голос кричащими:

— Ga-â-are!

— Здѣсь опасно для Таты, Боб. Пойдем, покатаем ее с дѣтской горки, — предложила Талочка.

— И я с вами, — сказала Нина Петровна. — На дѣтской горѣ и я покатаюсь с Татой.

Однако, и дѣтскій спорт ее быстро утомил. Полюбовавшись немного на то, как барахтались ея дѣти в снѣгу, как они полубѣгом таскали салазки в гору и скатывались с нея с визжавшей от восторга Татой, она, простившись с ними, неторопливо отправилась домой, подробно разсматривала по дорогѣ витрины магазинов и, поднявшись по ступеням своего отеля, остановилась вблизи от его вращающейся двери, чтобы посмотрѣть на барометр.

В эту минуту к подъѣзду гостиницы подкатили, весело звеня бубенчиками, нарядные парные сани. Красивыя лошадки храпѣли кивая гордыми головками, на которых качались пышные султаны из ярких перьев.

Нина Петровна полюбовалась ими, потом бросила разсѣянный взгляд на пріѣхавших, к которым услужливо бросился шассер в красивом мундирчикѣ и умѣлым движеніем отстегнул мѣховую полость.

Первым соскочил на землю высокій стройный господин в короткой спортивной шубѣ. Отстранив шассера, он сам помог двум элегантным дамам и очень красивому старику выйти из саней.

„Французскіе аристократы", промелькнуло в головѣ Нины Петровны. „Какое знакомое лицо у молодого господина. Я гдѣ то уже видѣла его".

Она сдѣлала невольное движеніе вперед. Высокій господин замѣтил ее, задержал на ней взгляд и вдруг, сняв мѣховую шапку, быстро к ней подошел.

— Неужели я не ошибаюсь? Мадам Рдищева? — С удивленіем спросил он цѣлуя ея руку.

— Маркиз де Валер? — Вопросом отвѣтила ему Нина Петровна.

— Да, это я. Какая неожиданная встрѣча, — с трудом подавляя волненіе, отвѣтил де Валер. — Я был бы очень счастлив, если бы у вас нашлось нѣсколько минут, чтобы побесѣдовать со мною, разсказать мнѣ о вашей очаровательной семьѣ, о которой я так давно ничего не знаю.

— С удовольствіем, маркиз. У меня много свободнаго времени. Хотите, войдемте в холл?

— Я вам безконечно признателен. Одну минутку. . . Я только объясню. . .

Подойдя к своим спутникам, он сказал им что то и тот час же вернулся к Нинѣ Петровнѣ.

— Клод, мы будем на каткѣ!—Крикнула ему вслѣд очень красивая брюнетки.

— Хорошо. Я приду туда. A tout à l'heure,— отвѣтил де Валер.

Войдя вслѣд за Ниной Петровной в холл, он сбросил шубу, которую подхватил из его рук директор отеля.

— Господин маркиз, я так давно не имѣл удовольствія. . .

— Я только что пріѣхал.

— Господин маркиз остановился не у нас?

— Я живу в новом шалэ отца, около Мартиньи. Пожалуйста, пришлите нам горячаго мокка. Он здѣсь особенно хорош, — сказал де Валер обращаясь к Нинѣ Петровнѣ и садясь с нею за круглый стол у большого зеркальнаго окна, выходящаго в покрытый голубыми снѣгами сад.

— Не даром говорят, что свѣт очень мал. Я удивлен видѣть вас в Швейцаріи! Вѣдь проѣзд сюда из Россіи теперь так сложен и не безопасен.

— Мы пріѣхали заграницу еще до войны.

— Как поживает... ваша старшая дочь? — Не сдержал нетерпѣливаго вопроса де Валер.

— Ирина? Ах, очень плохо! Вы знали ее в счастливыя времена. Бѣдная, она пережила столько горя с тѣх пор. Послѣдніе годы были ужасны для нея. Она разсталась с мужем...

— Не может быть, — сорвалось у де Валера. Она ушла? Она рѣшилась уйти от Волгина, без котораго она не могла жить? Для кого же?

— Вы ошибаетесь. Она осталась ему вѣрна. Но вскорѣ послѣ рожденія дочери она заболѣла нервным разстройством. Доктор послал ее заграницу. Во время ея отсутствія, Кирилл сошелся с с пожилой женщиной, которая обирала его и которая, как говорят, помогла ему умереть.

— Он умер?

— Вот уж два года! Ирина чуть не погибла от горя. Она долго болѣла, но совершенно поправилась теперь и навѣрно будет рада возобновить знакомство с вами.

— Ирина здѣсь? — Де Валер так стремительно поднялся с кресла и так поблѣднѣл, что это удивило Нину Петровну.

— Да, Ирина здѣсь уж с Января! Кажется спит сейчас в своей комнатѣ. Я поднимусь к ней, чтобы разсказать ей о нашей встрѣчѣ. Я должна предупредить ее. Она стала дикаркой. Никого не хочет видѣть, живет затворницей. . .

— Мы такіе старые знакомые. . . Она сдѣлает исключеніе для меня. Позвольте мнѣ подняться к ней с вами, — еле сознавая то, что он говорит, сказал до головокруженія взволнованный де Валер.

— Пожалуйста, — любезно, но нѣсколько растерянно отвѣтила Нина Петровна встав из-за стола и направляясь к подъемной машинѣ.

„Что это с ним?" Недоумѣвающе думала она, украдкой слѣдя за своим спутником. „Развѣ он Ириной интересовался? Я не замѣчала никогда. Однако, он сам не свой. Точно разсудок потерял. Зеленый весь. Руки дрожат. Никак не может портсигар в карман положить. Непостижимо".

Однако, когда войдя в комнату падчерицы она, как самую обыкновенную на свѣтѣ вещь, сказала ей, что маркиз де Валер ждет в коридорѣ разрѣшенія войти, удивленію ея было суждено перейти в крайнее изумленіе.

Ирина вскочила с кушетки, судорожно сжала руки на груди, огромные глаза ея с почти безумным выраженіем устремились на дверь, которая тот час же раскрылись, перед не вынесшим ожиданія де Валером.

Какой то ужас счастья освѣтил лицо Ирины. Она не шевельнулась, глаза ея не мигая смотрѣли на де Валера с таким недовѣріем, с таким напряженіем, с таким страхом, точно боялась она, что перед нею только видѣніе, которое она может спугнуть одним взмахом рѣсниц.

Нина Петровна перевела взгляд на де Валера и прочла в его чертах то же, что и в чертах Ирины. Сходство их выраженій поразило ее. Они забыли все в мірѣ, видѣли только друг друга и, потрясенные до самой глубины своего существа, не могли овладѣть дѣйствительностью, которая казалась им сном.

Нина Петровна безшумно выскользнула из комнаты.

Впослѣдствіи Ирина никогда не могла понять, как приблизился к ней Клод. Но мгновеніе, когда она вдруг упала на его грудь и когда руки его с таким безпамятным порывом, с такою силой охватили ее всю, словно навсегда заключили ее в объятіе. Это мгновеніе высшей душевной освѣтленности и высшей завершенности счастья, доступнаго смертной душѣ, навѣки осталось у нея в памяти.

Де Валер пережил его с тою же силой.

Их души, потеряв связь со всѣм земным, соединились воедино. Над ними севершилось таинство нерасторжимаго духовнаго брака. Они молитвенно приняли его и тотчас же непомѣрное духовное напряженіе их оборвалось.

Легкія сладостныя слезы хлынули из глаз Ирины.

— Жена моя, — чуть слышно прошептал де Валер.

Не разжимая объятія он опустился с нею в кресло.

Она уронила голову на его плечо, вся приникла к нему, почувствовала біеніе его сердца так сильно, точно билось оно в ея груди.

— Мое... мое сердце, — горячо прошептала она.

— Как долго ты обходилась без него, — вырвалось у де Валера.

— Обходилась? Ах, Клод... С тѣх пор, как ты ушел от меня тогда... я больше не жила... Я медленно умирала от тоски по тебѣ. Иногда моя жизнеспособная натура брала верх, я успокаивалась, поправлялась, но не на долго... Тоска по тебѣ снова набрасывалась на меня. Тогда я точно сходила с ума. Вѣчно, вѣчно я думала о тебѣ... Только о тебѣ... Вспоминала каждое твое слово, каждое твое движеніе... Твой смѣх. Иногда ты был со мною, как живой. Эти галлюцинаціи продолжались мѣсяцами, я ими жила... Стала бояться людей, избѣгать всего, что мѣшало мнѣ думать о тебѣ...

— Ирина...

— Слушай... Когда я была одна, ты всегда, всегда был со мною. Мы плыли под водою... как тогда. Помнишь, на Лидо? Играли в гольф в Альберонѣ. Я была счастлива... Никогда не уставала думать об этом. Вспоминать все то же, все то же... Ах... иногда ко мнѣ подкрадывались воспоминанія о наших тяжелых объясненіях в Москвѣ... о том, как ты ушел в послѣдній раз. Тогда я, как тяжело больная, ложилась в кровать... Плакала всю ночь. Я не позволяла себѣ думать о том, что ты гдѣ то живешь, дышишь, смѣешься... Я научилась это забывать, жить с тобою в прошлом... в мечтах... Мнѣ кажется, что я близка была к безумію... Это становилось моей маніей, думать, думать о тебѣ... О тебѣ.

— Почему ты не позвала меня? Почему?

— Позвала. Но было уже поздно.., Ты был уже женат. .. Клод, что было со мною, когда я узнала . . . Но сейчас эта мысль не причиняет мнѣ боли. . . Она вызывает во мнѣ только недоумѣніе... Я знаю, что ты останешься со мною . . .

— Что за бред, Ирина? И ты могла повѣрить?

Сердце Ирины остановилось в груди.

— Ты не женат?

— Не понимаю, кто мог придумать такую безсмысленную сплетню.

— Но я сама, сама говорила по телефону с матерью твоей жены. Она сказала мнѣ, что ты совершаешь свадебное путешествіе.

— Теперь понимаю . . . Ты разговаривала с тещей моего отца, которая сумѣла женить его на своей дочери, красивой и богатой куколкѣ, желавшей стать маркизой. Но как могла ты повѣрить... Ирина . . . Ирина . . . За что такое недовѣріе ко мнѣ . . . К моей любви . . .

— Ты сколько мѣсяцев молчал?

— Ты знаешь почему. Я ждал, что ты позовешь меня. Что ты сдашься, наконец. . . Ах, забудем всѣ эти муки прошлаго. Забудем навсегда...

Де Валер тѣснѣе прижал к себѣ обезсиленное истомой счастья тѣло Ирины. Их духовное опьяненіе любви перешло в опьяненіе страстью.

Кто то тихонько постучал в дверь.

— Это мамина, — прошептала Ирина.— Милый . . . Любимый мой . . .

— Мы только что были в ином мірѣ . . . Да? В мірѣ, который принадлежит нам одним . . . Тебѣ и мнѣ . . .

— Тебѣ и мнѣ. . .

За дверью снова раздался робкій стук.

— Меня навѣрно ищут, — сказал де Валер. Я пріѣхал сюда с сестрой, отцом и его женою. Разстался с ними на нѣсколько минут и пропал.

Как они удивятся, когда я представлю им свою невѣсту. Ирина, дорогая, доставь мнѣ радость ... Спустимся к ним вмѣстѣ на каток.

— У меня кружится голова ... Я ничего не понимаю ... Они примут меня за сумасшедшую...— Слабо улыбаясь возразила Ирина.

— Да, вѣроятно у нас обоих не совсѣм нормальный вид, но это только усилит впечатлѣніе,— воскликнул де Валер, вмѣстѣ со своей драгоцѣнной ношей поднимаясь с кресла.

— Когда мамина узнает, она в обморок упадет, — медленными усталыми движеніями поправляя у зеркала волосы и надѣвая берет, сказала Ирина. — Ну вот ... Я готова ...

— Гдѣ твой губной карандаш?

— Зачѣм? Я не люблю красить губы ...

— Ты должна покрыть их помадой, -- не громко сказал он привлекая ее к себѣ и чуть улыбаясь. — Ты должна ... Я так хочу ... Без нея твои нѣжныя алыя губы кажутся обнаженными ... Я хочу их такими, когда мы одни ... Такими онѣ только мои ... Дай мнѣ их еще ... Дай ...

За дверью в третій раз послышался стук.

Выскользнув из рук де Валера, Ирина подбѣжала к ней и открыла ее. За нею стояла Нина Петровна.

— Маркиз, вас повсюду ищут,— сказала она.

— Мамина, родная, войди же, — радостно воскликнула Ирина обнимая мачеху.—Вот, позволь мнѣ представить тебѣ моего будущаго мужа.

— Но как же ... Я никогда не подозрѣвала ... Я совсѣм поражена, — не могла придти в себя Нина Петровна.

— Какое счастье, что я встрѣтил вас сегодня, — горячо произнес де Валер, цѣлуя ея руку. — Вы как ангел-хранитель появились мнѣ на порогѣ этого дома и повели меня к Иринѣ.

— Но я и понятія не имѣла...

Ирина и де-Валер вмѣстѣ разразились радостным молодым смѣхом.

— Ну, идем же скорѣе, дорогая,— обратился он к ней. — Я тороплюсь представить мою невѣсту моей семьѣ, — объяснил он обращаясь к Нинѣ Петровнѣ. — Надѣюсь, что вы спуститесь с нами.

— С удовольствіем. Ирина, стало свѣжо. Надѣнь горностаевую кофточку. Вот она, — заботливо сказала падчерицѣ Нина Петровна. — Вообразите, маркиз, я как раз сегодня немного пріодѣла ее. Послѣдніе годы она не занималась собою. Мѣсяцами ходила в том же черном платьѣ.

— Это правда, Ирина?— С безконечной нѣжностью заглядывая ей в лицо спросил де Валер.

— Не надо, не надо вспоминать... Увидишь, мамина, как я теперь буду наряжаться...

— Ирина, что это ты дѣлаешь? Зачѣм мажешь губы? Что это за новости? — Возмущенно запротестовала Нина Петровна.

— Так надо, мамина, — таинственно отвѣтила Ирина и улыбаясь бросила на де Валера взгляд из под опущенных рѣсниц.

Он налету поймал ея руку, поцѣловал ее и продѣл под свой локоть.

— В дорогу, в дорогу, медам.

Оживленіе на каткѣ, как и всегда в этот час, было в самом разгарѣ. Самый роскошный аксессуар снѣжной феерія Санкт-Морица, яркое солнце расточительно заливало своими драгоцѣнными цѣлебными лучами самое изысканное, самое избалованное общество на землѣ.

Оркестр играл какой то пѣвучій вальс. По матовому, шипящему под коньками льду кружились нарядныя пары, носились в воздушных разбѣгах корифеи конькобѣжнаго спорта.

За столиками, покрытыми оранжевыми скатертями, сидѣли знаменитые представители и представительницы из міра финансов, искусства и науки, аристократы с историческими именами, интернаціональные мошенники крупнаго формата, журналисты, „Шерлоки" разных національностей и королевы мод.

Прислуживающіе всѣм этим баловням судьбы, гарсоны, ловко жонглируя уставленными посудой подносами, дѣловито летали на коньках по ледяному паркету.

Увидѣв де Валера и его дам, метр д'оттель, изящно лавируя между публикой, подкатил к нему.

— Господин маркиз?

— Я ищу столик отца.

— Вот он, господин маркиз . . . Второй направо.

— Благодарю.

Сидящій за указанным метр д'отелем столиком красивый старик с сѣдой бородкой Henri IV, маркиз де Валер сеніор, уже дѣлал сыну знаки.

— Клод, куда же ты пропал? — Воскликнул он, когда тот подошёл к нему. — Мы посылали шассера тебя искать.

— Прости, папа. Я был очень занят, — в улыбкѣ излучая счастье, которым дрожал каждый его нерв, отвѣтил де Валер. -- Я объясню тебѣ все потом. Пока позволь мнѣ познакомить тебя с моей невѣстой. Вот она.

Послѣднія слова упали в изумленное молчаніе.

— Вот это я называю, un coup de théatre! — Смѣясь воскликнул, наконец, де Валер сеніор, поспѣшно вставая со стула и, поправив сухой породистой рукой золотое пенснэ на тонком римском носу, устремил на Ирину удивленный, любующій-

ся взгляд. — Мнѣ остается только поздравить, что я дѣлаю с особенным воодушевленіем, как истинный поклонник красоты. Мадам, я буду beau pèr'ом самой красивой женщины в Парижѣ.

„Тот был в душистых сѣдинах, старик, по старому шутливый“, промелькнуло в головѣ Ирины, когда она молча протянула ему руку, которую он галантно поднес к своим губам.

— Милочка моя, дайте мнѣ вас поскорѣе обнять. . . Как я рада. Как долго все это тянулось! Сколько лѣт! — Сердечно воскликнула графиня де Рено цѣлуя Ирину. — Клод, зачѣм ты скрыл от меня?

— Повѣрь, дорогая, что я сам удивлен не менѣе тебя! — Смѣясь отвѣтил ей брат. — Ирина, вот супруга моего отца, которая запрещает мнѣ называть ее maman. Я называю ее кузиной. Кузина Долорес, прошу вас любить мою будущую жену.

— Я вижу, что это будет нетрудно! — Экспансивно воскликнула красивая смуглая брюнетка испанскаго типа и порывисто протянула к Иринѣ свои, звенящія безчисленными браслетами и амулетами, маленькія руки. — Я буду вам идеальной свекровью. Но это забавно. . . Вѣдь мы одних лѣт. Прошу вас только об одном, не называйте меня Долорес. Ненавижу это претенціозное имя. Зовите меня Долли. A ça, Клод, если бы мнѣ кто нибудь сказал два часа тому назад, что вы женитесь, я закричала бы: c'est une blague! Вы знаете, Ирина, Клод — это новый тип: Дон Жуан, бѣгающій от женщин со скоростью трехсот километров в час.

Долорес, как плохо вы храните мои тайны.

— Это знает весь свѣт.

— Мнѣ, кажется, удобнѣе разговаривать сидя, — сказал старик де Валер.

— Маркиз, позвольте мнѣ познакомить вас с моей матерью, — обратилась к нему Ирина охватив рукою талію Нины Петровны.

— Ах, простите, мадам Рдищева! — Воскликнул де Валер.—Я совершенно потерял голову от непривычки быть женихом и забыл представить вам мою семью. Но теперь это сдѣлала Ирина. Папа, мадам, — мадам Рдищева, — моя будущая belle-mère. Вот, теперь всѣ знакомы и я думаю, что мы дѣйствительно можем расположиться за этим шатким столиком.

Старик де Валер усадил Ирину около себя и, сильно заинтересовавшись ею, втянул ее в длинный разговор.

Долорес безумолчно болтала с Ниной Петровной.

Клод что то под сурдинку разсказывал сестрѣ, но глаза его базпрестанно возвращались к Иринѣ, которая устало улыбалась ему чуть замѣтной улыбкой.

Она находилась в состояніи сна наяву. Оно, благотворно смягчая ея переживанія, давало ей силу выносить неожиданное потрясающее счастье, так внезапно обрушившееся на нее. В тяжелые годы своей юной жизни она научилась страдать. Счастье было ей не знакомо, оно ослѣпляло, парализовало ее.

— Когда же свадьба? — Громко спросила графиня де Рено. — Надѣюсь, скоро? Вы уж так долго ждете этого дня, что не захотите откладывать его.

— Как? Так давно? И я не знал? — Удивленно спросил старик де Валер.

— Уже много лѣт, папа, — смѣясь отвѣтила графиня.

Ах, эти дѣти . . . Все скрывают от отца!

— Мой муж и я раздѣлили вашу участь, маркиз, сказала Нина Петровна. — Мы не подозрѣвали...

— Это, — участь родителей, мадам. Но сегодня мы должны быть довольны нашими дѣтьми. Они приготовили нам пріятный сюрприз. Итак, Клод, когда же свадьба?

— Не знаю, папа. Очень скоро. Я завтра же займусь этим вопросом, — отвѣтил ему де Валер. — Дорогая, вы утомлены, становится свѣжо... Я провожу вас в отель, — озабоченно обратился он к Иринѣ.

Стало дѣйствительно прохладно. Каток опустѣл. Растратив всѣ свои золотые лучи, солнце снова скромно свернулось красным шаром и скрылось за кулисами гор.

— Нам всѣм пора домой, — вздрогнув сказала графиня де Рено.

Ирина испуганно взглянула на Клода.

— Я, конечно, остаюсь здѣсь, — поторопился он успокоить ее. — Мари, пришли мнѣ сюда мои сундуки с Пьером, — обратился он к сестрѣ.

Начались прощанія, обѣщанія скоро увидѣться.

— А гдѣ же наши дѣти? — Вспомнила Нина Петровна, когда сани звеня колокольчиками отъѣхали от подъѣзда.

Как раз в эту минуту Талочка и Боб вышли с цѣлой гурьбой молодежи из маленькаго тируиа, находящагося через дорогу от гостиницы.

— Дѣти, сюда, скорѣе, — по русски позвала их Нина Петровна. — Поздравьте Ирину. Она невѣста.

Талочка и Боб онѣмѣв от удивленія смотрѣли на сестру. Однако, за этим молчаніем по-

слѣдовал взрыв хохота, раздались поздравленія, поцѣлуи.

— Ирина устала. Ей слѣдует отдохнуть, — напомнил де Валер. — Я провожу ее наверх.

— Отлично, — одобрила Нина Петровна. — Встрѣтимся за обѣдом в ресторанѣ. А я пойду сейчас телеграфировать папа в Париж. Как он будет доволен.

Ирина со страхом ожидала первую встрѣчу Клода с Татой. Боялась замѣтить в нем отчужденность, даже враждебность к ребенку, который когда то разлучил его с нею. Однако, он с такою искреннею нѣжностью взял дѣвочку на руки и заглянул ей в лицо, что опасенія ея разсѣялись

— Синьор марчезе! Синьор марчезе! — С изумленіем повторяла Аннунціата. — Нѣт, когда синьор маркиз вошел в комнату, я не повѣрила своим глазам... Вот радость...

Де Валер смѣясь крѣпко пожал ея руку. Передал ей Тату и послѣдовал за Ириной в ея комнату.

— Я рад, что твоя дочка не похожа на тебя, — сказал он обнимая ее.—Твое лицо ты дашь моему ребенку.

— Ты будешь любить ее, Клод?

— Все, что близко тебѣ, — мнѣ дорого... Ирина, как мы будем счастливы... Мы обвѣнчаемся, я увезу тебя в Торчелло. Мнѣ дали отпуск на цѣлый мѣсяц.

— Отпуск? Кто дал тебѣ его?

— Мое военное начальство. Я был ранен.

— Клод... Клод...

— Как можешь ты так пугаться. Так блѣднѣть... Ты вся дрожишь. Дай, я положу тебя на диван, моя нѣжная... Вот так. Ну, да, я был ра-

нен в ногу. Легко. Но началось зараженіе крови. . . Теперь, ты видишь, я совершенно здоров.

— Клод, но вѣдь теперь ты останешься со мною? Не вернешься на фронт?

— Я, как каждый француз, исполняю свой долг по отношенію к родинѣ до конца. Ты это знаешь и не повѣрила бы мнѣ, если бы я отвѣтил иначе. Ты не будешь огорчать меня своим отчаяніем. Вѣдь ты моя, сильная, мужественная . . .

— Мысль, что я снова должна буду разстаться с тобою, так ужасна. . .

— Дадим друг другу слово не думать о разлукѣ, не отравлять наше чудное счастье мыслью о ней. Ты увидишь, я заставлю тебя забыть...

XXXII.

Письмо Ирины Еленѣ Сергѣевнѣ.

„Торчелло. Число? Не знаю. Вѣдь в раю нѣт календарей.

Дорогая моя, „бывшая королева счастья“, я развѣнчала тебя, ибо теперь я, я королева счастья всего міра. Я вижу испуг на твоем лицѣ! Ты думаешь: „бѣдная Ирина, видно, помѣшалась от горя в своих горах“. Ты ошибаешься. Я в полном разсудкѣ. Я не помѣшалась даже от счастья. Твои глаза нетерпѣливо бѣгут дальше по этим строкам, ты сердишься, хочешь поскорѣе прочитать то, о чем я пишу таким „цвѣтистым“ и загадочным слогом. Ну, так знай же: вот уже мѣсяц, как я маркиза де Валер. . . Этим все, все сказано! Я вижу тебя. . . твое изумленіе. . . Слышу твои радостные, стремительные вопросы: „Как? Когда?“ Это случилось так неожиданно, так просто и легко, как совершаются только чудеса. Живет ка-

кой-нибудь несчастный, весь скрюченный физически, или морально от страданія, или болѣзни человѣк, — вдруг его касается перст Божій и он мгновенно исцѣляется . . . Слѣпой, жившій годами во мракѣ, прозрѣвает и прозрѣв разом забывает пережитыя страданія. Ему кажется, что он так видѣл всегда. Так было и со мною: душевно измученная я жила в Санкт-Морицѣ, как живой труп. И вдруг, перст Божій коснулся меня . . . Открылась дверь моей комнаты и в нее вошел Клод, котораго мамина „случайно" встрѣтила у двери нашего отеля. И вот я его жена и счастлива . . . счастлива . . . счастлива. Клод был мнѣ вѣрен всѣ эти годы. На бразильянкѣ женился не он, а его отец. Каких страданій стоило мнѣ это недоразумѣніе. Однако, и это „должно" было быть. Но дальше, дальше. Ты хочешь узнать все подробно. Изволь: через недѣлю послѣ нашей встрѣчи мы „троекратно" обвѣнчались: сначала у мера, потом в католической церкви, а под конец, в одной из гостиных нашего отеля, гдѣ благословил нас на брак русскій священник, откуда то пріѣхавшій сюда по просьбѣ папа.

Всѣ эти торжественныя церемоніи закончились завтраком, на котором присутствовали только самые близкіе, семья Клода и моя. В чем я была? Плохо помню во что одѣли меня, сильно хлопотавшія о том, чтобы я была „во всем блескѣ," Талочка и мамина. Кажется, на мнѣ был бѣлый бархатный костюм, отдѣланный горностаем и маленькій ток из бѣлых гарденій. Клод подарил мнѣ сказочные жемчуга. Я никода не видѣла таких. Колье, запястья, кольца, діадема. Я в них похожа на византійскую икону. Он запретил мнѣ носить мои прежнія драгоцѣнности. Я сохраню их для Таты, которая теперь временно живет у дѣдушки с бабушкой в Парижѣ.

После свадебнаго завтрака мы уѣхали сюда, в Торчелло. Несмотря на то, что стоял конец Апрѣля, весь островок наш утопал под бѣлыми, алыми, желтыми волнами вешняго цвѣтенія. Стѣны и колонны античнаго дворика, перед нашим павильоном, были покрыты воздушными голубыми каскадами глициній и розовыми гроздьями первых ползучих роз. Теплый и влажный воздух лагун был весь напоен ароматом милліонов, только что распустившихся на островах, гвоздик.

Послѣ долгой снѣжной зимы Санкт-Морица, из котораго мы уѣхали на санях, мнѣ показалось, что я попала прямо в рай, полный свѣта и ярких цвѣтов. Дверь и окна нашего дома были настеж открыты солнцу и легкому морскому вѣтерку. На ступенях портика нас встрѣтил наш бѣлый павлин. Помнишь, я разсказывала тебѣ... На этот раз он не убѣжал от меня, что привело Клода в восторг.

В студіо ничего не измѣнилось. Все осталось в нем так, как в тот вечер, когда я в первый раз услышала голос Клода. Как часто вспоминала я об этой комнатѣ в часы одиночества, как часто мечтала о ней. И вот, она моя . . . Я в ней хозяйка. Весь день нашего пріѣзда, я не могла привыкнуть к этой мысли, чувствовала себя в ней неправдоподобно счастливой, но неувѣренной гостьей. Только когда стемнѣло, когда Аннунціата закрыла ставни, затянула занавѣси и ушла, оставив нас вдвоем, стѣны студіо наглухо сомкнулись вокруг нас и мы почувствовали, что мы одни, у себя, в нашей любимой комнатѣ. С этой минуты она стала моей.

Мы усѣлись в широком креслѣ, в котором легко умѣщаемся вдвоем, и нам показалось, что мы одни в цѣлом мірѣ. С этого вечера вся жизнь наша заключается в том, чтобы быть неразлучно, вмѣстѣ, вмѣстѣ думать, вмѣстѣ дышать. Быть на-

столько вмѣстѣ, чтобы даже не сознавать близости друг друга, как не осознается единство тѣла и души.

Я слышу твой нѣмой вопрос. Да, теперь и я узнала, что страсть сильнѣе смерти. Что она, порою, может быть сильнѣе любви . . .

Кончаю на сегодня это письмо. Слышу в саду голос Клода, вернувшагося из Венеціи, куда он ѣздил по одному дѣлу. Клод зовет меня. Бѣгу ему навстрѣчу!

Два дня спустя.

Здравствуй, моя родная. Только что встала. Ура!.. Вчера пришла отличная вѣсть! Отпуск Клода продлен еще на двѣ недѣли. Я забыла написать тебѣ: он был ранен на войнѣ, выздоровѣл и должен вернуться на фронт . . . Это Дамоклов меч, который висит надо мною. Я всей силой своей воли стараюсь быть мужественной и все таки . . . Нѣт, не будем говорить об этом. Итак, через десять дней мы уѣдем отсюда в Париж, гдѣ я поселюсь с Татой в домѣ Клода и его отца. Это очаровательный утонченный старик, „с супсоном пудры в волосах." Помнишь, у Тургенева? Моя свекровь моих лѣт, но она совсѣм, совѣм дитя. Мнѣ кажется, что мы с нею сойдемся. Но мнѣ хотѣлось бы, чтобы сестра Клода, (которую ты знаешь, графиня де Рено) жила с нами. Ея муж на войнѣ и она очень страдает. Я сильно полюбила ее. Она во многом похожа на брата и будет мнѣ опорой, когда я останусь одна . . .

Сейчас у Клода аккомпаніатор. Он упражняет голос в своем студіо. Я слышу его из нашей спальни. Пишу тебѣ у открытаго окна, выходящаго на лагуну. У понтона ждет наша гондола, которая ежедневно отвозит нас в девять часов нá Лидо. Там мы около двух часов ѣздим верхом.

Клод любит порядок в распредѣленіи дня и мы живем по часам. Ежедневно в одиннадцать часов, мы, возвращаясь с прогулки, гарцуем по Лунгомаре Маламокко, дорогѣ между набережной и виллами, проѣзжаем мимо романтичнаго, заросшаго темным плющем „Фора“ и подъѣзжаем к сверкающему на солнцѣ всѣми своими куполами и минаретами Мавританскому замку из краснаго кирпича, Экзельсіор-Паласу. Тут мы соскакиваем с лошадей. Их уводит куда то ожидающій нас берейтор. Мы же идем пить чай на террасу отеля, выходящую на почти тропическій сад. Очаровательно так отдыхать послѣ пріятнаго движенія. Никогда чай и торты не казались мнѣ такими вкусными. В половинѣ двѣнадцатаго мы надѣваем купальные костюмы и жаримся под солцем на пляжѣ Экзельсіора, на его шелковистом пескѣ, оттѣнка чайной розы. Мы сильно загорѣли. Наша кожа отливает темной бронзой. Купаться еще рано. Холодная вода. Благодаря этому пляж, к нашему удовольствію, так же пуст, как и отели, на убранных цвѣтами террасах которых, уже стоят безчисленные накрытые столики, тщетно ожидающіе гостей. Сезон еще не начался и здѣсь боятся, что он будет плохим: безденежье, война. Но возвращаюсь к нам. Итак, до часу мы жаримся на солнцѣ, потом возвращаемся домой, гдѣ ждет нас завтрак, приготовленный Аннунціатой. Она блаженствует в своей Венеціи, принимает родственников, благодѣтельствует их, дѣлает визиты. Я очень рада за нее.

Пѣніе замолкло. Аккомпаніатор прощается. Сейчас Клод придет за мною. Обрываю это письмо, чтобы гондольер Маттео отвез его на почтамт и отправил заказным. Когда то оно дойдет до тебя, моя любимая? С нетерпѣніем жду твоего отвѣта! Ты давно не писала мнѣ. Привѣт

Глѣбу. Крѣпко тебя обнимаю и люблю. Твоя воскресшая Ирина-Діана.

P. S. А вѣдь ты угадала: судьба разом вознаградила меня за всѣ мои мытарства огромным счастьем".

Мои первые научные опыты и забавы	—	4 00
Янковская	Это было в Кореѣ	15 00
Глуховцова	Федор Кузьмич	7 00
Наваль	Ирина Радищева ч. I	15 00
Наваль	„ „ „ ч. II	15 00
Гитлер	Моя борьба	15 00
Моруа	Эдуард 7-й	12 00
Пр. Болдырев	Знаніе и бытіе	15 00
Тутковскій	Орден новых людей	20 00
Серебренников	Великій отход	17 00
Рѣзникова	Раба Афродиты	15 00
Наваль	В Лабиринтѣ Гименея ч. I.	15 00
„ „	„ „ „ „ II.	15 00
Наживин	Софисты	17 00
„ „	Неглубокоуважаемые	16 50
„ „	Неопалимая купина	20 00
Байков	Великій Ван	20 00
Григорьев	Правильное питаніе	35 00
Кручинин	Свѣт с Востока, ром.	12 00
Лович	Бѣлая Голгофа	12 00
Наваль	Тѣсныя врата	15 00
Загоскин	Казаки	10 00